

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2021. № 1 (15)

Научный рецензируемый журнал

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2021

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2021. № 1 (15)

Scientific peer-reviewed journal

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2021

2021. 1 (15). Актуальные проблемы филологии

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, директор института гуманитарного образования, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

М. Боровски – кандидат гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досия университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени ВалдаАвотиня, центр развития (Латвия, Рига);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культур и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патронева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета (Россия, Самара);

С. Е. Рахманкулова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород);

С. А. Песина - д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Н. В. Позднякова - канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – канд. пед. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

О. В. Франчук - канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – технический редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Картинка для обложки выполнена **магистрантом-филологом Каминской А.**

2021. 1 (15). Current philological problems

Editorial Board:

Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);

Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);

Alexandre Stroeve – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;

Alexander Vlskin – Doctor of Sciences (Philology) (Russia, Magnitogorsk);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Maria Kovshova – Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);

Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;

Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);

Natalia Patroeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Rakhmankulova – Doctor of Sciences (Philology), Senior researcher at Artificial Intelligence and Cognitive Research Laboratory, Full Professor at the Department of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Pesina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Natalia Pozdnyakova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Aleksandr Soldatchenko – PhD in Pedagogy, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Oksana Franchuk – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Alexej Petrov – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

The picture for the cover was made by **master's student-philologist Anastasia Kaminskaya**

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Марголис Я. М. ТРАНЗИТ ЯЗЫКА РУССКИХ ПОЭТОВ
XXI ВЕКА ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ 11

Марголис Я. М. ТРАНЗИТ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ОТ ПУШКИНА
ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ 50

РАЗДЕЛ II. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

Большунова И. И. РОДИОН РАСКОЛЬНИКОВ И ЕГОР
ПРОКУДИН – ПУТЬ ОТ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ» К «НАКАЗАНИЮ»
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И КИНОПОВЕСТИ
В. М. ШУКШИНА «КАЛИНА КРАСНАЯ») 77

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Маслова А. Г., Метелева О. А. МАСОНСКИЕ МОТИВЫ
В ФИЛОСОФСКОЙ ОДЕ В. И. МАЙКОВА «ВОЙНА» 87

РАЗДЕЛ IV. РОССИЯ И ЗАПАД: ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ

Ефимовский Е. ПРОБЛЕМА ПАНСЛАВИЗМА
В ПУБЛИЦИСТИКЕ СЛАВЯНОФИЛОВ 102

РАЗДЕЛ V. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

Петров А. В. «ДЕРЖАВИНСКИЙ МИФ» И ОБРАЗ
БОГИНИ ФОРТУНЫ В БИОГРАФИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛЕ-
ФАНТАСМАГОРИИ «В МОСКВЕ НА МАСЛЕННОЙ»
П. Г. АНТОКОЛЬСКОГО 120

Рудакова С. В. «КРЫЛАТЫЙ СЧАСТЬЯ МИГ...»:
ФЕНОМЕН СЧАСТЬЯ В ЛИРИКЕ К. Н. БАТЮШКОВА 148

РАЗДЕЛ VI. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Неверов Е. А. ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ПРИМЕРЕ
РОМАНА Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР» 167

РАЗДЕЛ VII. ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Пономарев А. В. ПАНЕГИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XVIII В.: ИМПЕРАТОРСКИЙ МИФ 176

АВТОРАМ 187

CONTENTS

PART I. PHILOLOGY AND ITS FIELD OF RESEARCH, DEVELOPMENT PROSPECTS

Margolis Jakob M. THE LANGUAGE OF RUSSIAN POETS
IN WORDS AND NUMBERS 11

Margolis Jakob M. NOUNS TRANSITION IN RUSSIAN
POETIC LANGUAGES FROM PUSHKIN TO OUR TIME 50

PART II. COMPARATIVISTICS TODAY: TASKS – IDEAS – SCHOOLS

Bolshunova I. I. F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "CRIME
AND PUNISHMENT" AND V. M. SHUKSHIN'S FILM STORY
"THE RED SNOWBALL TREE": RODION RASKOLNIKOV
AND EGOR PROKUDIN – THE WAY FROM "CRIME"
TO "PUNISHMENT" 77

Part III. PHILOSOPHY OF LITERATURE

Maslova A. G., Meteleva O. A. MASONIC MOTIVES
IN V. I. MAIKOV'S PHILOSOPHICAL ODE «WAR» 87

PART IV. RUSSIA AND THE WEST: HISTORICAL MYTHS AND THEIR REFLECTION IN THE TEXTS OF CULTURE

Efimovsky Eug. SLAVOPHILE JOURNALISM: THE PAN-
SLAVISM ISSUE 102

PART V. NATIONAL MODEL OF THE WORLD IN LITERATURE

Petrov A. V. BIOGRAPHICAL PHANTASMAGORIC
NOVELLA «IN MOSCOW ON MASLENITSA»
BY P. G. ANTOKOLSKY: «MYTH ABOUT DERZHAVIN»
AND THE IMAGE OF FORTUNE GODDESS 120

Rudakova S. V. K. N. BATIUSHKOV'S LYRICS:
THE PHENOMENON OF HAPPINESS ("THE WINGED
MOMENT OF HAPPINESS...") 148

PART VI. HISTORY AND THEORY OF GENRES: THE DIALECTIC OF FORM AND CONTENT

Neverov E. A. GENRE VARIETIES OF NARRATIVE
STRATEGIES: NOVEL «LAURUS» BY E. VODOLAZKIN 167

PART VII. POETICS OF THE RUSSIAN LITERATURE

Ponomarev A. V. THE XVIII CENTURY: IMPERIAL MYTH 176

TO AUTHORS 187

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ББК 81я21, 83.3
УДК 81'373, 82.0

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_11

Я. М. Марголис¹,
Трир университет, Германия
jakob_margolis@gmx.de

ТРАНЗИТ ЯЗЫКА РУССКИХ ПОЭТОВ ХХІ ВЕКА ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ

*Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!*
А. С. Пушкин

Статья посвящена статистическому и лингвистическому анализу транзита русского языка поэтов ХХІ века во времени, по сравнению с языком выдающихся поэтов ХІХ–ХХ веков, и в пространстве, по сравнению с русскими поэтами из других стран.

Четырьмя независимыми жюри были отобраны 24 поэта ХХІ века из России и зарубежья, собраны репрезентативные выборки их стихов. В исследовании определены количество словоупотреблений в выборках, словарные запасы поэтов, наиболее часто используемые в стихах словоформы и лексемы. По методике Г. Хьетсо определены лексические нормы, тематические и ключевые лексемы, характерные для российских и отдельно для зарубежных поэтов начала ХХІ века.

Предложен ПЦБ-подход для оценки транзита найденных лексем по сравнению с лексемами выдающихся поэтов ХІХ–ХХ веков – А. Пушкина, М. Цветаевой, И. Бродского (ПЦБ), и по сравнению с поэтами, живущими в другой языковой среде: в Украине, Беларуси, Латвии, Эстонии, Казахстане, Узбекистане, Израиле. Эти сравнения показывают транзит, изменения русского поэтического языка

¹ Марголис Яков Моисеевич, математик, статистик, Dr.-Ing., литератор, фрилансер, Штутгарт, Германия.

во времени и в пространстве других стран: какие наиболее частые лексемы появились в словарях поэтов ХХI века, а какие лексемы убыли.

Подтверждено, что зависимости величины словарного запаса от количества словоупотреблений, найденные ранее для русских поэтов ХIХ–ХХ веков, сохраняются и для поэтов ХХI века. Это позволяет оценивать словарные запасы современных поэтов, не вошедших в выборку исследования, и сравнивать их с поэтами иных эпох и стран.

Исследование выполнено в рамках подготовки проекта «Русскоязычная поэзия в транзите» университета Трира, Германия, и является продолжением статьи [24].

Ключевые слова: русские поэты ХХI века, квантитативный анализ языка, транзит поэтического языка, лингвостатистика, частотность, словарный запас, словоупотребления, словоформа, лексическая норма, ключевые лексемы, языковая энергетика, ПЦБ-подход

1. Независимые жюри и отбор поэтов

Жюри издательского проекта «Центрифуга» Центра Вознесенского в Москве в составе: Мария Степанова, Илья Данишевский и Лев Оборин – выбрало из большого числа кандидатов четырёх поэтов для публикации книг их стихов. В их числе оказались: Ростислав Амелин, Анна Глазова, Василий Бородин и Лидия Юсупова.

Главный редактор журнала современной русскоязычной поэзии «Воздух» Дмитрий Кузьмин (Латвия) предложил для исследования пять поэтов из России: Вадима Банникова, Кирилла Корчагина, Оксану Васякину, Галину Рымбу и Кузьму Коблова.

Литературный критик Юрий Орлицкий (РГГУ, Москва) отобрал для проекта четырёх поэтов из России: Станиславу Могилёву, Антона Азаренкова, Анну Орлицкую и Аллу Горбунову.

Автор статьи выбрал для исследования следующих зарубежных русскоязычных поэтов: Дмитрия Строщева, Татьяну Скарынкину, Марию Малиновскую (Беларусь), Максима Бородина, Ольгу Брагину, Антона Полунина (Украина), Василия Карасёва (Латвия), Ларису Йоонас (Эстония), Павла Банникова (Казахстан), Шамшада Абдуллаева (Узбекистан), Гали-Дану Зингер (Израиль).

Выборка 24 русскоязычных поэтов ХХI века является достаточно репрезентативной и отражает разнообразные тенденции современного русского поэтического языка как в России, так и в других странах.

2. Выборки стихов русских поэтов XXI века

Автор получил от российских и зарубежных поэтов, отобранных жюри, репрезентативные, максимально большие выборки их стихов. Затем для выборки каждого поэта был проведён статистический анализ количества словоупотреблений (КСУ), словарного запаса (СЗ) словоформ (сф), наибольшей частотности словоформ и лексем.

Результаты статистического и лингвистического анализа представлены в таблице 1 (в скобках указана абсолютная частотность употребления существительных в словоформах).

Табл. 1: количество словоупотреблений (КСУ), словарные запасы (СЗ) в выборках поэтов России XXI века и самые частые существительные.

№	Имя поэта, сокращен.	КСУ	СЗ сф	Наиболее частые словоформы (частоты)
1	Ростислав Амелин (РА)	19939	5955	жизнь (53), ветер (37), люди (33), свет (32), света (31), мир (31), время (31), дети (30), царевна (24)
2	Анна Глазова (АГ)	12860	5375	земли (24), человек (22), память (22), время (21), тело (20), свет (19), руки (18), вода (16), солнце (16)
3	Василий Бородин (ВБ)	8531	3831	солнце (17), свет (16), снег (16), глаза (15), вода (15), воздух (15), ночь, ветер (13), тишина (13), земли (12)
4	Лидия Юсупова (ЛЮ)	26580	4812	Фию24 (127), фию20 (100), года (81), боль (76), фию15 (70), ударов (53), часов (44), данные (44), голове (41), кулаком (36), домой (34), время (33)

5	Вадим Банников (ВБан)	35239	12254	время (34), сердце, день (31), глаза (27), человек (26), ночь (24), солнце (22), дом (21), город (21), воздух (21)
6	Кирилл Корчагин (КК)	16812	6967	свет (31), время, друг, горы (23), ночь (22), солнце, воздух (21), день, ветер, воды (19), ветра (18), стены (17)
7	Оксана Васякина (ОВ)	17143	6095	тело (26), женщины (23), запах (22), глаза, книги (21), ветер (20), люди, Сибири (18), смерти, мама, земле (17)
8	Галина Рымбу (ГР)	37611	10849	тело (76), время (64), ночь (50), человек (48), тела (47), мир (45), времени, землю (40), жизнь, люди (38)
9	Кузьма Коблов (ККоb)	11191	5185	стихи (55), время, запись (20), ноября (15), руках (14), день (13), глаза, руки, места, ветер (12), тела (10)
10	Станислава Могилёва (СМ)	20028	6378	друг (32), зрение (27), время, день (24), место (23), глаза (22), сне, тело, письмо (20), слова (19), руки (16)
11	Антон Азаренков (АА)	8668	4872	свет (13), руки (10), сцена (9), солнце, ветер, сне, утром, запах (8), время (7), саду, мир, глаза, солнца, любовь (6)
12	Анна Орлицкая (АО)	6929	3358	слова (29), девочка (20), города (12), город,

				солнце (11), море (10), друг, сердце (9), стихотворение, света (8)
13	Алла Горбунова (АГ)	63902	18477	солнце (94), время (67), свет (66), земли (61), любви (60), мир (57), земля (56), сердце, лес (55), день, земле (53), любовь (51), цветы, вода (48), сон (46)
14	Мария Малиновская (ММ)	14986	5738	жизни, время (33), тело (22), друг (20), жизнь (17), времени, день (16), руки, дома, глаза (13), тела, человека (12)
	Сумма КСУ	273839		

Затем словоформы были сведены в лексемы, например, у Р. Амелина словоформа «*свет*» встречается 32 раза, а словоформа «*свете*» 31 раз, и они приведены к одной лексеме «свет» с частотностью $32+31=63$.

Для всех выбранных российских поэтов посчитаны лексемы, найдены их суммарные частотности и определена «**лексическая норма**» эпохи начала XXI века по методике проф. Г. Хьетсо [41,42].

Табл. 2: Лексическая норма в стихах российских поэтов начала XXI века. **Ранг** – порядковый номер лексемы по сумме частотности.

Ранг	Имя лексемы (лемма)	Сумма частотности	ОЧ_10Т
1	время	357	13,04
2	земля	263	9,60
3	тело	233	8,51
4	свет	216	7,89
5	солнце	195	7,12
6	день	156	5,70
7	жизнь	141	5,15

8	мир	139	5,08
9	ветер	127	4,64
10	смерть	122	4,46
11	любовь	117	4,27
12	глаз	116	4,24

В табл. 2 сокращение ОЧ_10Т означает: средняя относительная частотность (ОЧ) лексемы, приходящаяся на 10 тысяч (10Т) словоупотреблений поэтического текста. Частотность применяется для оценки наиболее используемых слов в тексте. Обычно принято выражать частотность в процентах или для особенно больших текстов на один миллион словоупотреблений [29]. Но в табл. 2 взята более удобная единица измерения частотности на 10 тысяч слов, т. к. общая сумма количества словоупотреблений у выбранных российских поэтов насчитывает 273839 словоупотреблений.

3. ПЦБ-подход к оценке транзита лексем во времени: сравнение с языком выдающихся поэтов предыдущих эпох

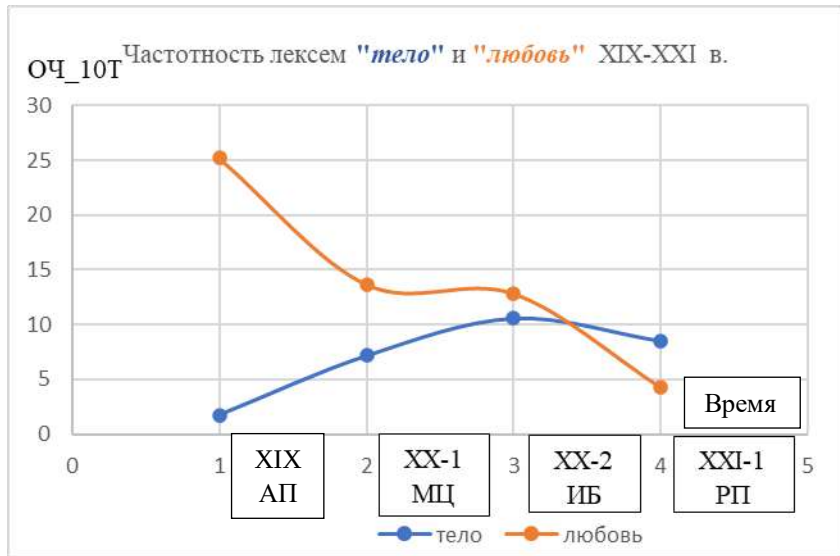
Поставим задачу: сравнить найденные наиболее частые лексемы в стихах российских поэтов XXI века с такими же лексемами выдающихся русских поэтов предыдущих веков: ***А. Пушкина***, XIX век (АП-XIX), ***М. Цветаевой***, первая половина XX века (МЦ-XX-1), ***И. Бродского***, вторая половина XX века (ИБ-XX-2), сокращённо – ПЦБ. Подчеркнём, что для сравнения с языком российских поэтов XXI века (РП-XXI-1) были выбраны не только **выдающиеся поэты** прошлых эпох по качеству поэзии, но и **наиболее плодотворные поэты с наибольшим количеством словоупотреблений**: у А. Пушкина 196 тысяч словоупотреблений (НКРЯ), у М. Цветаевой 168 тысяч (НКРЯ) [27], у И. Бродского 154 тысячи (взято из конкорданса к поэзии И. Бродского в 6 томах Т. Патера [45], так как в НКРЯ в поэтическом корпусе И. Бродского продублирована около трети стихов).

Наиболее интересным среди лексем молодых российских поэтов XXI века (табл. 2) является то, что лексема «**любовь**» убывает по времени от XIX до XXI века, а лексема «**тело**» растёт. Сравним транзит во времени относительной частотности (ОЧ_10Т) лексем «тело» и «любовь» за два века русской поэзии, см. табл. 3.

Табл. 3: относительная частотность лексем «*тело*» и «*любовь*» во времени от XIX до XXI века у АП, МЦ, ИБ и российских поэтов (РП).

Табл. 3	Лексема	<i>тело</i>	<i>любовь</i>
Эпоха/время	Поэт-век	ОЧ 10Т	ОЧ 10Т
1	АП-XIX	1,74	25,22
2	МЦ-XX-1	7,17	13,69
3	ИБ-XX-2	10,59	12,85
4	РП-XXI-1	8,51	4,27

Транзит во времени от XIX до XXI века лексем «*тело*» и «*любовь*» представлен на *графике 1*.

Из графика 1 видно, что относительная частотность лексемы «*любовь*» от века к веку убывает, а относительная частотность лексемы «*тело*» от века к веку возрастает.

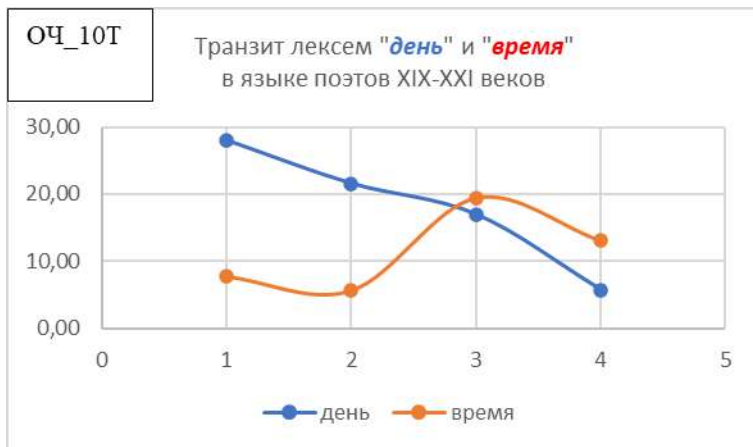
Телесность и раньше входила в ТОП-5 лексем, но в виде лексемы «*рука*». Телесность является темой многих современных поэтов XXI века, особенно женщин: из шести поэтов, у которых чаще всего встречается лексема «*тело*», пять женщин. В стихах Галины Рымбу лексема «*тело*» имеет ранг 1 vs. ранг 3 в «лексической норме» и является ключевой:

*«вот поэтому и в тело садится проза написанная
древнеегипетским
написанная дантистами
спокойный ужас зияние в каждом значке
вот ответ на вопрос почему женщины не всегда хотят
заняться любовью» [33].*

Из 20 наиболее частых существительных в стихах поэтов XX века – М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, И. Бродского у всех поэтов чаще всего встречаются лексемы: *«рука»*, *«день»*, *«жизнь»*, *«глаз»*, *«слово»* – эти лексемы составляли ядро слов, пересечение всех словарных запасов четырёх выдающихся поэтов XX века [24]. Видно, что ТОП-5 у молодых поэтов XXI века изменился, хотя наиболее частотные лексемы XX века по-прежнему входят в лексическую норму, в поэтический лексикон поэтов XXI века, но уже с меньшими рангами лексем.

Таким же образом можно посмотреть динамику частотности других лексем как в виде таблицы, так и в виде графика. Например, относительная частотность лексемы *«день»* в поэтическом языке поэтов **постоянно убывает** во времени: 1) АП в XIX веке 28,02; 2) МЦ в XX-1 – 21,58; 3) ИБ в XX-2 – 16,96; 4) РП в начале XXI века – 5,70.

Частотность самой используемой поэтами XXI века лексемы *«время»* приблизительно одинакова в Золотом и в Серебряном веках русской поэзии: 1) АП в XIX веке (7,82); 2) МЦ в первой половине XX века (5, 69), но она возрастает 3) ИБ во второй половине XX века (19,43) и остаётся на высоком уровне 4) у российских поэтов XXI века (13,04). Особый интерес Иосифа Бродского к концепту *«время»* известен: в конкордансе к стихам поэта лексема *«время»* имеет ранг 3 и упоминается 299 раз, оказывается после лексем *«жизнь»* (385 раз) и *«глаз»* (302 раза) vs., например, лексемы *«смерть»* (177 раз). Поэт писал: *«Время – единственное, что важно в мире. Время намного интереснее, чем, например, пространств... И если бы мне нужно было описать то, что меня интересует, – так это то, что время делает с человеком» [25].*

Относительная частотность лексемы «*жизнь*» у А. Пушкина (13,83) и М. Цветаевой (11,42) приблизительно одинакова, но значительно возрастает у И. Бродского (25,00), а у русских поэтов XXI века резко падает (5,15), см. ниже график 2.

Наконец, относительная частотность лексемы «*смерть*» в поэтическом языке поэтов возрастает со временем от А. Пушкина в XIX веке (5,83) и М. Цветаевой в первой половине XX века (7,88) до И. Бродского во второй половине XX века (11,50) и резко падает у молодых российских поэтов XXI века (4,38). Но надо отметить важный аспект: лексема «*смерть*» у молодых российских поэтов XXI века – *единственная лексема, встречающаяся у всех 14 выбранных поэтов*, в то время как, например, наиболее частотная лексема «*время*» встречается только у 9 поэтов. Так что, молодые поэты XXI века не забывают «memento mori»; лексемы «*жизнь*» и «*смерть*» у них имеют близкую частотность и сходятся почти в одной точке, см. график 2.

График 2. Относительная частотность лексем «*жизнь*» и «*смерть*» у А. Пушкина (1), М. Цветаевой (2), И. Бродского (3) и поэтов XXI века (4).

У выдающихся русских поэтов прошлого относительная частотность употребления лексемы «жизнь» всегда была больше, чем лексемы «смерть», а у молодых поэтов XXI века она лишь немного выше: 5,15 vs. 4,38.

4. Выборки стихов русских поэтов XXI века из других стран

Десять зарубежных поэтов из семи стран прислали автору выборки своих стихов. Мария Малиновская, родившаяся в Гомеле (Беларусь), закончившая Литературный институт в Москве и живущая там долгие годы, была отнесена к выборке русских поэтов, поскольку основной корпус её стихов написан был в России. Остальные девять поэтов пишут на русском языке в своих странах, *находясь в другой языковой среде*.

Для стихов каждого поэта был проведён статистический анализ количества словоупотреблений (КСУ), словарного запаса (СЗ) словоформ (сф), наибольшей частотности словоформ и лексем. Результаты статистического и лингвистического анализа представлены в таблице 4, где в скобках указана абсолютная частотность употребления существительных в словоформах (сф) в корпусе поэта.

Табл. 4: количество словоупотреблений (КСУ), словарные запасы (СЗ) в выборках зарубежных поэтов XXI века и наиболее частотные существительные в словоформах (сф).

№	Поэт, сокращение, страна	КСУ	СЗ сф	Наиболее частотные лексемы в сф (частоты)
1	Татьяна Скарынкина (ТС), Беларусь	6193	3307	поэт (12), день (10), руки, время (9), дверь, мама, дети (7), стихи, душа, друг, люди, стороны (5)
2	Дмитрий Строцев (ДС), Беларусь	43587	13334	сердце (131), крик (83), вера (80), глаз (74), день (63), мама (61), книга (39), руки (35), свет (30), время, мир (28), люди, человек (27), земля (26)
3	Максим Бородин (МБ), Украина	17870	6504	жизнь (87), море (53), человек (51), воздух (31), руки (23), время (21), мир (19), осень (17), душа, сон, лет (16)
4	Ольга Брагина (ОБ), Украина	10078	4802	жизнь (31), мир (19), люди (17), любовь (15), свет, слово (9), день, тело, дом, снег, война (8)
5	Василий Карасёв (ВС), Латвия	9584	4715	свет (33), глаз (20), стук (17), ветер (16), язык (15), день (13), дождь, вода, небо (11), страх (10), руки, память, ладонь, трава (9)
6	Лариса Йоонас (ЛИ), Эстония	16039	7067	небо (23), время, мир, слово (21), свет (20), люди, воздух (19), глаз (16), руки (15), дети (13)

7	Павел Банников (ПБ), Казахстан	17262	8083	время (28), тело, слово (16), голос (15), человек, мир, память (14), ветер, запах (13), глаз (12), стихи, дом (11)
8	Шамшад Абдуллаев (ША), Узбекистан	7752	4404	пыль (13), время, свет, город (7), лет, утро, окраина, лет (6), земля, окно, солнце, место, полдень (5)
9	Гали-Дана Зингер (ГДЗ), Израиль	21989	9852	слово (49), имя (33), время (27), смерть (22), человек (19), урок (18), год (17), день, сон, мир (15), брат (14), баллада, вечность (12)

Сумма количества словоупотреблений у всех девяти зарубежных русскоязычных поэтов составляет 150354 словоупотребления.

5. Лексические нормы: сравнение наиболее частотных лексем российских поэтов и поэтов из других стран

Также как в таблице 1 словоформы таблицы 4 были сведены в лексемы.

Для всех выбранных зарубежных поэтов посчитаны лексемы, найдены их суммарные абсолютные и относительные частотности и «лексические нормы», каждой лексеме проставлен ранг. Результаты для российских (РП) и зарубежных поэтов (ЗП) приведены в таблице 5 (по убыванию частотности лексем).

Табл. 5. Сравнение наиболее частотных лексем: «лексические нормы» российских поэтов (РП) и зарубежных поэтов (ЗП) XXI века.

Ранг лексем РП	Лексическая норма РП Наиболее частотные лексемы РП	Ранг лексем ЗП	Лексическая норма ЗП Наиболее частотные лексемы ЗП
1	время	1	время
2	земля	2	сердце
3	тело	3	глаз
4	свет	4	жизнь
5	солнце	5	мир
6	день	6	человек
7	жизнь	7	день
8	мир	8	свет
9	ветер	9	слово
10	смерть	10	рука
11	любовь	11	крик
12	глаз	12	вера

Видно, что между лексическими нормами наиболее частотных лексем российских и зарубежных поэтов есть общие лексемы и есть различные, специфические лексемы. Например, лексема «*время*» имеет ранг 1 и у российских, и у зарубежных поэтов, а лексема «*свет*» имеет ранг 4 у РП и ранг 8 у ЗП.

Представим лексические нормы российских и зарубежных поэтов в виде двух эллипсов на графике 3. Пересечение двух эллипсов даёт в середине графика общую часть лексем, а оставшиеся левая и правая части показывают специфические различия между множествами лексем российских и зарубежных поэтов.

График 3. Общая часть и различия наиболее частотных лексем российских поэтов (РП) и зарубежных поэтов (ЗП) XXI века.

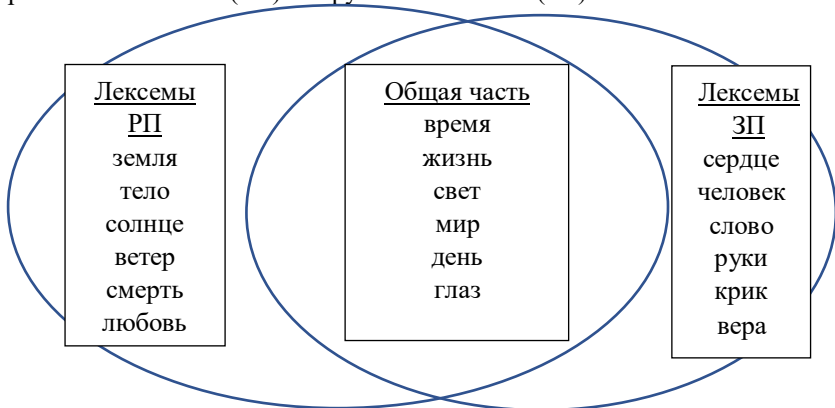

График 3 показывает специфические лексемы РП и ЗП (слева и справа) и общие лексемы в поэтическом языке РП и ЗП (в середине графика).

В табл. 5 были представлены «лексические нормы» российских поэтов (РП) и зарубежных поэтов (ЗП) эпохи начала XXI века, определённые по методике [41, 42]. Пересечение «лексических норм» и определение специфических и общих лексем удобно делать для больших выборок с помощью компьютерных статистических программ SAS [44].

Специфическая лексема, например, «*тело*» у российских поэтов, не означает, что она никогда не встречалась в поэтическом языке зарубежных поэтов. Это возможно, но лексема «*тело*» не была высокочастотной и не вошла в лексическую норму зарубежных поэтов.

Общие лексемы можно классифицировать на тематические и ключевые.

Лексема «*время*» – тематическая для российских и зарубежных поэтов, так как она имеет высокий, одинаковый ранг – 1 в двух лексических нормах [38].

Лексема «*жизнь*» – ключевая для зарубежных поэтов, так как её ранг 4 у зарубежных поэтов выше, чем ранг 7 у российских поэтов.

Лексема «*свет*», наоборот, ключевая для российских поэтов, так как её ранг 4 выше, чем ранг 8 у зарубежных поэтов.

Лексема «*мир*» – ключевая для зарубежных поэтов, так как её ранг 5 выше, чем ранг 8 у российских поэтов.

Лексема «*день*» – тематическая для зарубежных поэтов (ранг 7) и для российских поэтов (ранг 6), так как не сильно отличается по рангу.

Лексема «*глаз*» – ключевая для зарубежных поэтов, так как её ранг 3 выше и сильно отличается от ранга 12 у российских поэтов.

Естественно, найденные лексемы надо рассматривать в **контексте написания стихов**. Например, выяснить: лексема «*земля*» понимается как почва или как астрономический объект? Лексема «*мир*» означает отсутствие войны или подразумевает вселенную?

Посмотрим употребления наиболее частотных лексем в контексте стихов поэтов.

**6. Ключевые и тематические лексемы поэтов начала
XXI века в контексте стихов**

«Лексическая норма» эпохи и ранги соответствующих лексем могут также использоваться для сравнения с рангами лексем у конкретного поэта. *«Тематические слова отражают понятия, основные для данного поэта... Ключевые слова в наибольшей степени отражают индивидуальность поэта»* [38].

Если ранг лексемы у поэта существенно превосходит ранг этой лексемы в «лексической норме», то данная лексема является ключевой для поэта, иначе лексема является тематической у поэта и не отличается от общего лексического фона эпохи. Оценим ключевые и тематические лексемы у российских и зарубежных поэтов эпохи начала XXI века в контексте стихов (стихи приводятся так, как они были присланы в оригиналах авторов).

У Ростислава Амелина, автора недавно вышедшей книги-эпоса и сказочной футуристической антиутопии «Мегалополис Олос», наиболее частые лексемы *«свет»* (ранг 1) и *«жизнь»* (ранг 2), *«ветер»* (ранг 3). В «лексической норме» табл. 5 лексема *«свет»* имеет ранг 4, а *«жизнь»* – ранг 7. Следовательно, две эти лексемы, как и *«ветер»*, являются ключевыми для поэтического языка Р. Амелина. Но, например, лексема *«время»* у поэта имеет ранг 4 против ранга 1 в «лексической норме» эпохи начала XXI века и является тематической.

ДА УЖ!
ЗА ВАМИ – ОКО
ТРЕХДНЕВНЫЙ СЧЕТЧИК
А ТО – СНИМАЕМ
ДА БУДЕТ СВЕТ ВАМ

*Прозрачные стражи
уходят сквозь стену.*

*Небо над складами
серое, ровное
не предвещает
дождей и напастей.
Утро как вечер,
вечер как утро.
Так – от рождения
и до старости.
Ветер, ветер*

*по Темному Царству.
Слова на стендах:
НЕ ЖИЗНЬ, А СКАЗКА [4].*

Анна Глазова – автор нескольких книг стихов, лауреат премии А. Белого за книгу «Для землеройки» (2013) и недавно вышедшей в проекте «Центрифуга» новой книги «Лицевое счисление» (2020).

Наиболее употребительная лексемы поэтессы: *«земля»* (ранг 1) и *«память»* (ранг 2). В «лексической норме» эпохи лексема *«земля»* – ранг 2 не сильно отличается от ранга 1, её можно считать тематической, а *«память»* имеет ранг в конце «лексической нормы» российских поэтов и её можно считать ключевой для поэтессы:

*только из собственных глаз у него свет.
а кто-то и слеп.
у лежащих в земле земля не хлеб и вода.*

*выслано белым за глазом,
а за ним только перебирать:
сколько листьев высохнет и облетит?
птицы клевали зелень: рябины нет.
белым ложится,
помню, снег – потом, теперь – память [14].*

Василий Бородин – автор нескольких книг стихов и лауреат премии Андрея Белого, премия «Белла» за книгу «Пёс» (2017). Наиболее употребительная лексемы *«солнце»*, *«свет»*, *«глаз»* являются ключевыми, а лексема *«земля»* тематической:

солнце бьёт в глаза, как в нос и в глаза бьёт йод поезду веришь? [7].

Лидия Юсупова пишет стихи на основе лексики из открытых судебных реестров и приговоров – это уникальный поэтический эксперимент, где словарный запас априори ограничен бюрократическим языком, как у Элочки-людоедки. Наиболее используемые лексемы: *«ФИО»*, *«год»*, *«боль»*, *«удар»*, *«голова»*, *«кулак»*, *«дом»*, *«время»* – здесь две последние лексемы тематические, а первые шесть лексем – ключевые в судебном лексиконе:

*Когда ее младшего сына ФИОб посадили в тюрьму первый раз,
а в это время Хотько Ю.Н. служил в вооруженных силах
она осталась жить одна и к ней домой стал приходить ФИО1
для совместного распития спиртных напитков [40].*

Вадим Банников – один из самых плодотворных авторов современной русской поэзии, наиболее употребляемые лексемы: *«время», «сердце», «день»*. Лексема *«время»* у поэта тематическая, так как имеет такой же ранг, как и у «лексической нормы» – 1, а две другие лексемы – ключевые:

*а рядом неуклюжее время всё ещё называли
самым скоростным и умным...[5]*

Кирилл Корчагин – автор нескольких поэтических книг и лауреат премии А. Белого, последняя книга стихов носит актуальное название: *«И это всё враньё»* (2020). Наиболее частотные лексемы: *«свет», «друг», «горы»* – ключевые, а лексема *«время»* – тематическая:

*в комнате залитой жёлтым светом
ты кружишься не останавливаясь
под надвигающуюся музыку
шипящего штора

*и обезьяна у тебя на спине плачет
что проходит время и снова течёт
между ветвей но и пальцев между [20].*

Оксана Васякина – автор нескольких книг стихов и лауреат премии «Лицей». Наиболее частотные лексемы: *«тело», «женщина», «запах»* – все лексемы ключевые:

*Видишь альпийский луг, видишь тело любимой.
Сквозь кости и плоть, сквозь диафрагму. Прячешь в нагрудный
карман в бархатную салфетку вход в тело Клавдии Ш. [13]*

Галина Рымбу – одна из плодотворных поэтесс России, автор нескольких книг стихов, лауреат премии «Поэзия без границ». Наибольшее упоминание лексем: *«тело»* и *«время»*. В стихах Г. Рымбу лексема *«тело»* имеет ранг 1 vs. ранг 3 в «лексической норме» начала XXI века и является ключевой, а лексема *«время»* – тематической:

*таяние границы между телом и средой, когда оглядываешься
на себя в ней
мужчины в больничных масках, облокотившись на фуру,
смотрят как падает её тело.*

Я. М. Марголис

*прошло время с тех пор, как тела, отчуждённые от
производимых форм, припадком светились, рассекая руки
движущихся под воздействием солнца [33].*

Кузьма Коблов – один из самых молодых поэтов, лауреат премии Аркадия Драгомощенко. Наиболее частые лексемы в подборке: **«стихи»**, **«рука»**, **«время»**:

*Стихи на исходе и пусть, источник
Движения по лесу – хруст и треск, и осторожность
Желания быть обнаруженной.*

*В рыщущих руках остатки жеста: замороженная форель
разбивает
Множественно себя, растаяв выпущенные объятия мои, и
Мой моментальный вскрик не может вздёрнуть ни единый звук [19].*

Станислава Могилёва – автор двух книг стихов, вышедших в 2016 и в 2018 годах. Наиболее частые лексемы: **«друг»**, **«зрение»**, **«день»**, **«время»**:

*мы воем на ветер мы следуем друг за другом
по огненному никогда не кончающемуся лабиринту*

*успевают укрыться ли в беглый узел ((промежуть) между жду
и ок), оцепленный зрением, ноль арсения, боль андрея, одна
тысяча восемьдесят шесть синонимов к слову имя,
восемьдесят шесть синонимов к слову слово [26].*

Антон Азаренков – автор 2 книг стихов, лауреат премии «Лицей». Наиболее частые лексемы: **«солнце»** и **«свет»**:

*Наверно, кольнуло – и вот ты на вдохе проснулся.
На левой руке дрогнет бабочка пульса,
но не упорхнёт. Духота. Наконец затопили.
Октябрьское солнце и стрёкот стоит бензопильный.*

*В шаре первого света
вот твоё непрозрачное это
между дробных стволов поутру [3].*

Анна Орлицкая – поэтесса и переводчица с испанского языка, финалистка премии «Дебют», автор книги стихов «Дерево смыслов». Наиболее используемые в стихах лексемы: **«слово»** и **«город»**:

*ты открываешь глаза говоришь словно в бреду
этот город эти голуби эти розовые стрекозы
и луна с каждым словом становится все полней [28].*

Алла Горбунова – автор шести книг стихов 2008–2020, самая плодотворная из всех выбранных как российских, так и зарубежных поэтов (около 64 тысяч слов), лауреат множества поэтических российских и зарубежных премий. Наиболее используемые лексемы: «**земля**», «**любовь**», «**солнце**», «**время**», «**свет**»:

*...и пули на земле у старых дотов,
земля хранит любовь в сокрытых соках
и ненавидит наши племена,
и запечатан мёд у цвергов в сотах,
в лесах блуждает зимняя война,
и тот, кто не напился допьяна, -
на свете не согреться, не согреться,
и очарованней, и падает, как сердце,
в озёрный край прозрачная весна.*

*Разодранная виолончель. Дожди.
В них отблески легенд, голосов, вражды.
Запнулось время, знать, пора мне.
Первый концерт красоте из камня.*

*Песня моя о любви, о белом свете,
о скудных летописях
и пути от пелёнок до гроба,
о реке Смородине,
о Родине –
о невесте.
/Падают бомбы,
падают
небоскрёбы./
Песня моя и о том, другом,
о чём петь невозможно.
А о чём невозможно петь –
остается посвист,
остается невыносимый соловий хохот.
Песня моя о невыносимом,*

Я. М. Марголис

*за пределами речи,
за пределами музыки.
Ты мёртв, если ты её слышишь [15].*

Мария Малиновская – поэтесса и переводчица, автор двух книг стихов (2020), лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко (2016, 2020), шорт-лист премии «Лицей» (2020). Наиболее частые лексемы: **«жизнь»**, **«время»**, **«тело»**:

тихое чтение по спирали

*помнится никому на пустых углах
как мёртвого в жизнь собирали
как живой с той стороны оглох
и потерял осторожность
натываясь на своих детей
взрослые шарахаются
как если бы увидели свой призрак

*но её набираешься только
в быстрой ходьбе под солнцем
и падаешь от жажды жить*

*распространяя тело
разнося во времени
как волну с волной
разобищённого океана [23].*

Посмотрим лексемы в контексте стихов зарубежных поэтов, пишущих на русском языке.

Дмитрий Строчев – ведущий современный поэт Беларуси, автор книг «38», «Виноград», «Лишние сутки», «Остров Це», «Бутылки света», «Газета» и «Шаг». Наиболее частые лексемы: **«сердце»**, **«крик»**, **«вера»**, **«глаз»**, **«день»**, **«мама»**:

*я книгу книгу на столе оставляю для тебя
я книгу книгу для тебя оставляю на сто лет
она не бомба пистолет не бомба пистолет
ты будешь будешь в ней читать слова слова слова
слова слова зажгут зажгут твои глаза глаза
и сердце сердце разожгут слова слова слова
и звери звери побегут в твои глаза глаза*

*и реки реки потекут в твои края края
они без края разольют твои моря моря
а в сердце в сердце запоют сады сады сады
ты только книгу не забудь и не забудь меня
и в сердце в сердце сохрани и книгу и меня
а сердце сердце рождено бежать бежать бежать
а на скаку на всем скаку его не удержать [37].*

Татьяна Скарынкина – поэтесса и прозаик из небольшого белорусского города Сморгонь. Автор нескольких книг стихов, лауреат премии Андрея Белого 2020 года за книгу стихов «И все побросали ножи». Наиболее частые лексемы: «*поэт*», «*день*», «*руки*», «*время*»:

*ни чернильные поэты
из помойного ведра
словари тетрадки ручки
достаю из рукава
город
огибает речка
в речке
плавает луна [34].*

Максим Бородин – один из лучших современных поэтов Украины, сооснователь и соредатор поэтического альманаха «СТЫХ». Наиболее используемые лексемы: «*жизнь*», «*море*», «*человек*»:

*если перевернуть твою фотографию
морем наружу
высытется душа
вся без остатка
так высыпается песок
привезенный с юга
в вещах
отмеченных солнцем
и готовых к стирке
подумай
что ты теряешь
и что находишь
жизнь съедает последний пляж на этой планете
срежь все бирки с одежды*

Я. М. Марголис

*что бы никто не смог опознать тебя
когда ты будешь скучать за этим летом [8].*

Последняя строчка – пример влияния другой языковой среды на русский язык зарубежных поэтов (использование предлога «за»).

Ольга Брагина – поэт, прозаик, переводчик, родилась и живёт в Киеве. Первая книга вышла девять лет назад, пишет также и на украинском языке. Наиболее частые лексемы: «*жизнь*», «*мир*», «*люди*», «*любовь*»:

вся жизнь состоит из стихов, всё остальное – материал для стихов:

разные там цветочки, душевные страдания, чебуреки...

*в юности посмотрела фильм о Дороти Паркер
подумала, что такой должна быть поэтесса
живых поэтов я тогда не видела все поэты вокруг были
мертвы [9]*

Василий Карасёв родился и живёт в Риге, автор двух книг 2019–2020, выдвигался на соискание премии имени Аркадия Драгомощенко. Наиболее частые лексемы: «*свет*», «*глаз*», «*стук*», «*ветер*»:

*продолжать стремиться продолжать будучи
светом сжиматься со всем в свет сиречь мир [18].*

Лариса Йоонас – русский поэт, живущий в Эстонии, автор нескольких книг стихов и переводов. Наиболее частые лексемы: «*небо*», «*время*», «*слово*», «*мир*», «*воздух*»:

*Вот мое стихотворение
сиротливо стоит вращая остриженной головой
выгибает шею на фоне линии горизонта
где кругом одна серость море и небо
обесцвеченные пустотой воздуха [17].*

Павел Банников – известный поэт и главный редактор проекта «Фактчек в Казахстане», куратор литературных фестивалей «Созыв» и «Полифония», шорт лист премии «Лицей». Наиболее частые лексемы: «*время*», «*слово*», «*тело*», «*голос*»:

*голос
по проводам
обрывается снова
и снова
связь
бесконечное набиение цифр
слышать
и в памяти
складывать мозаику линий [6].*

Шамшад Абдуллаев – известный поэт, прозаик, эссеист, живёт в Фергане, Узбекистан, автор четырёх книг стихов, пишет только на русском. Наиболее частые лексемы: «*пыль*», «*время*», «*свет*», «*год*»:

*ПЫЛЬ
Где она обитает,
повсеместная, но всюду
гонимая с губ стекла,
на котором четырехусто реет
«граница одиночества»?
В этом случае с возрастом приходит
смелость безразличия [1].*

Неологизм поэта «*четырёхусто*» ассоциируется у меня с устами двух пар, целующихся через стекло у Роже Жильбер-Леконта и у Микеланджело Антониони. Думая о необычных словосочетаниях и о наиболее частых лексемах Ш. Абдуллаева «*пыль*» и «*время*», автор статьи пришёл к метафоре: «**Пыль – это пепел сгоревшего времени**».

А «*время*», говорит поэт, – это «*ничто, чреватое числами*»:

ДОН ЛУИС ДЕ ГОНГОРА СМОТРИТ НА ЦИФЕРБЛАТ

*Потом следует вывод:
время, скорее, походит
на залежи невозникшего, на
ничто, чреватое числами (так твои
слова росли в спиральных яслях
ушных раковин) с одним
и тем же тиканьем в разных местах [1].*

Гали-Дана Зингер – израильская поэтесса, родилась в России, пишет стихи на русском, иврите и английском. Автор семи книг стихов на русском и четырёх книг стихов на иврите. За русские стихи

Я. М. Марголис

удостоена в Израиле премии Я. Цабана для пишущих на иностранных языках. Наиболее частые лексемы: «**слово**», «**имя**», «**время**», «**смерть**»:

БАЛЛАДА О ТЯГОСТНОМ МОЛЧАНИИ

*Одно только слово. Одно.
Или меньше. Может быть, два.
Или меньше. Хотя бы три.
Но никто не сказал ни слова.*

*Ветка стучала в окно
Кулаком или яблоком, но
никто не сказал ни слова.
Тяжестью налита, падает голова.
Белый налив едва-
Едва бледней, чем листва,
Но никто не сказал ни слова.*

помилосердствуйте!

*время иметь
может всякий
кто имя имеет [16].*

Антон Полунин – поэт, родился в России, живёт в Киеве. Автор четырёх книг стихов, лауреат 2-й премии конкурса издательства «Смолоскип». Наиболее частые лексемы: «**время**», «**свет**», «**вещь**»:

*если завтра не вернусь в это время
открой форточку нет ли птиц обо мне
черный дрозд
певчий дрозд*

спирит

*любимые рты
я не стою ваших желез
купи мне что-нибудь
дорогое
вещь без углов... [30].*

Антон Полунина прислал свои стихи, когда модели зависимости словарного запаса от количества словоупотреблений для поэтов XXI века уже были построены, и следовательно, данные его стихов не использовались при разработке модели. Поэтому было решено проверить эффективность модели оценки словарного запаса на независимых данных А. Полунина, не вошедших в основную выборку.

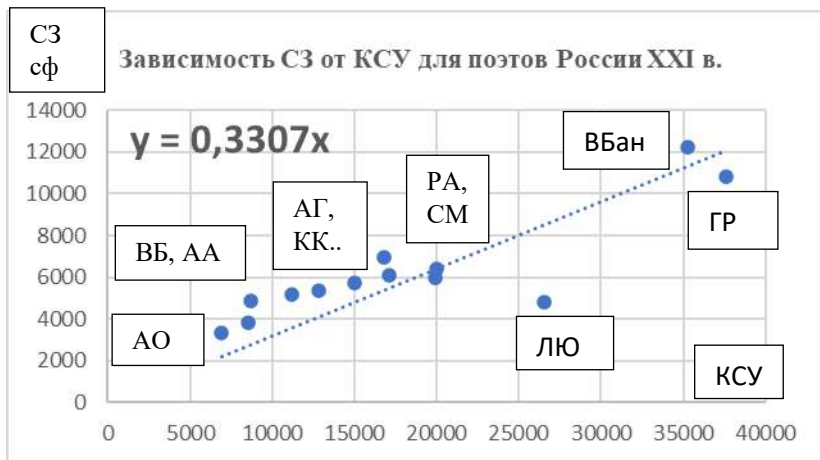
Читая стихи поэтов начала XXI века, видим у них большое разнообразие тем, стилей, форм, культур, но зависимости словарного запаса от количества написанного аналогичны зависимостям для поэтов XIX–XX веков.

***7. Зависимость словарного запаса от количества
словоупотреблений для поэтов XXI века***

Первое, что бросается в глаза, когда читаешь стихи молодых поэтов XXI века: большинство поэтов пишут свободным стихом в отличие от классиков XIX–XX веков, писавших рифмованные стихи. Этот факт наводит на мысль, что соотношение величины словарного запаса и количества словоупотреблений может измениться у поэтов XXI века по сравнению с поэтами XIX–XX веков.

Чтобы проверить эту гипотезу построим два графика: для российских (граф. 4) и для зарубежных (граф. 5) поэтов по данным таблиц 1 и 4. По горизонтали отложим количество словоупотреблений (КСУ) у каждого поэта, а по вертикали – словарный запас СЗ словоформ (сф) поэта (сокращения имён поэтов см. в таблицах 1 и 4). Каждая точка на графиках – это поэт в системе координат КСУ – СЗ.

График 4. Зависимость словарного запаса (СЗ) в словоформах (сф) от количества словоупотреблений (КСУ) для российских поэтов XXI в.

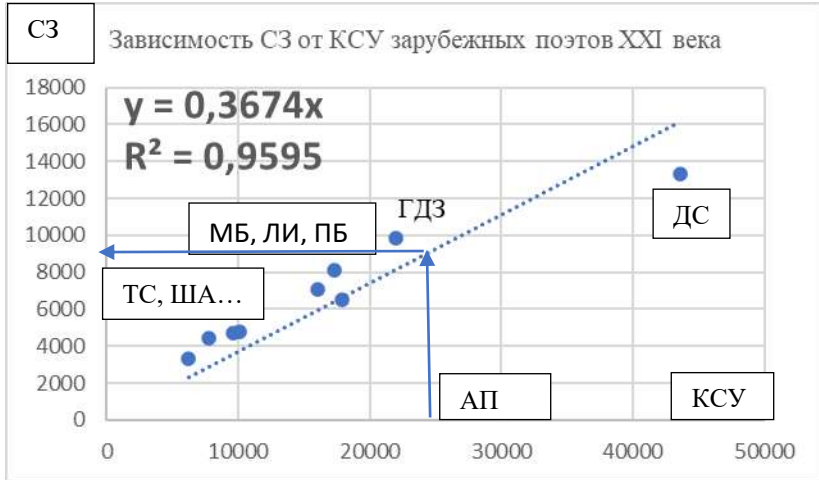

Между количеством словоупотреблений и словарным запасом существует сильная корреляция, выраженная линейной зависимостью для российских поэтов начала XXI века. Аналогичные линейные зависимости были найдены в работе [24] для поэтов XIX и XX веков по данным словарей [11, 12, 36].

На граф. 4 можно выделить **по языковой энергетике** 6 групп-кластеров поэтов: 1) АО, ВБ, АА; 2) АГ, КК, ОВ, ККоБ, ММ; 3) РМ, СМ; 4) ЛЮ; 5) ВБан, ГР; 6) АГ.

КСУ и СЗ Аллы Горбуновой (64 тысячи словоупотреблений) выходят за пределы графика 4, но близки к линии графика, а лексическое разнообразие стихов Лидии Юсуповой (ЛЮ) далеко от линии графика из-за ограниченной канцеляризмами судебной лексики её стихов и график это показывает.

График 5. Зависимость словарного запаса (СЗ) в словоформах (сф) от количества словоупотреблений (КСУ) для зарубежных поэтов XXI в.

Мы видим, что между количеством словоупотреблений и словарным запасом для зарубежных поэтов начала XXI века также существует сильная корреляция (коэффициент $R^2=0,9595$), выраженная линейной зависимостью. Аналогичные зависимости были найдены в работе [24] и для поэтов XIX и XX веков по данным словарей [11, 12, 36], а также для российских поэтов начала XXI века (график 4).

На граф. 5 можно выделить по языковой энергетике 4 группы – кластеров поэтов: 1) ТС, ША, ОБ, ВК; 2) МБ, ЛИ, ПБ; 3) ГДЗ; 4) ДС.

Построенные графики и найденные модели зависимостей позволяют оценивать словарные запасы поэтов, не вошедших в выборку при разработке моделей. Например, Антон Полунин (АП) имеет большое КСУ в стихах – 24335 словоупотреблений. По графику 5 (или по формуле на графике) и КСУ мы можем оценить его СЗ – около 9000 словоформ (указано стрелками). Таким же методом могут оцениваться словарные запасы других молодых поэтов даже с малым количеством словоупотреблений в стихах, например, с КСУ от 5 до 8 тысяч слов.

8. Языковая энергетика молодых поэтов XXI века, константы Лермонтова и Баратынского

Очевидно, что **качество стихов не зависит от объёма текста, написанного поэтом**, хотя многие выдающиеся поэты, как видно выше, были лидерами своей эпохи и по количеству написанного.

Количество словоупотреблений (КСУ) и величина словарного запаса СЗ являются двумя важными числовыми характеристиками «языковой энергетики» и лексического разнообразия языка поэта. Сравнение КСУ российских поэтов (РП) и зарубежных поэтов (ЗП) XXI века с выдающимися поэтами других эпох А. Пушкиным (АП), М. Цветаевой (МЦ), И. Бродским (ИБ) приведено в таблице 6.

Табл. 6. Количество словоупотреблений (КСУ) у поэтов разных эпох

Поэт	Век-поэт	КСУ в тыс.	Источник
А. Пушкин (АП)	XIX-АП	196	НКРЯ
М. Цветаева (МЦ)	XX-1-МЦ	168	НКРЯ
И. Бродский (ИБ)	XX-2-ИБ	154	Конкорданс
Росс. поэты (РП), среднее	XXI-1-РП	21	Выборки
Заруб. поэты (ЗП), среднее	XXI-1-ЗП	17	Выборки

Сокращения в таблице 6 означают: XX-1 – XX век, первая половина; XX-2 – XX век, вторая половина; XXI-1 – XXI век, первые два десятилетия.

Данные по А. Пушкину и М. Цветаевой взяты из поэтического корпуса НКРЯ, где они представлены достаточно репрезентативно. Данные по И. Бродскому взяты из конкорданса к поэтическому творчеству поэта в 6 томах [45]. Данные российских и зарубежных поэтов взяты из выборок, в таблице указано среднее значение КСУ на одного поэта. Русские поэты – те, кто пишет стихи на русском языке; российские поэты (РП) – русские поэты, живущие в России; зарубежные поэты (ЗП) – русские поэты, живущие за границей.

Из таблицы 6 видно, что количество словоупотреблений (КСУ) у поэтов со временем убывает, но современные поэты XXI века ещё не сказали своего последнего слова. Как можно оценить «языковую энергетику» современных молодых поэтов по «гамбургскому счёту» по сравнению с «языковой энергетикой» выдающихся русских поэтов?

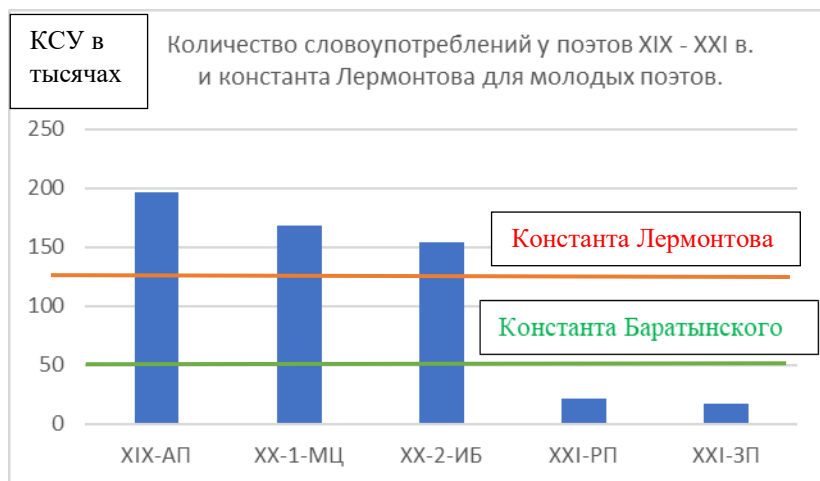
И. Бродский писал: *«Жизнь, как меру длины, не к чему приложить»* [10]. Но у молодых поэтов есть «мера длины» – это количество словоупотреблений в поэтическом творчестве М. Лермонтова за 27 лет жизни, поскольку большинство исследуемых молодых поэтов уже преодолели этот возрастной рубеж. Константа Лермонтова (КЛ) – это 132 тысячи словоупотреблений в поэтическом творчестве за 27 лет жизни.

КЛ по данным частотного словаря М. Ю. Лермонтова [22] – 132649 словоупотреблений, по данным поэтического корпуса НКРЯ – 132819 словоупотреблений, что говорит о надёжности константы Лермонтова, взятой из двух независимых источников с разницей в 40 лет: 1981–2020.

По данным [12] словарь Е. А. Баратынского насчитывает 49829 словоупотреблений, а словарный запас поэта составляет 6845 лексем.

«Языковая энергетика», а проще говоря, количество написанного, у поэтов XXI века очень сильно отличается от «языковой энергетике» выдающихся предшественников и представлена в таб. 6 и на графике 6.

График 6. «Языковая энергетика» русских поэтов XIX–XXI веков.

Самые плодотворные из исследованных поэтов XXI века: Алла Горбунова (64 тысячи словоупотреблений), Дмитрий Строцев (43 тыс.), Галина Рымбу (37 тыс.), Вадим Банников (35 тыс.), Лидия Юсупова (26 тыс.), Антон Полунин (24 тыс.), Гали-Дана Зингер (21 тыс.), Ростислав Амелин и Станислава Могилёва (по 20 тыс.) находятся по «языковой энергетике» значительно ниже выдающихся русских поэтов.

«Языковая энергетика» или количество словоупотреблений (КСУ) на одного поэта в среднем повышалось от века к веку. Среднее КСУ по выдающимся поэтам прошлых веков таково: в XVIII веке

около 60 тысяч слов на одного поэта, в XIX веке около 70 тысяч, в первой половине XX века около 100 тысяч [24].

По второй половине XX века таких данных нет, поскольку неясно каких поэтов включать в выборку.

Но, например, Иосифу Бродскому за первые 27 лет жизни, т. е. за первые 11 лет творческой работы с 1957 по 1967 годы включительно, принадлежит около 72 тысяч словоупотреблений в стихах. Это число может ещё более увеличиться, так как в архивах хранятся несколько десятков неопубликованных стихотворений поэта. Ирония судьбы заключается в том, что И. Бродского, одного из самых плодотворных поэтов второй половины XX века, судили «за тунеядство».

Для большинства современных русских поэтов XXI века как в России, так и за рубежом, границей «высокой языковой энергетики» можно считать значительно меньшую величину: в среднем около 20 тысяч словоупотреблений в поэтическом корпусе. Их тоже надо судить по гамбургскому счёту «за тунеядство». Как писал Виктор Шкловский почти 100 лет назад: «Гамбургский счёт необходим в литературе».

Чем можно объяснить такое существенное отличие в количестве написанного поэтами прошлых веков и поэтами начала XXI века?

Во-первых, тем, что рассмотренные поэты прошлого являются выдающимися по своим творческим способностям и по своей «языковой энергетике».

Вторая причина заключается в том, что сегодня мало кто из поэтов может прожить только литературным трудом, не тратя полдня, а то и более на службу, после которой ни о каком вдохновении не может идти и речи.

Третья причина в том, что мы живём в эпоху информационного взрыва, «Ниагарского водопада» слов, фильмов, музыки и другой шумовой информации, когда очень трудно сосредоточиться, нет «прекрасного одиночества», тишины души и свободного времени, так необходимого для поэтического творчества. Слишком много лет жизни поэта превращается в пыль – в пепел сгоревшего времени, в *«ничто, чреватое числами»*. Современные поэты чувствуют это, и поэтесса из Киева Ольга Брагина пишет о том же: *«вся жизнь состоит из стихов, всё остальное – материал для стихов: разные там цветочки, душевные страдания, чебуреки...»* [9].

Не случайно «Болдинская осень» совпала с эпидемией холеры и карантинном, с одиночеством поэта, запертого в четырех стенах. Ещё не известно, написал бы Пушкин так много («Бесы», «Элегия»,

«Маленькие трагедии» и многие другие выдающиеся произведения) за такой короткий срок, если бы у него в Болдино был интернет и поэт имел бы возможность свободно общаться с Натальей Николаевной и друзьями.

Другой поэт, понимая это, писал: *«Не выходи из комнаты, не совершай ошибку»* [10], – что и стало символом нашего карантинного времени.

Но проблема современных поэтов, по-моему, заключается ещё и в том, что они, находясь даже в своей «комнате одиночества», наедине со своим компьютером или iPhone, всё равно подключены к целому миру через интернет, и от него уже нигде нельзя укрыться. Как написал один из современных поэтов – Вадим Банников: *«а рядом неуклюжее время всё ещё называли самым скоростным и умным»* [5].

Но нельзя пенять на время, поэт Александр Кушнер ещё в XX веке сказал: *«Времена не выбирают, в них живут и умирают»* [21].

Количественные методы современной статистики и филологии в век глобальных информационных технологий предоставляют большие возможности для исследований поэтического языка, хотя имеют ограничения [2]. Одной из таких возможностей является оценка транзита лексем, неологизмов и других «кирпичиков языка» во времени, например, от раннего к позднему периоду творчества поэта [31, 32].

Другая возможность открывается при переходе на новый уровень филологического исследования: от частотного анализа лексем к сравнительному анализу концептов в творчестве поэтов, когда могут учитываться не только отдельные лексемы-существительные, но и другие однокоренные части речи или синонимы, их взаимный смысл, созвучия, образы. Стихотворение – это часть души поэта, переплетение в двойной спирали ДНК внешнего и внутреннего мира поэта, его чувств, мыслей, слов, созвучий, образов и чего-то неведомого, растворённого между ними. Поэзия – один из самых верных способов познания внутреннего мира человека: напиши стих – и я скажу, кто ты!

Количественные методы, включая методы искусственного интеллекта, применённые к анализу языка поэтов, могут дать новые и неожиданные результаты, требующие для их получения и осмысления совместной исследовательской работы математиков и филологов.

9. Заключение и основные результаты исследования

Четырьмя независимыми жюри были отобраны 24 русских поэта XXI века из России (14 поэтов) и зарубежных стран (10 поэтов). В исследовании собраны репрезентативные выборки их стихов. проведён статистический и лингвистический анализ транзита поэтического языка российских поэтов XXI века во времени, по сравнению с языком выдающихся поэтов XIX–XX веков, и в пространстве по сравнению с русскими поэтами из других стран. Определены количество словоупотреблений в выборках, словарные запасы поэтов, наиболее часто используемые словоформы и лексемы в поэтическом языке русских поэтов двух первых десятилетий XXI века.

Одним из основных результатов исследования явилось то, что **найденны лексические нормы поэтов начала XXI века**, тематические и ключевые лексемы как для российских, так и для зарубежных поэтов по методике проф. Г. Хьетсо. Отметим, что нормы ведущих лексем, найденные по абсолютным и по относительным частотностям, мало отличаются. При этом **наиболее используемой в языке поэтов XXI века** оказалась лексема *«время»*, чего не наблюдалось в языке поэтов Золотого и Серебряного века русской поэзии. Кроме лексемы *«время»*, в TOP-10 вошли лексемы *«земля»*, *«тело»*, *«свет»*, *«солнце»*, *«день»*, *«жизнь»*, *«мир»*, *«ветер»*, *«смерть»*.

Предложен ПЦБ-подход (Пушкин-Цветаева-Бродский) для оценки транзита лексем во времени и сравнения лексической нормы поэтов XXI века, с лексемами в языке выдающихся поэтов XIX–XX веков. Задача оценки транзита лексем во времени чрезвычайно актуальна для современных филологических исследований.

ПЦБ-подход является первым шагом в оценке транзита лексем во времени и может уточняться и дополняться данными других выдающихся поэтов соответствующих эпох. Однако, например, для поэтов второй половины XX века такое дополнение сделать сложно, так как нет единого мнения специалистов кого из поэтов включать в выборку, кроме И. Бродского, и считать выдающимися поэтами эпохи. Поэтому для оценки транзита лексем во времени в первом приближении можно использовать ПЦБ-подход: он включает в себя трёх выдающихся поэтов трёх разных эпох, которые одновременно являются наиболее плодотворными поэтами и вносят наибольший вклад в лексические нормы своего времени.

Лексическая норма российских поэтов сравнивалась с лексической нормой поэтического языка русскоязычных поэтов XXI века, **живущих в другой языковой среде**: в Украине, Беларуси, Латвии, Эстонии, Казахстане, Узбекистане, Израиле. **Найдены общие и различные, наиболее используемые лексемы у российских и зарубежных поэтов XXI века.**

Транзит лексем существительных русского поэтического языка как во времени, так и в пространстве зарубежных стран, показан в таблицах и на графиках: какие наиболее частые лексемы появились в словарях поэтов XXI века, а какие лексемы понизили свой ранг или убыли.

Подтверждено, что зависимости величины словарного запаса от количества словоупотреблений, найденные ранее для русских поэтов XIX–XX веков [24], сохраняются и для поэтов XXI века, что позволяет оценивать словарные запасы современных поэтов, не вошедших в выборку исследования, и сравнивать их с поэтами иных эпох и стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Ш. Пыль // Сетевой журнал «Литература». 2019. № 32; журнал «Флаги». 2020. № 4.
2. Абрамзон Т. Е. Цифровые методы современной филологии: возможности и ограничения // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сборник материалов IV международной. молодежной научно-практической конференции, 18-20 сентября 2018 г. / науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2018. С. 9–11.
3. Азаренков А. Детская синема. Москва: Стеклограф, 2019. 60 с.
4. Амелин Р. Мегалополис Олос. Москва: Центр вознесенского, Центрифуга, 2020. 169 с.
5. Банников В. Необходимая борьба и чистота. Книга стихов. Москва: Белый ветер, 2017. 72 с.
6. Банников П. Голос по проводам. Аполлинарий, 2005.
7. Бородин В. Пёс. Москва: Русский Гулливер, 2017. 52 с.
8. Бородин М. Осторожно стекло. Днепр: Герда, 2020. 48 с.
9. Брагина О. В юности посмотрела фильм (2019). URL: <https://poezia.org/ru/id/50100/zia.org> (дата обращения: 20.12.2020).
10. Бродский И. А. Сочинения. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 831 с.

11. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 1. С. 21–24.
12. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словари поэтического языка поэтов XIX века. Москва: Флинта; Наука, 2013–2018.
13. Васякина О. Женская проза. Москва: АРГО-РИСК, 2016. 47 с.
14. Глазова А. Для землеройки. Москва: НЛО, 2013. 134 с.
15. Горбунова А. Первая любовь, мать ада. Москва: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2008. 95 с.
16. Зингер Г.-Д. Взмах и взмах. Стихотворения и поэмы. Озолниеки, Литература без границ, 2016. 55 с.
17. Йоонас Л. Человеческое кино- проект BOREY BOOKS // URL: <http://borey.ru/?s=%D0%99%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%81> (дата обращения: 20.01.2021).
18. Карасёв В. Три книги. Сб. стихов. Москва: Русский Гулливер, 2020. 174 с.
19. Коблов К. Стихи // Воздух. 2015. № 1–2. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2015-1-2/koblov/> (дата обращения: 20.12.2020).
20. Корчагин К. Пропозиции. Москва: АРГО-РИСК, 2011. 47 с.
21. Кушнер А. Времена не выбирают. URL: <https://www.litres.ru/aleksandr-kushner-2/vremena-ne-vybiraut/> (дата обращения: 20.12.2020).
22. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва: Азбуковник, 2009. 1087 с.
23. Малиновская М. Движение скрытых колоний. Москва: Кабинетный учёный, 2020. 58 с.
24. Марголис Я. М. Количественный анализ словарей и транзита русскоязычной поэзии // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 46–75.
25. Михайлов П. И. Бродский И. А. 100 и 1 цитата. Москва: Изд-во «Проспект», 2016. 69 с.
26. Могилёва С. «Из новых стихов». Facebook поэтессы, 13.10.2019.
27. Новая версия Поэтического корпуса русского языка в Национальном корпусе русского языка НКРЯ, 2018. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 30.10.2020).
28. Орлицкая А.Ю. Дерево смыслов. Москва: ЛитГОСТ, 2020. 56 с.

29. Пиперски А. Частотность в языке. ПостНаука, 2016. URL: <https://postnauka.ru/video/56829> (дата обращения: 13.10.2019.).
30. Полуниин А. «does marsellus wallace look like a bitch?» Днепр: Изд. Герда, 2020. 51 с.
31. Рудакова С. В. К вопросу о своеобразии представлений А. С. Пушкина о счастье в его ранней лирике // Libri Magistri. 2020. №4. С. 106–118.
32. Русскоязычная поэзия в транзите: исследовательский проект университета Трира, Германия, рук. Х. Шталь, 2017–2021.
33. Рымбу Г. Жизнь в пространстве // НЛЮ. 2017. № 4. С. 10–13.
34. Скарынкина Т. Американские горки. Смэлток, Минск, 2018. 205 с.
35. Словарь языка Пушкина в 4 т. / отв. ред. акад. В. В. Виноградов, 1956–1961 (1-е изд.), 2000 (2-е изд.), Москва, «Азбуковник», 2000.
36. Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VIII. сост.: В.П. Григорьев и др. Москва: Языки славянской культуры, 2001–2019. (Studia philologica). Ин-т русского языка (ИРЯ) РАН.
37. Строцев Д. Бутылки света. Москва: Центр современной литературы, 2009. 88 с.
38. Тематические и ключевые слова в языке русской поэзии первой половины XIX века: Обзор работ Г. Хьетсо за 1973–1985 годы. Состав. В. Баевский // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 5.
39. Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова / Под ред. В. В. Бородина, А. Я. Шайкевича; Сост. Авдеева А. А., Бородин В. В., Быкова Н. Я., Козокина С. М., Гордеева Н. А., Макарова Л. А., Шайкевич А. Я. // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.». Москва: Сов. Энцикл., 1981. С. 717–774.
40. Юсупова Л. Приговоры. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2019. С. 99–107.
41. Kjetsaa G. A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis / Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. № 33. 1983;
42. Kjetsaa G. A Quantitative Norm for the Use of Epithets in the Age of Puškin // Russian Romanticism. Stockholm. 1979.
43. Margolis J. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language. University Trier, Abstract, Germany. URL: <https://bit.ly/2KZsUBp> (accessed 02.12.2020).

44. Oerthel F., Tuschl S. Statistische Datenanalyse mit dem Programmpaket SAS. Universität Passau, R. Oldenburg Verlag, München, Wien, 1995.
45. Patera T. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky, Books 1-6, The Edwin Mellen Press, 2002. Slavistik, McGill University, Montreal, Canada.

REFERENCES

1. Abdullaev Sh. Network magazine «Literature», No. 32, 2019; «Flags» magazine, No. 4, 2020.
2. Abramzon T. E. Digital methods of modern philology: opportunities and limitations // World literature through the eyes of modern youth. Digital Age: Collection of IV International Materials. youth scientific and practical conference, September 18-20, 2018 / scientific. ed. S. V. Rudakova. - Magnitogorsk: Magnitogorsk Publishing House. state tech. un-ta them. G. I. Nosova, 2018. - pp. 9–11. 2.
3. Azarenkov A. Children's Cinema. Moscow, «Steklograf», 2019.
4. Amelin R. Megalopolis Olos, Centrifuga publishing house, 2020.
5. Bannikov V. Necessary Struggle and Purity. Book of poems, publishing house «White Wind», 2017.
6. Bannikov P. Voice over the Wire / ed. Apollinaris, 2005.
7. Borodin V. Dog. Moscow: Russian Gulliver, 2017.
8. Borodin M. Caution glass. Dnipro: Gerda, 2020.
9. Bragina O. “I watched a film in my youth”. Poezia.org. 2019.
10. Brodsky I. A. Works, U-Factoria, Yekaterinburg, 2003.
11. Vasiliev N. L., Zhatkin D. N. “The experience of comparing poetic lexicons by A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov // Baltic Humanitarian Journal. 2017.
12. Vasiliev N. L., Zhatkin D. N. Dictionaries of the poetic language of the 19th century poets. Moscow: Flint; Science, 2013–2018.
13. Vasyakina O. Women's prose. Moscow: ARGO-RISK, 2016.
14. Glazova A. For a shrew, publishing house UFO, 2013.
15. Gorbunova A. «First love, mother of hell», Moscow: ARGO-RISK; Book Review, 2008.
16. Singer G.-D. Swing and Swing. Poems and poems. Ozolnieki, Literature Without Borders, 2016.
17. Joonas L. Human Cinema. Borey Publishing House, 2021.
18. Karasev V. «Three books», collection. poems, Russian Gulliver, 2020.
19. Koblov K. A selection of poems in the magazine «Air», 2015, №1–2.
20. Korchagin K. «Propositions». Moscow: ARGO-RISK, 2011.
21. Kushner A. «Times are not chosen», publishing house Liters, 2020.

22. Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Frequency dictionary of the modern Russian language (based on the materials of the Russian National Corpus) Moscow: Azbukovnik, 2009.

23. Malinovskaya M. The movement of hidden colonies, ed. «Cabinet Scientist», 2020.

24. Margolis Ya. M. A quantitative analysis of dictionaries and the transit of Russian-language poetry // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). P. 46-75.

25. Mikhailov P. I. Brodsky I.A. 100 and 1 quotation. Moscow: Publishing house Prospect, 2016.

26. Mogileva S. From New Poems. Poetess Facebook. 13.10.2019.

27. New version of the poetic corpus of the Russian language in the National corpus of the Russian language of the RNC, 2018. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 30.10.2020).

28. Orlitskaya A. Yu. The tree of meanings. Moscow: LitGOST, 2020.

29. Piperski A. Frequency in language. PostNauka, 2016.

30. Polunin A. «Does marsellus wallace look like a bitch?». Dnipro, ed. Gerda, 2020.

31. Rudakova S. V. To the question of the originality of A. Pushkin's ideas about happiness in his early lyrics // Libri Magistri. 2020. №. 4. P. 106–118.

32. Russian-language poetry in transit, research project of the University of Trier, Germany, hands. H. Stahl, 2017–2021.

33. Rymbu G. «Life in space», UFO, No. 4, 2017.

34. Skarynkina T. Roller coaster. Minsk: Smeltok, 2018.

35. Dictionary of Pushkin's language in 4 volumes, otv. ed. acad. V. V. Vinogradov, 1956 - 1961 (1st ed.), 2000 (2nd ed.), Moscow, «Azbukovnik», 2000.

36. Dictionary of the language of Russian poetry of the XX century. Volume I-VIII, comp: L. L. Shestakova (editor-in-chief), A. S. Kuleva (ed.), A. V. Gik – Moscow: Publishing House YASK, 2001-2019. (Studia philologica). Institute of the Russian language (IRL) RAS.

37. Strotsev D. «Bottles of Light», Moscow: Center of Modern literature, 2009.

38. Thematic and key words in the language of Russian poetry of the first half of the 19th century: Review of G. Hietso's works for 1973–1985. Comp. by V. Baevsky // Izv. Academy of Sciences of the USSR. Ser. lit. and lang. 1986. No. 5.

39. Frequency dictionary of the language of M. Yu. Lermontov / Ed. V. V. Borodin, A. Ya. Shaykevich; Comp. Avdeeva A.A., Borodin V. V., Bykova N. Ya., Kozokina S. M., Gordeeva N. A., Makarova L. A.,

Shaikevich A. Ya. // Lermontov Encyclopedia / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. lit. (Pushkin. House); Scientific-ed. Council of the publishing house «Sov. Encyclopedia». Moscow: Sov. Encycl., 1981.

40. Yusupova L. «Sentences», publishing house «New Literary Review», Moscow, 2019. P/ 99–107.

41. Kjetsaa G. A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis / Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. No. 33. 1983;

42. Kjetsaa G. A Quantitative Norm for the Use of Epithets in the Age of Puškin // Russian Romanticism. Stockholm, 1979;

43. Margolis J. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language. University Trier, Abstract, Germany, 2.12.2020, URL: <https://bit.ly/2KZsUBp> (accessed 02.12.2020).

44. Oerthel F., Tuschl S. Statistische Datenanalyse mit dem Programmpaket SAS. Universität Passau, R. Oldenburg Verlag, München, Wien, 1995.

45. Patera T. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky, Books 1-6, The Edwin Mellen Press, 2002 (Slavistik, McGill University, Montreal, Canada).

THE LANGUAGE OF RUSSIAN POETS IN WORDS AND NUMBERS

Jakob M. Margolis, Dr., Trier University, Germany

Abstract

The paper undertakes a linguistic and statistical analysis of the transit of the 21st century Russian poetic language of young poets in time, compared to the 19th-20th centuries language of outstanding poets, and in space, compared to Russian poets from other countries.

Twenty-four Russian poets from the 21st century from Russia and other countries have been chosen by four members of independent jury, representative samples of their poetry have been collected as well. From these samples the vocabulary, number of all tokens, and the most commonly used types and lexemes are determined. By Prof. G. Kjetsaa's methods thematic, key lexemes and lexical norms are found for 21st century poets from Russia and, separately, for poets from other countries.

PTB (Pushkin-Tsvetaeva-Brodsky) approach is proposed for assessing the transit of lexemes in time. The found lexemes are compared in time with the lexemes of outstanding Russian poets of the 19th and 20th centuries.

In space, lexemes were compared with the most commonly used lexemes of Russian poets living in a different language environment:

in the Ukraine, Belarus, Latvia, Estonia, Kazakhstan, Uzbekistan, and Israel.

These comparisons show the transit and change of Russian poetic language in time and space: the most commonly used lexemes appeared among all tokens of 21st century poets and those that faded.

It is confirmed that the dependency of the size of the vocabulary on the number of all tokens found earlier for Russian poets of the 19th and 20th century remain. This allows to evaluate the vocabulary of contemporary poets which have not been selected for the analyzed samples and to compare them with poets from other times and countries.

This research has been conducted in the framework of preparations for the philological project “Russian-language poetry in transit”, University of Trier, Germany.

Keywords: Contemporary Russian poets of the 21st century, quantitative analysis of poetic language, language transit, statistical linguistic, prevalence, vocabulary, tokens, types, lexical norms, key lexemes, language energy, PTB-approach

Для цитирования: Марголис Я. М. Транзит языка русских поэтов XXI века во времени и в пространстве // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 11–49.

Поступила в редакцию 03.01.2021

Я. М. Марголис

ББК 81я21, 83.3

УДК 81'373, 82.0

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_50

Я. М. Марголис¹,

Трир университет, Германия

jakob_margolis@gmx.de

ТРАНЗИТ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ОТ ПУШКИНА ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

«Бог сохраняет все; особенно – слова...»

Иосиф Бродский

Цель исследования – количественный анализ изменений частотных рангов существительных (лексем) в поэтическом языке выдающихся и наиболее плодотворных русских поэтов трёх разных эпох: А. Пушкина, М. Цветаевой, И. Бродского (ПЦБ) и российских поэтов двух первых десятилетий XXI века. Показаны ранги двадцати наиболее употребительных существительных в поэтическом языке трёх поэтов, в лексической норме 14 поэтов XXI века, предложен ПЦБ-подход для сравнения рангов во времени. Определено, какие лексемы на протяжении двух веков русской поэзии, от Пушкина до наших дней, убывают из первых рядов поэтического языка, а какие лексемы, наоборот, появляются и расширяют свой ранг. Найдено ядро лексем, остающихся на протяжении двух веков неизменными в списке двадцати наиболее используемых существительных русского поэтического языка.

Проведено сравнение двадцати наиболее употребительных лексем (существительных) поэтического языка Пушкина с лексемами поэтического языка поэтов трёх последующих эпох и определены их общие и различные лексемы. Показано, какие существительные чаще встречаются в поэзии Пушкина, чем в его прозе, публицистике, письмах и найдены их частотные ранги. Уточнён и дополнен список 20 наиболее употребительных поэтом существительных в «Частотном словаре языка А. С. Пушкина». Приведены примеры, как можно

¹ Марголис Яков Моисеевич, математик, статистик, Dr.-Ing., литератор, фрилансер, Штутгарт, Германия.

проследить транзит отдельных лексем по годам жизни и периодам творчества поэтов.

Исследование выполнено в рамках подготовки ко второму этапу проекта «Русскоязычная поэзия в транзите» университета Трира.

Ключевые слова: транзит, существительные, количественный анализ, русский поэтический язык, частота, ранг, лексема, словоформа, словоупотребления, Пушкин, Цветаева, Бродский, ПЦБ-подход, ядро поэтического языка, словарь, конкорданс

Введение

Поэтический язык (ПЯ) меняется во времени и качественно и количественно от одного выдающегося поэта к другому, от одной эпохи к другой. Транзит ПЯ, все его изменения во времени сложны и многогранны, описать их в одной статье не представляется возможным.

Поэтому рассмотрим только один аспект изменений ПЯ – количественный [1; 3, 4, 5, 7, 21, 22]. Будем понимать под транзитом существительных изменения порядкового номера (*ранга*) в поэтическом языке наиболее употребительных поэтами разных эпох лексем. Понимание того, какие слова уходят со временем из ПЯ, какие новые слова появляются в нём, а какие остаются неизменными в первых рядах наиболее используемых поэтами слов, важны не только для учёных филологов, аспирантов, студентов, но и для любителей русского языка и поэзии.

Транзит ПЯ можно разделить на две части. Транзит ПЯ первого рода показывает изменение рангов наиболее частотных лексем в словарях выдающихся **поэтов разных эпох**. Например, лексема «*день*» в списке наиболее частотных существительных поэтического языка А. Пушкина занимает второе место (ранг 2), в ПЯ М. Цветаевой и И. Бродского четвёртое место (ранг 4), а в лексической норме современных российских поэтов XXI века шестое место (ранг 6). Таким образом, видно, что ранг лексемы «*день*» убывает в ПЯ от Пушкина до наших дней, от эпохи к эпохе, хотя и остаётся в первых рядах наиболее употребительных существительных.

Транзит ПЯ второго рода показывает изменение лексем в частотном словаре **одного поэта** по годам жизни и периодам его творчества. Например, как изменяется частота употребления лексемы «*любовь*», входящей у Пушкина в первую тройку самых используемых поэтом существительных, по семи периодам его творчества: от раннего Лицейского периода до позднего периода 30-х годов. В качестве представителей различных эпох русской поэзии XIX века,

первой и второй половины XX века выбраны А. Пушкин, М. Цветаева, И. Бродский (ПЦБ) не только потому, что они являются **выдающимися** поэтами своего времени по качеству поэзии, но и потому что они **наиболее плодотворные** поэты своих эпох по количеству написанного. В поэтическом языке А. Пушкина около 196 тысяч слов [11], М. Цветаевой около 169 тысяч слов [11], И. Бродского около 154 тысяч слов [31], и они внесли наибольший вклад в формирование лексической нормы [20, 27] своей эпохи по сравнению с поэтами-современниками.

Междисциплинарные связи в науке важны: идея использовать для оценки транзита ПЯ выдающихся и наиболее плодотворных поэтов трёх разных эпох пришла из статистики, факторного анализа и метода главных компонент. Идея метода заключается в том, что из множества факторов (в нашем случае поэтов), выбираются 3–4 главные компоненты, вносящие **наибольший вклад** в изменения выборки (ПЯ), и по ним проводятся исследования [30]. Задача данной статьи – показать наиболее используемые существительные в ПЯ выбранных поэтов и проанализировать транзит их 20 самых употребительных лексем в частотных словарях от эпохи А. Пушкина до наших дней.

1. Двадцать наиболее употребительных существительных в ПЯ поэтов трёх эпох и в лексической норме поэтов XXI века

В *таблице 1* представлены 20 наиболее употребительных лексем в ПЯ А. Пушкина (АП), М. Цветаевой (МЦ), И. Бродского (ИБ) и в лексической норме российских поэтов (РП) XXI века.

Ранг	А. Пушкин лексемы частоты ПКРЯ	М. Цветаева лексемы частоты ПКРЯ	И. Бродский лексемы частоты Конкорданс	РП XXI века лексемы частоты Выборки
1	друг 649	рука 683	жизнь 385	время 357
2	день 548	глаз 425	глаз 302	земля 263
3	любовь 493	ночь 407	время 299	тело 233
4	душа 490	день 364	день 261	свет 216
5	сердце 440	душа 355	окно 254	солнце 195
6	рука 414	сердце 342	человек 249	день 156
7	бог 393	бог 321	рука 229	жизнь 141
8	ночь 341	час 298	земля 228	мир 139
9	царь 328	дом 291	год 227	ветер 127

10	сон 326	грудь 275	ночь 219	смерть 122
11	год 289	сон 271	слово 215	любовь 117
12	пора 285	земля 250	лицо 214	глаз 116
13	свет 280	друг 235	свет 206	ночь 109
14	взор 273	любовь 231	душа 204	человек 108
15	жизнь 271	кровь 227	любовь 198	вода 98
16	конь 246	мир 227	небо 193	сердце 95
17	слава 241	небо 224	мир 191	люди 89
18	небо 233	жизнь 193	снег 191	друг 84
19	поэт 224	голос 144	вещь 188	рука 83
20	час 223	смерть 129	смерть 177	стих 63

Частоты по А. Пушкину и М. Цветаевой взяты из Поэтического корпуса русского языка (ПКРЯ), где, как известно, омонимия не снята [11], по И. Бродскому – из Конкорданса к его стихам [31] (т. к. в ПКРЯ задублировано около трети стихов поэта), по российским поэтам (РП) XXI века – из выборок их стихов [8].

По табл. 1 можно проследить транзит первого рода наиболее частотных существительных ПЯ по четырём разным эпохам русской поэзии. Например, ранги лексем «*день*», «*любовь*», «*душа*» убывают от эпохи к эпохе, лексема «*душа*» (у Пушкина ранг 4, у Цветаевой ранг 5) исчезла у российских поэтов XXI века из 20 наиболее употребляемых существительных.

Ранг лексемы «*земля*», наоборот, **возрастает**: у А. Пушкина эта лексема не входила в 20 наиболее употребительных поэтом (ранг был низкий – около 50, употреблений – 118), но у М. Цветаевой ранг лексемы «*земля*» – 12, у И. Бродского – 8, у российских поэтов XXI века – 2.

Ранг лексемы «*время*» также **возрастает**: у А. Пушкина и М. Цветаевой эта лексема не входила в список 20-ти наиболее употребительных лексем (ранг был около 50), но у И. Бродского ранг лексемы «*время*» – 3, а у РП XXI века ранг лексемы «*время*» – 1 (как у российских, так и у русскоязычных зарубежных поэтов) [8]. При этом надо заметить, что у А. Пушкина для обозначения концепта «*время*» в списке 20 наиболее употребительных существительных используются три разные единицы измерения времени: лексемы «*час*», «*день*», «*год*».

Отметим, что у А. Пушкина лексема «*смерть*» не входит в число 20 наиболее употребительных существительных. Частота употребления лексемы «*смерть*» у А. Пушкина меньше всех – 114 в абсолютных частотах, а также и в относительных частотах на 10

тысяч слов (5,82). У М. Цветаевой в абсолютных частотах – 133 (7,87), а у И. Бродского больше всех – 177 (9,03).

*Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем.*

Таким образом, по табл. 1 можно проследить как меняются ранги наиболее частотных существительных ПЯ («**друг**», «**день**», «**сердце**», «**пора**», «**час**» и др.): какие лексемы убывают, какие лексемы возрастают, а какие лексемы остаются постоянно в первых рядах употребления на протяжении четырёх эпох русской поэзии.

2. Ядро существительных русского поэтического языка

По табл. 1 можно определить «ядро» существительных русского поэтического языка. Под ядром существительных русского ПЯ будем понимать лексемы, которые **остаются** в списке 20 наиболее употребительных существительных **на протяжении всех четырёх эпох** – от А. Пушкина до наших дней. Таких существительных всего пять (см. таблицу 2).

Таблица 2: ядро наиболее употребительных существительных у А. Пушкина (АП), М. Цветаевой (МЦ), И. Бродского (ИБ) и российских поэтов XXI века (РП) на протяжении четырёх эпох.

Ядро лексем	Ранг АП	Ранг МЦ	Ранг ИБ	Ранги РП	Средний ранг лексемы
день	2	4	4	6	4
рука	6	1	7	19	8,25
ночь	8	3	10	13	8,5
жизнь	14	17	1	7	9,75
любовь	3	14	15	11	10,75

Наиболее стабильной в ядре существительных является лексема «**день**»: её ранг медленно уменьшается от Пушкина (АП) до российских поэтов (РП), от эпохи к эпохе, но она 200 лет **остаётся** в числе наиболее употребительных у поэтов лексем.

Лексема «**рука**» на первом месте у МЦ (ранг 1), её ранг **уменьшается** у ИБ (ранг 7) и ещё больше у РП (ранг 19).

Лексема «**ночь**» на третьем месте у МЦ (ранг 3), и её ранг также **уменьшается** у ИБ (ранг 10) и у РП (ранг 13).

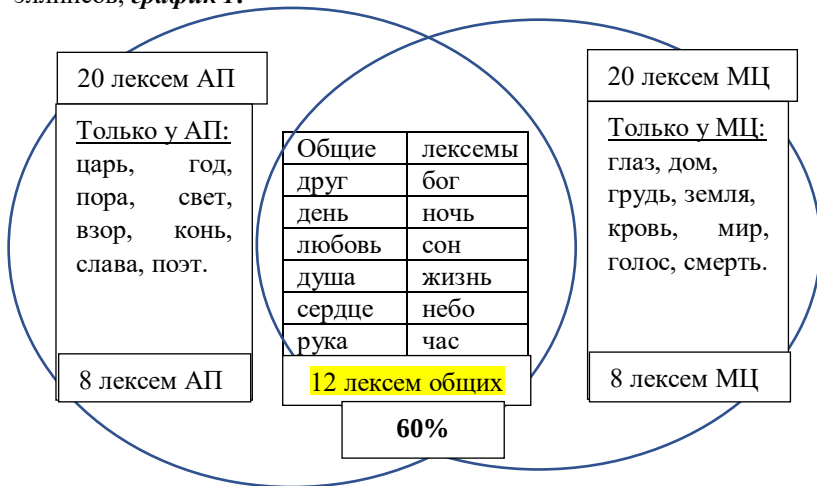
Лексема «*жизнь*» имеет низкие ранги у АП и МЦ (ранги 14 и 17), но её ранг резко **растёт** у ИБ (ранг 1) и остаётся в ТОП-10 у РП (ранг 7).

Ранг лексемы «*любовь*» имеет высокое значение у АП (ранг 3) и **уменьшается** у МЦ, ИБ и РП (ранги 14, 15, 11). Ранг лексемы «*любовь*» снижается в русском поэтическом языке от Пушкина до наших дней, а также в абсолютных и в относительных частотах [8].

3. Сравнение частотных существительных А. Пушкина и поэтов других эпох: общие и различные лексемы

В работе [7] была высказана мысль принять ПЯ А. Пушкина за точку отсчёта, за эталон и сравнивать с ним ПЯ поэтов других эпох. Сравнение всего ПЯ двух поэтов – задача сложная, поэтому ограничимся сравнением 20 наиболее частых существительных у поэтов разных эпох.

Представим 20 наиболее частотных существительных А. Пушкина и М. Цветаевой из табл. 1 в виде пересечения двух эллипсов, *график 1*.

Из *графика 1* видно, что у А. Пушкина и М. Цветаевой из 20 наиболее частотных существительных 12 лексем (60%) общие.

Из *графика 2* (см. ниже) видно, что у А. Пушкина и И. Бродского из 20 наиболее частотных существительных 9 лексем (45%) общие.

Из графика 3 (см. ниже) видно, что у А. Пушкина и российских поэтов (РП) XXI века из 20 наиболее частотных существительных 8 лексем (40%) общие и чем дальше от Пушкина, тем меньше общих лексем.

График 2: наиболее частотные существительные А. Пушкина и И. Бродского в виде пересечения двух эллипсов, график 2.

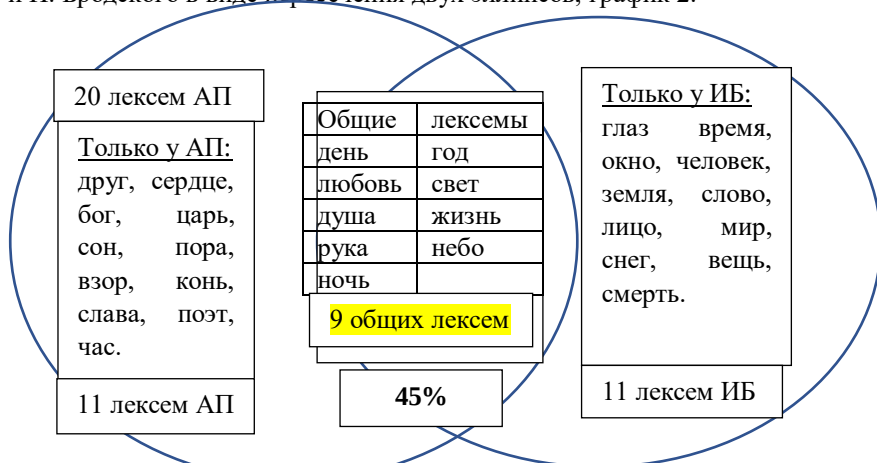
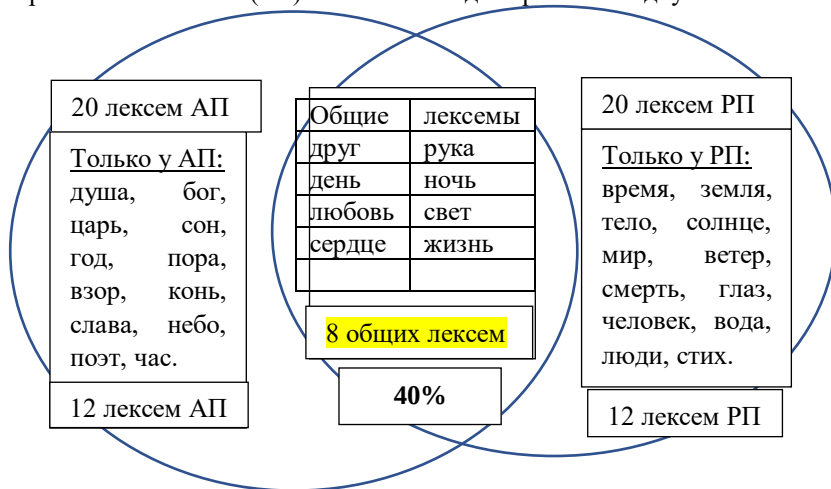

График 3: наиболее частотных существительных А. Пушкина и российских поэтов (РП) XXI века в виде пересечения двух эллипсов.

4. Какие лексемы более характерны для поэзии А. Пушкина, чем для его прозы, публицистики и писем?

Поставим задачу: найти, какие существительные наиболее характерны для А. Пушкина в поэзии по отношению к написанному им в прозе, публицистике, письмах, а какие лексемы оставались «нейтральными» или «прозаическими». Эта задача была сформулирована ещё Р. М. Фрумкиной в «Материалах к Частотному словарю языка А. С. Пушкина» [9].

Классический «Словарь языка Пушкина» (СЯП) состоит из 21217 лексем, взятых из всего написанного: *стихотворных текстов, художественной прозы, публицистики, исторических сочинений и писем поэта* [17]. Словарный запас только поэзии А. Пушкина по уточнённым данным насчитывает 12844 лексемы [3, 4].

Таким образом, в словарном запасе А. Пушкина поэтические произведения составляют в среднем 12844 / 21217 около 60%.

Весь поэтический корпус А. Пушкина в «Поэтическом корпусе русского языка» насчитывает 195572 словоупотребления [11].

Будем условно считать, что если лексема встречается в поэтическом творчестве более 60% от её частоты в СЯП, то это «поэтическая лексема». Если лексема употребляется в поэтическом творчестве от 30% до 60%, то это «нейтральная лексема», а если лексема встречается в поэтическом творчестве от 0% до 30%, то это «прозаическая лексема». Таким образом, можно разделить все наиболее употребительные поэтом существительные на три группы: «поэтические», «нейтральные» и «прозаические» лексемы.

Например, лексема «*дева*» имеет в «Словаре языка Пушкина» (СЯП), включающем поэзию, прозу, публицистику и письма поэта, частоту употребления – 226, а в «Поэтическом корпусе русского языка» (ПКРЯ), включающем **только поэзию** А. Пушкина – 211 употреблений (93%), и потому можно считать эту лексему «поэтической».

Лексема «*жизнь*» насчитывает в СЯП количество употреблений 603, а в ПКРЯ – 271 употребление (45%), и можно считать эту лексему «нейтральной».

Лексема «*время*» имеет в СЯП частоту употребления 932, а в ПКРЯ – 167 употреблений (16%), и можно считать эту лексему «прозаической».

Табл. 3: три группы наиболее частотных существительных А. Пушкина: «поэтические», «нейтральные», «прозаические». СЯП – частота во всех текстах, ПКРЯ – частота только в поэзии.

Лексема	Частота лексемы в СЯП	Частота лексемы в ПКРЯ	% в ПКРЯ относител. частота	Условная группа
дева	226	211	93%	Поэтич.еск.
конь	269	246	91%	Поэтич.еск.
сон	379	326	86%	Поэтич.еск.
взор	322	273	85%	Поэтич.еск.
друг	788	649	82%	Поэтич.еск.
небо	288	233	81%	Поэтич.еск.
любовь	630	493	78%	Поэтич.еск.
мир	271	197	73%	Поэтич.еск.
царь	448	328	73%	Поэтич.еск.
душа	744	490	66%	Поэтич.еск.
пора	437	285	65%	Поэтич.еск.
сердце	698	440	63%	Поэтич.еск.
свет	443	280	63%	Поэтич.еск.
слава	458	241	53%	Нейтральн.
день	1163	548	47%	Нейтральн.
жизнь	603	271	45%	Нейтральн.
бог	917	393	43%	Нейтральн.
час	563	223	40%	Нейтральн.
год	732	289	39%	Нейтральн.
человек	703	167	24%	Прозаическ.
время	932	153	16%	Прозаическ.

Отметим, что архаизмы в языке поэта, такие как «*дева*», «*конь*», «*царь*», не вошли в наиболее частотные лексиконы поэтов следующих эпох, но они относительно чаще упоминались у А. Пушкина, чем лексемы «*рука*», «*жизнь*», «*время*», которые станут лидерами по частоте употребления у поэтов следующих поколений.

К сожалению, еще не созданы аналогичные пушкинскому СЯП словари языка М. Цветаевой и И. Бродского, включающие **всю** прозу, публицистику, переписку, чтобы сравнить поэтическую часть творчества с полными словарями выдающихся русских поэтов и найти характерные для их поэзии лексемы.

5. Транзит лексики «любовь» у А. Пушкина по годам жизни

Транзит второго рода отдельных наиболее частотных и важных с филологической точки зрения лексем по годам жизни и периодам творчества поэта чрезвычайно интересен для филологов-исследователей [15].

В качестве примера возьмём лексику «любовь», входящую в первую тройку, наиболее употребительных у А. Пушкина-поэта существительных в его поэтическом творчестве, и построим для неё график 4 по годам жизни поэта.

График 4: Частота употребления лексики «любовь» у А. Пушкина по годам жизни по данным ПКРЯ [11].

Из графика видно, что частотность употребления лексики «любовь» сильно колеблется: возрастает от Лицейского периода 1814 года до Петербургского периода и Южной ссылки 1824, затем уменьшается в Михайловском и в период скитаний 1824–1830 гг., возрастает в Болдинскую осень 1830 года и уменьшается до нуля в последние годы жизни поэта 1834–1836.

Сложность построения графика употребления той или иной лексики по периодам творчества поэта связана с тем, что часто неизвестны точные даты написания всех стихотворений поэта.

6. Лексемы в контексте: конкордансы и поэтические корпуса

Частотность и ранги лексем в ПЯ говорят только о том, какие слова предпочитают поэты при написании стихов. Но для полного понимания смысла слова, конечно, одного этого недостаточно, и необходимо рассматривать **все строки**, где употреблены **лексемы**, **в контексте стихов**.

Обычные словари, где объясняется, что означает данное слово, и представлены для примера одна или две строки с лексемой, не предоставляют такой возможности. Поэтому были созданы **конкордансы** к стихам поэтов, где, в отличие от словарей, перечислены **все строки** с употребленной лексемой со всеми входящими в неё словоформами.

В предисловии к книге «Конкорданс к стихам А. С. Пушкина» Дж. Т. Шоу известный российский филолог М. Л. Гаспаров писал: «Конкорданс – это расширенный словарь языка писателя. В нём на каждое слово и на каждую словоформу в его сочинениях приводится полный текст всех фраз или всех стихотворных строк, в которых встречается это слово или эта словоформа. Все мельчайшие оттенки значения каждого слова выступают при этом так исчерпывающе ясно, как ни в каком словаре» [25].

Отметим, что «Конкорданс к стихам А. С. Пушкина» был составлен в **словоформах** американским проф. славистики Дж. Т. Шоу и насчитывает 42541 стихотворную строку [31].

Например, в конкордансе Шоу к лексеме «**алмаз**» находим 6 словоформ и 8 словоупотреблений, так как две словоформы повторяются два раза.

1) «**алмаз**» (частота 1): «*Не в ней алмаз венца хранится за стеклом*» (А. С. Пушкин. «У русского царя в чертогах есть палата...») («Полководец» (1835)).

2) «**алмазные**» (1): «*Летят алмазные фонтаны*» (А. С. Пушкин. «У Лукоморья дуб зеленый...») («Руслан и Людмила» (1817–1820)).

3) «**алмазный**» (1): «*Алмазный мой венец*» (А. С. Пушкин «Борис Годунов»).

4) «**алмазных**» (1): «*Крестов, алмазных звёзд, честей?*»

Что должен я, скажи, в сей час

Желать от чиста сердца другу?

Глубоку ль старость, милый князь,

Детей, любезную супругу,

Или богатства, громких дней,

Крестов, алмазных звезд, честей? (А. С. Пушкин. «Пускай, не знаясь с Аполлоном...») («Князю А. М. Горчакову (1814)»)

Здесь чтобы понять смысл прилагательного *«алмазных»* недостаточно одной строки, и нужно привести несколько предыдущих строк, чтобы понять смысл словоформы «честей» лексемы *«честь»* (98 упоминаний у А. Пушкина).

5) *«алмазом»* (2): *«Да чад кадил, да образ под алмазом»* (А. С. Пушкин. «Воистину еврейки молодой...» («Гавриилиада» (1821)).

«Златой шелом, украшенный алмазом» (А. С. Пушкин. «Воистину еврейки молодой...» («Гавриилиада» (1821)).

6) *«алмазы»* (2): *«Алмазы, яхонты, топазы»* (А. С. Пушкин. «Ты хочешь, милый друг, узнать...» («Послание к Юдину» (1815); *«Мои алмазы, изумруды»* (А. С. Пушкин. «К кастрату раз пришел скрыпач...» (1835)).

Сравним словоупотребления лексемы *«алмаз»* из Конкорданса Шоу с текстами в ПКРЯ.

Если в поиске ПКРЯ задать существительное *«алмаз»*, то находим пять словоупотреблений трёх словоформ: *«алмаз»* (1), *«алмазом»* (2), *«алмазы»* (2). Частоты словоформ соответствует конкордансу Дж. Т. Шоу, но при этом отсутствуют три прилагательных: *алмазный, алмазные, алмазных*.

Если далее в поиске ПКРЯ задать прилагательное *«алмазный»*, то находим ещё два прилагательных словоупотребления – *«алмазные»* (1) и *«алмазных»* (1), но при этом в результатах поиска отсутствует заданное прилагательное *«алмазный»*. Это происходит потому, что в ПКРЯ не входят сцены из «Бориса Годунова», исключённые из печатной редакции, но они входят в конкорданс. В данном случае речь идёт о сцене «Замок воеводы Мнишка в Самборе», где Марина Мнишек на вопрос служанки Рузи: «Что вы наденете, жемчужную ли нить, иль полумесяц изумрудный?», отвечает: *«Алмазный мой венец»*.

«Конкорданс к поэзии Иосифа Бродского» в 6 томах был создан в 2002 году канадским профессором славистики Т. Патера по другому принципу – с опорой на **лексемы**, в отличие от конкорданса Дж. Т. Шоу, основа которого – **словоформы**. Конкорданс в лексемах создать намного труднее, чем в словоформах, поскольку необходимо проводить сложную лемматизацию словоформ. Например, известная программа Яндекса *mystem* при лемматизации поэтического корпуса А. С. Пушкина в ПКРЯ находит 168 употреблений лексемы *«слеза»*, а их в ПКРЯ – 206 употреблений.

Конкорданс Т. Патера насчитывает у И. Бродского 153860 словоупотреблений, приведённых к 19650 лексемам. «Конкорданс к поэзии Иосифа Бродского» известен в России недостаточно хорошо, поэтому опишем его немного подробнее.

Статья в конкордансе Т. Патера начинается с лексемы, написанной заглавными буквами и жирным шрифтом. Напротив лексемы также жирным шрифтом написана частота её употребления в **поэтических** произведениях автора. Ниже под лексемой и частотой перечисляются **все строки**, где есть словоформы данной лексемы, а слева указаны цифрами источники откуда взяты эти строки.

Например, самое частотное существительное у И. Бродского лексема «**жизнь**» имеет частоту 385 употреблений и выглядит следующим образом:

ЖИЗНЬ 385

*«сквозь сотни лет, / каких-то полных **жизней** полусвет. /
Огонь».*

.....
*грех? / Грех – то, что наказуемо при **жизни**. / А как накажешь,
если стрелы
если стрелы всех / страданий **жизни** собрались, как в призме, /
в моей груди?*

.....
*Я думаю, душа за время **жизни** / приобретает смертные
черты.*

.....
*борозда длинней, / чем у вас с вечной **жизнью** с кадилом в ней/
за неимением, верно, лучшей палитры в **жисть**, / сию,
шелестя газетой*

«Конкорданс к поэзии Марины Цветаевой», выдающегося русского поэта XX века, к сожалению, не создан до сих пор. М. Л. Гаспаров писал в предисловии к книге «Конкорданс к стихам А. С. Пушкина»: «Русской литературе не повезло: условия её существования были таковы, что ей слишком долго было не до конкордансов». Но прошло уже 20 лет XXI века, а русской литературе все ещё не до конкорданса к поэзии выдающегося русского поэта XX века.

Отсутствие конкорданса к поэзии Марины Цветаевой может частично компенсироваться наличием корпуса её стихов и поэм в ПКРЯ. Задавая в поиске поэтического корпуса М. Цветаевой нужные лексемы, можно создавать собственные «малые конкордансы»

к стихам Марины Цветаевой и анализировать заданные лексемы в контексте её стихов. Например, возьмём наиболее часто встречающееся в стихах существительное лексему «*рука*».

*Увы, одни деревья
Протягивают **руки**
Младенческому крику
И материнской муке.*

*Жгут очи, роют **руки**.
Рты ненавистью дышат.
– Вот истина! – Не видят.
– О, смилуйтесь! – Не слышат.*

М. И. Цветаева. «О, кто бы нас направил...» (1941)

Употребление лексемы «*рука*» у М. Цветаевой возрастает до 1920 года, а потом непрерывно убывает по годам жизни.

Необходимо отметить, что задача математиков – получить данные по анализу поэтического текста и показать факты, а задача филологов – объяснять эти факты. Возникает соблазн связать пики на графиках частот с биографией поэта, с его душевными переживаниями, эмиграцией, «переменами империй», но эта связь оказывается более сложной [2, 26].

График 5. Колебания частоты употребления лексемы «*рука*» в поэтическом языке М. Цветаевой по годам жизни [11].

Как было видно из табл. 1, транзит первого рода, например, лексемы «*душа*» от эпохи к эпохе, от Пушкина до наших дней – монотонно убывающий, а транзит второго рода той же лексемы «*душа*» в поэтическом языке поэта сильно колеблется от года к году, имеет ярко выраженный максимум в 1920 году и стремится к нулю в 1941 году, см. график 6.

*(Своими)... / Робкая как вор,
О – ни души не задевая! –
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.
Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и все же укоряю: –
Ты, стол, накрывший на шесть – душ,
Меня не посадивший – с краю.*

М. И. Цветаева. «Всё повторяю первый стих....» (1941.03.06)

График 6. Колебания частоты употребления лексемы «*душа*» в поэтическом языке М. Цветаевой по годам жизни [11].

На графике 6 транзит второго рода лексемы «*душа*» в поэтическом языке М. Цветаевой по годам её жизни приводится в **абсолютных частотах** употребления.

Например, в интервале 1906 – 1912 годов абсолютная частота словоупотребления существительного «*душа*» во всех словоформах была равна 51, а в одном только в 1923 году – 44 употребления. Покажем транзит первого рода лексемы «*душа*» в **относительных частотах** при переходе от одного поэта к другому, от одной эпохи к другой.

7. «Теория относительности» для филологов

Относительную частоту употребления лексемы в поэтическом языке поэта удобно измерять количеством употреблений лексемы на 10 тысяч слов поэтического текста (**ОЧ_10Т**). Например, у М. Цветаевой в поэтическом корпусе ПКРЯ (168711 слов) лексема «*душа*» встречается 355 раз (табл. 1).

Тогда относительная частота лексемы «*душа*» у М. Цветаевой (МЦ) будет равна $ОЧ_10Т = 355 / (168711 / 10000) = 21,04$;

у А. Пушкина (АП) $ОЧ_10Т = 490 / (195572 / 10000) = 25,05$;

у И. Бродского (ИБ) $ОЧ_10Т = 204 / (153860 / 10000) = 13,26$;

а у наиболее плодовитого из российских поэтов (РП) XXI века Аллы Горбуновой $ОЧ_10Т = 51 / (63902 / 10000) = 7,98$. Таким образом, в данном случае относительная частота лексемы «*душа*» связана

(коррелирует) с рангом лексемы и так же как ранг, её употребление **убывает** из поэтического языка поэтов от Пушкина до наших дней.

График 7. Транзит лексики «душа» в относительных частотах употребления от эпохи к эпохе: у А. Пушкина (АП), М. Цветаевой (МЦ), И. Бродского (ИБ) и российских поэтов (РП) XXI века.

ПЯ других поэтов можно так же сравнивать с поэтическим языком А. Пушкина, М. Цветаевой, И. Бродского (ПЦБ). Такой **ПЦБ-подход** к транзиту ПЯ поэтов был описан в [8].

8. Материалы к Частотному словарю языка А. С. Пушкина

«Частотный словарь языка Пушкина» (ЧСЯП) [24] был составлен на основе классического «Словаря языка Пушкина» (СЯП) [17]. В СЯП лексемы располагаются по алфавиту и каждой лексеме указана общая частота употребления, а в ЧСЯП лексемы идут по частоте убывания и для каждой из 21217 лексем **отдельно по жанрам** – поэзия (С), проза (П), публицистика (Ж), письма (Пс) – указана частота употребления в текстах. К сожалению, ЧСЯП не был опубликован, но, к счастью, появились «Материалы к Частотному словарю языка А. С. Пушкина» [9, 21, 22].

Табл. 4. Лексемы и частоты 20 наиболее употребительных существительных у А. Пушкина в ЧСЯП и в ПКРЯ [24, 11].

Ранг	Лексема в ЧСЯП и частота	Лексема в ПКРЯ и частота	Разница частот в ЧСЯП – ПКРЯ
1	день 546	друг 649	546 – 548 = -2
2	любовь 510	день 548	510 – 493 = 17
3	душа 491	любовь 493	491 – 490 = 1
4	ночь 346	душа 490	346 – 341 = 5
5	взор 275	сердце 440	275 – 273 = 2
6	пора 246	рука 414	246 – 285 = -39
7	конь 245	бог 393	245 – 246 = -1
8	небо 228	ночь 341	228 – 233 = -5
9	жизнь 226	царь 328	226 – 271 = -45
10	дева 214	сон 326	214 – 211 = 3
11	лето 210	год 289	210 – 59 = 151
12	поэт 209	пора 285	209 – 224 = -15
13	море 189	свет 280	189 – 186 = 3
14	поле 185	взор 273	185 – 185 = 0
15	отец 184	жизнь 271	184 – 184 = 0
16	князь 180	конь 246	180 – 192 = -12
17	брат 175	слава 241	175 – 165 = 10
18	вода 175	небо 233	175 – 173 = 2
19	мечта 172	поэт 224	172 – 167 = 5
20	волна 170	час 223	170 – 173 = -3

Материалы к ЧСЯП включают в себя 7 таблиц, в том числе таблицу наиболее частых слов **в стихотворных** (С) произведениях поэта. Сравним лексемы и частоты 20 наиболее употребительных у А. Пушкина существительных по данным ЧСЯП и новой версии ПКРЯ; таблица 4 показывает следующее.

Наиболее частое существительное в поэтическом языке А. Пушкина – лексема «*друг*» (в ПКРЯ встречается 649 раз) не попала в двадцать наиболее частых в поэтическом творчестве существительных Частотного словаря языка Пушкина (ЧСЯП), хотя частота лексемы «*друг*» во всех жанрах (поэзия, проза, публицистика, письма) в СЯП высока и равна 788 (см. табл. 3). Точно также в первой двадцатке наиболее частых существительных ЧСЯП отсутствуют ещё 9 частых лексем из ПКРЯ: «*сердце*», «*рука*», «*бог*», «*царь*», «*сон*»,

«год», «свет», «слава», «час». Это говорит о более полном частотном списке существительных в новой версии ПКРЯ, чем в ЧСЯП (отмечены жёлтым цветом).

В поэтическом корпусе Пушкина в ПКРЯ есть лексемы, например, «жизнь», «пора», которые встречаются чаще (271 и 285 раз), чем в ЧСЯП (226 и 246 раз). Это говорит о более полных частотах существительных в новой версии ПКРЯ, чем в ЧСЯП (отмечены зелёным цветом).

Для большинства лексем разности частот в ЧСЯП и ПКРЯ не очень сильно отличаются друг от друга. Но выбирать надо те лексемы, у которых частотности больше, и они подтверждены строками из поэтических текстов Пушкина. В ПКРЯ это подтверждается строками при поиске лексемы, и фактически получается «малый конкорданс» Пушкина для данной лексемы и употреблённых поэтом словоформ.

9. Конкорданс Дж. Т. Шоу и «друг» Пушкин

Наиболее частым существительным, встречающимся в поэзии А. Пушкина, является лексема «друг». «Конкорданс к стихам А. С. Пушкина», составленный Дж. Т. Шоу в *словоформах*, содержит следующие частоты словоформы лексемы «друг».

Таблица 5. Словоформы лексемы «друг» (существительные) и частоты в «Конкордансе к стихам А.С. Пушкина» [25, 32].

№	Словоформы	Частоты (только существительных)
1	друг	293
2	друга	58
3	друге ⁹ ,	2
4	друзи	30
5	другиня	1
6	другом (сущ.) – 11; другом (местоим.) – 7	«С другом всюду рай» [14] 11 «Довольно, пойте о другом!» [13]
7	другу	26
8	друзья	135
9	друзей	73
10	друзья-поэты	1
11	друзьям	5
12	друзьями	15
13	друзьях	1
	Сумма	651

Словоформа «*другом*» является омонимом, а точнее, омографом с частотой 18, и может быть как существительным (частота – 11 раз), так и местоимением (частота – 7 раз) в зависимости от звучания и ударения на первом или последнем слоге. Исследуя транзит существительных в поэтическом языке поэтов, учитываем в сумме только частоту 11, а влияние омонимии (местоимение – 7 раз) в данном случае на сумму частот (651) не очень велико, около одного процента.

Для сравнения: поиск словоформы «*другом*» в ПКРЯ даёт такие же результаты, как и в «Конкордансе к стихам А. С. Пушкина», – те же 18 строк, где употреблена словоформа.

Однако необходимо сравнивать все источники поэтических текстов в словарях, конкордансах, корпусах [6, 23, 29] и выбирать частоты, которые подтверждены строками поэтов. Небольшие отклонения частот в разных источниках за счёт омонимии, не учёта черновиков, вариантов стихов и других факторов не влияют принципиально на направление транзита рангов существительных поэтического языка от поэта к поэту и от эпохи к эпохе.

Анализируя отдельно от контекста наиболее употребительных в стихах А. Пушкина лексемы и их частоты: «*друг*», «*душа*», «*сердце*», «*свобода*» и другие, воспринимаем их как обычные слова и числа. Но, когда видим эти лексемы **в контексте** стихотворений Пушкина, они вспыхивают, как яркие ночные звёзды на бесконечном небосводе.

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

10. Заключение и основные результаты исследования

В качестве источников для исследования были взяты новая версия «Поэтического корпуса русского языка» в НКРЯ, ПСС Пушкина, «Словарь языка Пушкина», «Материалы к Частотному словарю языка А. С. Пушкина», «Конкорданс к стихам А. С. Пушкина», «Словарь поэтического языка М. Цветаевой», «Конкорданс к поэзии И. Бродского» и поэтические выборки 14 современных поэтов двух первых десятилетий XXI века [9; 11; 12; 17; 19; 25; 31].

Был проведён количественный анализ изменений частотных рангов существительных (лексем) в поэтическом языке выдающихся и наиболее плодотворных русских поэтов трёх разных эпох: А. Пушкина, М. Цветаевой, И. Бродского (ПЦБ) и российских поэтов двух первых

десятилетий XXI века. Показано, как менялись ранги двадцати наиболее частотных существительных в поэтическом языке трёх поэтов ПЦБ и в лексической норме поэтов XXI века. Предложен ПЦБ-подход для оценки транзита рангов лексем во времени.

Определено, какие лексемы на протяжении двух веков русской поэзии, от Пушкина до наших дней, убывают из первых рядов поэтического языка, а какие лексемы, наоборот, появляются и повышают свой ранг. Найдено ядро лексем, остающихся на протяжении двух веков неизменными в списке двадцати наиболее используемых поэтами существительных русского поэтического языка: «*день*», «*рука*», «*ночь*», «*жизнь*», «*любовь*».

Проведено попарное сравнение двадцати наиболее частотных лексем (существительных) поэтического языка А. С. Пушкина с лексемами поэтического языка поэтов трёх последующих эпох и определены их общие и различные лексемы. Показано, какие существительные чаще встречаются в поэзии А. Пушкина, чем в его прозе, публицистике и письмах. Уточнён и дополнен список 20 наиболее употребительных поэтом существительных (лексем) в «Частотном словаре языка А. С. Пушкина». Приведены примеры того, как можно проследить транзит частот употребления и рангов отдельных лексем по годам жизни и периодам творчества поэтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон Т. Е. Цифровые методы современной филологии: возможности и ограничения // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сборник материалов IV международной. молодежной научно-практической конференции, 18–20 сентября 2018 г. / науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2018. С. 9–11.
2. Бродский И. А. Сочинения, У-Фактория, Екатеринбург, 2003. 831 с.
3. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. «Опыт сравнения поэтических лексиконов А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова» // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 21–24.
4. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словари поэтического языка поэтов XIX века. Москва: Флинта; Наука, 2013–2018.
5. Гаспаров М. Л. Точные методы анализа грамматики в стихе // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов, доклады российской делегации. Краков, 1998. С. 168–181.

6. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва: Азбуковник, 2009. 1087 с.
7. Марголис Я. М. Количественный анализ словарей и транзита русскоязычной поэзии // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 46–75.
8. Марголис Я. М. Транзит языка русских поэтов XXI века во времени и в пространстве // Libri Magistri. 2021. № 1 (15).
9. Материалы к Частотному словарю языка А. С. Пушкина. Институт русского языка, Институт языкознания, сектор структурной и прикладной лингвистики: (Проспект). Москва: [б. и.], 1963. 50 с.
10. Пиперски А. Частотность в языке. ПостНаука, 2016. URL: <https://postnauka.ru/video/56829> (дата обращения: 10.01.2021).
11. Поэтический корпус русского языка (ПКРЯ), новая версия в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), 2018. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 10.01.2021).
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Изд-во АН СССР, Москва, Ленинград: 1937–1959.
13. Пушкин А. С. Евгений Онегин (Глава четвёртая (1824–1826)) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 6. Евгений Онегин. 1937. С. 75–96.
14. Пушкин А. С. «Раз, полунощной порою...» («Козак» (1814)) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 1. С. 47–49.
15. Рудакова С. В. К вопросу о своеобразии представлений А. С. Пушкина о счастье в его ранней лирике // Libri Magistri. 2020. № 4. С. 106–118.
16. Русскоязычная поэзия в транзите, исследовательский проект университета Трира, Германия, рук. Х. Шталь, 2017–2021.
17. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. В. В. Виноградов, 1956–1961 (1-е изд.), 2000 (2-е изд.), Москва: «Азбуковник», 2000.
18. Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VIII, сост: Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), А. В. Гик. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2001–2019. (Studia philologica). Ин-т русского языка (ИРЯ) РАН.
19. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 6 т., сост. И. Ю. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина, Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004.

20. Тематические и ключевые слова в языке русской поэзии первой половины XIX века: Обзор работ Г. Хьетсо за 1973–1985 годы. Сост. В. Баевский // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 5.
21. Фрумкина Р. М. О статистическом исследовании словарного состава текстов А. С. Пушкина. Материалы к Частотному словарю языка Пушкина. Москва: Проспект, 1963. 5 с.
22. Фрумкина Р. М. Статистические методы изучения лексики. Москва: Наука, 1964. 115 с.
23. Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова / Под ред. В. В. Бородина, А. Я. Шайкевича; Сост. Авдеева А. А., Бородин В. В., Быкова Н. Я., Козокина С. М., Гордеева Н. А., Макарова Л. А., Шайкевич А. Я. // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.». Москва: Сов. Энцикл., 1981. С. 717–774.
24. Частотный словарь языка Пушкина, ИРЯ, машинопись. Москва, 1963. URL: <https://bit.ly/36twlI5> (дата обращения: 10.01.2021).
25. Шоу Дж. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина. Т. 1, 2. Предисловие М.Л. Гаспарова. Москва: Языки славянской культуры, 2000. 641 с.
26. Яковлев М. Бродский и неизвестная Иския // Новый мир. 2017. Май. URL: <https://bit.ly/2OfvqVZ> (дата обращения: 10.01.2021).
27. Kjetsaa G. A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis. Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. 1983. 51 p.
28. Kjetsaa G. A Quantitative Norm for the Use of Epithets in the Age of Puškin // Russian Romanticism. Stockholm, 1979. P. 204–215.
29. Margolis J. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language. University Trier, Abstract, Germany, 2.12.2020. URL: <https://bit.ly/2KZsUBp> (дата обращения: 10.01.2021).
30. Oerthel F., Tuschl S. Statistische Datenanalyse mit dem Programmpaket SAS. Universität Passau, R. Oldenburg Verlag, München, Wien, 1995.
31. Patera T. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky, Books 1-6, The Edwin Mellen Press, 2002. Slavistik, McGill University, Montreal, Canada.
32. Shaw J. T. Pushkin: A Concordance to the Poetry, Slavica Publishers, 1985.
33. Yakovlev M. Brodsky and the unknown Ischia. J. "New World", May, 2017. URL: <https://bit.ly/2OfvqVZ> (дата обращения: 10.01.2021).

REFERENCES

1. Abramzon T. E. Digital methods of modern philology: opportunities and limitations // World literature through the eyes of modern youth. Digital Age: Collection of IV International Materials. youth scientific and practical conference, September 18–20, 2018 / scientific. ed. S. V. Rudakova. Magnitogorsk: Magnitogorsk Publishing House. state tech. un-ta them. G. I. Nosova, 2018. Pp. 9–11.
2. Brodsky I. A. Works, U-Factoria, Yekaterinburg, 2003.
3. Vasiliev N. L., Zhatkin D. N. The experience of comparing poetic lexicons by A.S. Pushkin and M. Yu. Lermontov // Baltic Humanitarian Journal. 2017.
4. Vasiliev N. L., Zhatkin D. N. Dictionaries of the poetic language of the 19th century poets. Moscow: Flint; Science, 2013–2018.
5. Gasparov M. L. Exact methods for analyzing grammar in verse. Slavic linguistics. XII International Congress of Slavists, reports of the Russian delegation, Krakow, 1998.
6. Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Materials of the National Corpus of the Russian Language). Moscow: Azbukovnik, 2009.
7. Margolis Ya. M. A quantitative analysis of dictionaries and the transit of Russian-language poetry // Libri Magistri. 2020, no. 4 (14), p. 46–75.
8. Margolis Ya. M. Transit of the language of Russian poets of the XXI century in time and space // Libri Magistri. 2021. № 1 (15).
9. Materials for the Frequency Dictionary of the AS language. Pushkin. Institute of the Russian Language, Institute of Linguistics, Sector of Structural and Applied Linguistics. Moscow: Prospect, 1963.
10. Piperski A. Frequency in language. PostNauka, 2016.
11. Poetic Corpus of the Russian Language (PCRL), new version in the National Corpus of the Russian Language (RNC), 2018. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed 10.01.2021).
12. Pushkin A. S. Collected works in 16 volumes. Moscow, Leningrad: Science, 1937–1959.
13. Pushkin A. S. Eugene Onegin / Chapter Four (1824–1826) // Pushkin A. S. Collected works in 16 volumes. Moscow, Leningrad: Science, 1937–1959. Vol. 6. P. 75–96.
14. Pushkin A. S. “Once, at midnight sometimes ...” (Kozak (1814)) // Pushkin A. S. Collected works in 16 volumes. Moscow, Leningrad: Science, 1937–1959. Vol. 1. P. 47–49.
15. Rudakova S. V. To the question of the originality of A. Pushkin's ideas about happiness in his early lyrics // Libri Magistri. 2020. No. 4. P. 106–118.

16. Russian-language poetry in transit, research project of the University of Trier, Germany, hands. H. Stahl, 2017–2021.

17. Dictionary of Pushkin's language in 4 volumes, otv. ed. acad. V. V. Vinogradov, 1956–1961 (1st ed.), 2000 (2nd ed.), Moscow, "Azbukovnik", 2000.

18. Dictionary of the language of Russian poetry of the XX century. Volume I–VIII, comp: L. L. Shestakova (editor-in-chief), A. S. Kuleva (ed.), A. V. Gik. Moscow: Publishing House YASK, 2001–2019. (Studia philologica). Institute of the Russian language (IRL) RAS.

19. Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva in 6 volumes, compiled by I. Yu. Belyakova, I. P. Olovyanikova, O. G. Revzin, House-Museum of Marina Tsvetaeva, 1996–2004.

20. Thematic and key words in the language of Russian poetry in the first half of the 19th century: Review of the works of G. Hietso for 1973–1985. Composition. V. Baevsky // *Izv. Academy of Sciences of the USSR. Ser. lit. and lang.* 1986. No. 5.

21. Frumkina R.M. On the statistical study of the vocabulary of texts by A.S. Pushkin. Materials for the Frequency Dictionary of Pushkin's Language. Avenue. M., 1963, p. five.

22. Frumkina R.M. Statistical methods of studying vocabulary. Moscow, 1964.

23. Frequency dictionary of the language of M. Yu. Lermontov / Ed. V. V. Borodin, A. Ya. Shaykevich; Comp. Avdeeva A. A., Borodin V. V., Bykova N. Ya., Kozokina S. M., Gordeeva N. A., Makarova L. A., Shaikevich A. Ya. // *Lermontov Encyclopedia / Academy of Sciences of the USSR.*

Institute of Rus. lit. (Pushkin. House); Scientific-ed. Council of the publishing house "Sov. Encyclopedia." Moscow: Sov. Encycl., 1981.

24. Frequency dictionary of Pushkin's language, IRYa, typescript 403 p., 1963, URL: <https://bit.ly/36twlI5>

25. Shaw, J. T. Concordance to the poems of A. Pushkin. Volumes 1, 2. Foreword by M.L. Gasparov. Languages of Slavic culture, 2000. 641 p.

26. Yakovlev M. Brodsky and the unknown Ischia. J. "New World", May, 2017. URL: <https://bit.ly/2OfvqVZ> (accessed 10.01.2021).

27. Kjetsaa G. A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis / Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. No. 33. 1983;

28. Kjetsaa G. A Quantitative Norm for the Use of Epithets in the Age of Puškin // *Russian Romanticism.* Stockholm, 1979.

29. Margolis J. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language. University Trier, Abstract, Germany, 2.12.2020, URL: <https://bit.ly/2KZsUBp> (accessed 10.01.2021).

30. Oerthel F., Tuschl S. Statistische Datenanalyse mit dem Programmpaket SAS. Universität Passau, R. Oldenburg Verlag, München, Wien, 1995.

31. Patera T. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky, Books 1-6, The Edwin Mellen Press, 2002 (Slavistik, McGill University, Montreal, Canada).

32. Shaw J. T. Pushkin: A Concordance to the Poetry, Slavica Publishers, 1985.

33. Yakovlev M. Brodsky and the unknown Ischia. J. "New World", May, 2017. URL: <https://bit.ly/2OfvqVZ> (accessed 10.01.2021).

NOUNS TRANSITION IN RUSSIAN POETIC LANGUAGES
FROM PUSHKIN TO OUR TIME

Jakob M. Margolis, Dr., Trier University, Germany

Abstract

The goal of this research is the quantitative analysis of frequency ranks of nouns (lexemes) in the language of three of the most outstanding and productive Russian poets from three different epochs – A. Pushkin, M. Tsvetaeva and J. Brodsky (PTB) – and Russian poets from the first two decades of the 21st century. The ranks of the twenty most commonly used nouns by PTB in the language of fourteen poets of the 21st century are found and the PTB-approach to comparing ranks in time is proposed.

It is shown which lexemes in the two centuries between Pushkin and today have vanished from the most commonly used and which other lexemes, on the contrary, increased their rank. The core lexemes which remain among the twenty most commonly used noun lexemes in the Russian poetic language are determined.

The twenty most commonly used nouns in the poetic language of Pushkin are compared with the most commonly used lexemes by the poets of three following epochs and their difference as well as their intersection is found.

It is shown which lexemes appear more often in Pushkin's poetic language than in his prose, journalistic works, and letters, and their frequency ranks are established. The list of most commonly used nouns by the poet from the «Frequency dictionary of Pushkin's language»

Я. М. Марголис

is efined and completed. The way the transit of the language of a poet during the years of his life and different periods of his work is exposed.

This research has been conducted in the framework of preparations for the second part of the philological project “Russian-language poetry in transit”, University of Trier, Germany.

Keywords: Transit, nouns, quantitative analysis, Russian poetic language, frequency, rank, lexem, token, type, Pushkin, Tsvetaeva, Brodsky (PTB), PTB-approach, core of poetic language, dictionary, concordance

Для цитирования: Марголис Я. М. Транзит существительных русского поэтического языка от Пушкина до нашего времени // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 50–76.

Поступила в редакцию 08.01.2021

РАЗДЕЛ II. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

УДК 821.161.1

ББК (2Рос=Рус)

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_77

И. И. Большунова¹

ilona.bolshunova.1993@mail.ru

Белорусский государственный университет

РОДИОН РАСКОЛЬНИКОВ И ЕГОР ПРОКУДИН – ПУТЬ ОТ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ» К «НАКАЗАНИЮ» (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И КИНОПОВЕСТИ В. М. ШУКШИНА «КАЛИНА КРАСНАЯ»)

Творческое наследие Ф. М. Достоевского и В. М. Шукшина занимает особое место в отечественной и мировой литературах. Каждый герой их произведений наделен самобытным характером, народной мудростью и неповторимыми речевыми особенностями.

В настоящее время в литературоведении не выработано единое мнение, касающееся типологизации героев малой прозы В. М. Шукшина. Исследователи-шукшиноведы по-разному представляют доминирующий набор действующих лиц в произведениях данного писателя, а некоторые из критиков и вовсе отрицают возможность рассмотрения его персонажей в рамках определенного литературного типа героев.

Герои Достоевского являются предметом научных изысканий различных литературоведов, языковедов и философов. Классик русской литературы известен особенным психологическим кодом, его персонажи совершают действия, разрушающие их внутренний мир. Феномен «достоевщины» до наших дней остается одним из самых сложных и загадочных понятий в литературе. Особое место в творчестве обоих писателей занимает мотив «наказания» за совершенное «преступление». Наиболее ярко данный мотив

¹ Большунова Илона Ивановна, аспирант, преподаватель, Кафедра русского языка как иностранного Института дополнительного образования БГУ, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

представлен в одноименном романе Ф. М. Достоевского и в повести В. М. Шукшина «Калина красная». Именно эти произведения и являются материалом для данной статьи. Главные герои Достоевского и Шукшина – Родион Раскольников и Егор Прокудин, мотивы их поступков, сами действия героев являются объектом исследования. Целью данной работы мы поставили сравнительный анализ целеполагания двух персонажей при совершении «преступления», повлекшего за собой «наказание».

Ключевые слова: достоевщина, литературный герой, психологизм, сравнительный анализ, шукшиноведение

Введение

Творчество В. М. Шукшина и Ф. М. Достоевского объединяет гуманистическое стремление найти в любом человеке свет и добро. Названия многих произведений перекликаются с именами или основными идеями их главных героев («Братья Карамазовы», «Идиот», «Неточка Незванова» Достоевского; «Любавины», «Чудик», «Стенька Разин» Шукшина), что подчеркивает особый антропоцентричный внутрисюжетный подход. Писатели ставят своей целью показать именно персонажа в предлагаемых обстоятельствах, как реального человека, с настоящими чувствами и эмоциями. Именно персонаж представляет собой главный ключ к тайне понимания их прозы.

Творчество обоих писателей нацелено на максимально точную передачу психологической трагедии, разворачивающейся в жизни их героев. Как отмечал сам Шукшин: *«Говорить правду, какой бы горькой она ни была»* [14, 94]. И Достоевский, и Шукшин ведут своеобразный диалог с читателем, вовлекают его в активное рассуждение о правильности или неправильности поступков, мыслей, рассуждений героев. Таким образом, писатели закрепляют в своих произведениях коммуникативную функцию искусства: творчество всегда – диалог с читателем.

Но кем же является герой шукшинской прозы? Как отвечал сам автор, ему не интересен *«так называемый простой, средний, нормальный положительный человек»* [14, 98]. В. М. Шукшин ищет, на первый взгляд, равновесия между двумя антонимичными по сути персонажами – «дурачком» и «гением». Как подчеркивал Л. А. Аннинский, *«на одном полюсе этого мятельного основной чертой знаковых героев писателя (Егор Прокудин «Калина мира – тихий «чудик», робко тыкающийся к людям со своим добром. На другом полюсе – заводной мужик, захлебывающийся безрасчетной*

ненавистью» [1, 128]. Но именно этот баланс между житейским талантом и такой же обывательской глупостью является основной чертой знаковых героев писателя (Егор Прокудин «Калина красная», Василий Егорыч Князев «Чудик», Лёля Селезнева «Лёля Селезнёва с факультета журналистики» и т.д.). Именно такой тип личности, известный мировой литературе как «маленький человек» мы встречаем и у Ф. М. Достоевского. На это указывали многие работы, среди которых Г.А. Белая «Достоевский в творческом сознании Шукшин» [3], Е.А. Вертлиб «В. Шукшин и русское духовное возрождение» [6], В. Н. Быстров «В. Шукшин и Ф. Достоевский (к проблеме гуманизма)» [4], О.Г. Левашова «К вопросу о генезисе «странного» героя Ф. М. Достоевского и В. М. Шукшина» [8] и «Шукшинский герой и традиции русской литературы XIX в. (Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой)» [9].

Шукшину интересен герой, который привык рисковать всем. Такой характер *«не хочет маленьких норм»* [14, 70]. Егор Прокудин является ярким примером подобного типа характера. Бывший вор в течение всего произведения пытается переосмыслить себя и свое место в этом мире: *«Наделенный обостренным ощущением своей личности, он не может смириться со строго однозначным подходом к себе»* [4, 19]. Он хочет стать частью общества, стать членом семьи, стать другом и любящим мужем. Все эти желания несовместимы с реальностью, ведь Егор – бывший преступник, вор-рецидивист, забытый собственной семьей, преданный друзьями. Такой диссонанс между тем, кем он хочет быть (внутренняя интенция), и тем, кем он является на самом деле (внешняя интенция), – спусковой крючок его действий. Эволюция персонажа от преступника к простому трактористу есть не что иное, как путь принятия себя как члена общества. На эту особенность указывал В. Н. Быстров: *«Признание человека человеком должно совершаться не через акт субъективной воли и сознания отдельного человека или людей, сколь бы великодушным он ни был, а через открытие «человека в человеке», через веру в то «человеческое», что заключено в нем»* [4, 21].

Основная часть

Родион Раскольников – герой «Преступления и наказания» Достоевского обладает схожими мотивационными установками. Он ищет принятия себя в обществе, ему хочется понимания и человеческого участия. Но все, что происходит вокруг него (предстоящая свадьба сестры с Лужиным, страдания Дуни в качестве гувернантки в семье Свидригайловых, случайная встреча с пьяной обманутой девушкой, смерть Мармеладова), вводит героя

в безысходную пустоту. Раскольников помешался на преступлении, и это и есть его главное наказание.

Драма Егора Прокудина в том, что он не может терпеть проявлений презрения к нему от других героев, хотя именно от общества он ждет сострадания и понимания. В том же заключается и драма Родиона Раскольникова. Разница между героями – в предпосылках для возникновения тяжелой психологической ситуации. Если для Егора – все события в его жизни соотносятся лишь с его душевными исканиями, то для Раскольникова – это не только психологические поиски. Это ещё и разочарование в своей теории.

Родион предложил теорию: *«Тварь ли я дрожащая или право имею?»*, согласно которой он представлял убийство как способ осчастливить человечество. Лишение жизни старухи-процентщицы воспринималось Раскольниковым как реализация собственного предназначения.

Если предпосылки для совершения преступления Раскольниковым понятны читателю, то мотивация преступных действий Прокудина вынесена как бы за скобки произведения, за рамки сюжета. Читатель (или зритель) знает о сиротском детстве главного героя Шукшина, и самостоятельно должен сделать вывод о причинах, повлекших за собой проступок своего героя. Так, исследователь творчества советского писателя В. Н. Быстров отмечал следующие причины послетюремных поступков Егора: *«...нежелание его быть равным своему «внешнему» образу. Смятение в его душе порождается импульсивным несогласием с этим обликом и одновременно острым ощущением вины»* [4, 19].

Роман Достоевского и киноповесть Шукшина объединены схожей хронологией событий, но воссозданной в обратном порядке. Мы видим путь Раскольникова от самого преступления через муки совести до непосредственного наказания. Прокудин же, наоборот, представлен как герой, уже получивший формальное наказание (тюремный срок), но по ходу сюжета он идет к настоящему наказанию (муки совести).

Представить путь Родиона можно следующим образом:

Зарождение идеи «тварь ли я дрожащая или право имею?»	Преступление (убийство старухи- процентщицы и ее сестры Лизы)	Встреча с Соней Мармеладовой	Покаяние	Каторга
«преступление»		катализатор	«наказание»	

Путь Прокудина, безусловно, выглядит по-другому, но можно заметить явные точки пересечения.

Тюрьма	Попытка вернуться к преступной жизни	Неприятные семейные и родственные отношения Любы	Встреча с Любовью Байкаловой	Спокойная жизнь, работающего человека	Встреча с матерью, которая его не узнает	Покаяние	Смерть
«наказание»			катализатор		«наказание»		

В обоих произведениях, своеобразным катализатором, человеком, благодаря которому и Родион, и Егор приходят к принятию себя, являются женщины – Соня Мармеладова и Любовь Байкалова. Эта вселенская сила любви лечит заблудшие души главных героев. Особенно показательным в этом отношении «говорящее имя» главной героини киноповести В. М. Шукшина. Люба становится для Егора своеобразной Сонечкой Мармеладовой. Сходство между внутренним устройством двух пар можно отметить в следующем. И Егор, и Раскольников преступили закон, что вынудило их отстраниться от общества. Люба Байкалова и Соня Мармеладова выступают как своеобразные резонаторы. Главные герои (Егор Прокудин и Родион Раскольников) обращаются к женщинам, испытывая душевные терзания, не прося помощи, рассчитывают на понимание. Только при Любе Егор позволяет себе снять с себя маску уголовника. Когда он рассказывает Любе про свое единственное детское воспоминание – корову и мать – в его словах слышится горечь утраты. Он впервые обнажает свою душу и становится уязвимым. Быть перед кем-то слабым Егору не нравится: *«А Егор – видно было – жалел, что он у него вырвался этот рассказ, был недоволен»* [15].

Эта христианская идея всепрощения, ярче продемонстрирована у Достоевского. Соня Мармеладова читает Раскольникову библейскую историю о воскрешении Лазаря, таким образом настраивая его на принятие себя. Раскольников признается Соне в своем преступлении, потому что лишь она способна понять его. Именно в этой героине Достоевский воплотил свой нравственный идеал. Как отмечал сам писатель: *«Человек непрерывно должен чувствовать страдание, которое уравнивается райским наслаждением исполнением Закона, т. е. жертвой. Тут-то и равновесие земное. Иначе Земля была бы бессмысленна»* [12, LXXXIII, 615]. Девушка способна нести в себе безусловное чувство любви к любому, даже оступившемуся человеку. В кротком характере Сони скрыта сила и цельность настоящей личности.

Егора Прокудина и Родиона Раскольникова спасает любовь.

Образ Егора и Родиона – это авторское воплощение бунта, стремления противостоять (ломать) системе, образы же главных героинь – Любви и Сони – воплощение идеи смирения. Соня смирилась с жизнью падшей женщины, пожертвовав собой ради благополучия своей семьи. Она учит смирению и Раскольникову. Любовь смирилась с неприятием её в обществе: первый муж оказался алкоголиком, и подруги не понимают, почему она разошлась с ним, семья против новых отношений с уголовником, и всю горесть её судьбы воспринимают так, потому что она «непутевый последыш» (*«Ты ее [Любу], Егор, не обижай: она у нас – последыш, а последышка жалче всех. Вот пойдут детишки у самого – вспомнишь мои слова. Она хорошая девка, добрая, только все как-то не везет ей...»*) [15]. Любовь понимает Егора и учит его смирению. В целом образы мужских персонажей связаны с идеей противостоять системе, образы же главных героинь – Сони и Любви – воплощают идею смирения.

Заключение

Наследие русской классической литературы, в частности остросоциальные мотивы и проблематика, оказало огромное влияние на позднейших писателей. Одним из них является В. М. Шукшин. Его литературное творчество демонстрирует противоречия между отдельным гражданином, его интересами, чувствами, мировосприятием и государством как мощным социальным институтом. Как отмечает О. Г. Левашова, *«Шукшин, вслед за писателями-классиками, в новых исторических условиях показал, как сильными мира сего эксплуатируется «мертвый» миф о патерналистской функции государства. Из всего арсенала, средств воздействия «старших» на «младших» осталось только наказание. Поэтому столь часто писатели разных историко-литературных эпох обращаются к изображению государственного института суда, свидетельствуя об его несправедности»* [9, 113].

Безусловно «Калина красная» В. М. Шукшина и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского абсолютно разные произведения, как в жанровом соотношении (киноповесть и роман), в разнообразии представленных персонажей («Преступление и наказание» – более сотни героев, «Калина красная» – 20), в целеполагании и мотивации героев, в широте освещенных авторами тем. Но тема наказания за совершенное преступление в обоих произведениях выведена на первый план.

Киноповесть В. М. Шукшина «Калина красная» представляет собой яркий образец традиции преемственности в русской литературе. Ф. М. Достоевский и В. М. Шукшин раскрывают проблему человека,

его поступков и их отклика в обществе в своих произведениях. Такой психологизм позволяет запечатлеть на примере описания одного героя многие социальные проблемы современного писателю общества. Оба исследованных произведения ориентированы на изучение человеческой души, на борьбу за неё.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л. А. Путь Василия Шукшина // Аннинский Л. А. Тридцатые – семидесятые. Литературно-критические статьи. Москва: Современник, 1978. 269 с.
2. Бодрова Л. Т. Русская классика в творчестве В. М. Шукшина // Жанрово-стилевое своеобразие советской литературы. Ч. II. Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1996. С. 61–63.
3. Белая Г. А. Достоевский в творческом сознании Шукшина // Белая Г. А. В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул: Краев. музей истории лит., искусства и культуры., 1992. С. 22-24.
4. Быстров В. Н. В. Шукшин и Ф. Достоевский: к проблеме гуманизма // Русская литература. 1984. № 4. С. 18–33.
5. Василенко Т. Н. Резюме статьи К. Алавердян «Мораль – это правда (Шукшин и Достоевский)» // Филолого-коммуникативные исследования: ежегодник – 2014. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 151–154
6. Вертлиб Е. А. В. Шукшин и русское духовное возрождение. Мjcrdf, 1983. 184 с.
7. Достоевский Ф. М. «Преступление и наказание». Электронный ресурс: <https://ilibrary.ru/text/69/p.1/index.html> (дата доступа: 27.01.2021).
8. Левашова О. Г. К вопросу о генезисе «странного» героя Ф. М. Достоевского и В. М. Шукшина // Культура и текст. 2001. № 6. С. 41–52.
9. Левашова О. Г. Шукшинский герой и традиции русской литературы XIX в. (Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 315 с
10. Павлов Ю. М. Художественная концепция личности в русской и русскоязычной литературе XX века: дисс. ... д. филол. н. Армавир, 2004. 374 с.
11. Соколова Л. В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века (В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев). Санкт-Петербург: Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН, 2005. 381 с

12. Том 83: Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм; Москва: Наука, 1971. 727 с.
13. Филиппова С. И. Трансформация образа «маленького человека» в концепт «чудик» в прозе В. М. Шукшина // *Провинциальная экзистенция*. Барнаул, 1999. С. 82–84.
14. Шукшин В. М. *Нравственность есть*. Москва: Правда, 1979. 234 с.
15. Шукшин В. М. «Калина красная» Электронный ресурс: http://lib.ru/SHUKSHIN/kalina_krasnaya.txt (дата обращения: 27.01.2021).

REFERENCES

1. Anninsky L. A. Vasily Shukshin's Way // Anninsky L. A. *Thirties – Seventies. Literary critical articles*. Moscow, 1978. 242 p.
2. Bodrova L. T. Russian classics in the works of V. M. Shukshina // *Genre and style originality of Soviet literature*. II. P. Tomsk: Publishing house of Tomsk, University, 1996. P. 61–63.
3. Belaya G. A. "Dostoevsky in the creative mind of Shukshin" // Belaya V.M. *Shukshin. Life and art*. Barnaul, 1992. P. 22–24.
4. Bystrov G.A. V. Shukshin and F. Dostoevsky: to the problem of humanism // *Russian literature*. Moscow, 1984. No. 4. P. 18–33.
5. Vasilenko T. N. Summary of the article by K. Alaverdyan "Morality is truth (Shukshin and Dostoevsky)" // *Philological and communicative studies: yearbook – 2014*. Barnaul: Alt. University, 2014. P. 151–154.
6. Vertlib E. A. V. Shukshin and Russian Spiritual Revival. Moscow, 1983. 184 p.
7. Dostoevsky F.M. "Crime and Punishment". Electronic resource: <https://ilibrary.ru/text/69/p.1/index.html> Access date: 27.01.2021.
8. Levashova O. G. To the question of the genesis of the "strange" hero of FM Dostoevsky and VM Shukshin // *Culture and text*. 2001. No. 6. P. 41–52
9. Levashova O. G. Shukshinsky hero and traditions of Russian literature of the XIX century. (F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy). Barnaul: Publishing house Alt. University, 2003. 315 p.
10. Pavlov Yu. M. Artistic concept of personality in Russian and Russian-language literature of the XX century: diss. ... d. filol. n. Armavir, 2004. 374 p.
11. Sokolova L. V. Spiritual and moral searches of traditionalist writers of the second half of the XX century (V. Shukshin,

V. Rasputin, V. Belov, V. Astafiev). St. Petersburg: Institute of Rus. lit. (Pushkin. House) RAS, 2005.381 p.

12. Volume 83: Unpublished Dostoevsky: Notebooks and Notebooks 1860-1881. / USSR Academy of Sciences. Institute of World Literature them. A.M. Gorky; Ed. I. S. Zilberstein and L. M. Rosenblum; Moskva: Nauka, 1971. 727 p

13. Filippova S. I. The transformation of the image of a "little man" into the concept of "freak" in V.M. Shukshina // Provincial Existence. Barnaul, 1999. P. 82-84.

14. Shukshin V. M. Morality is Truth. M., 1979, 234 p.

15. Shukshin V. M. "Viburnum red" Electronic resource: http://lib.ru/SHUKSHIN/kalina_krasnaya.txt Access date: 27.01.2021

**F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT"
AND V. M. SHUKSHIN'S FILM STORY "THE RED SNOWBALL
TREE": RODION RASKOLNIKOV AND EGOR PROKUDIN –
THE WAY FROM "CRIME" TO "PUNISHMENT"**

I. I. Bolshunova

post-graduate student, Belarusian State University

Institute of Further Education,

BSU Department of Russian as a Foreign Language

Republic of Belarus, Minsk

Abstract

The creative heritage of F. M. Dostoevsky and V. M. Shukshin occupies a special place in Russian and world literature. Each character of their works is endowed with a distinctive character, folk wisdom and unique speech features.

Now in literary criticism there is no common opinion regarding the typology of V. M. Shukshin's short prose heroes. Shukshin scholars in different ways represent the dominant set of characters in the writer's works, and some of the critics completely deny the possibility of equating V. M. Shukshin to a certain type.

F. M. Dostoevsky's characters are the subject of scientific searches of various literary scholars, linguists and philosophers. The classic of Russian literature is known all over the world for a special psychological code that motivates each of the characters to actions that destroy their inner world. The phenomenon of "Dostoevshchina" to this day remains one of the most complex and mysterious concepts in literature.

The motive of "punishment" for the committed "crime" occupies a special place in the works of both writers. This motive is most vividly reflected in the novel of the same name by F. M. Dostoevsky

И. И. Большунова

and in the story of V. M. Shukshina "The Red Snowball Tree". These works are the material for this article.

The main characters - Rodion Raskolnikov and Yegor Prokudin – their motives and subsequent actions - are the object of research.

The purpose of this work is a comparative analysis of the goal-setting of two characters when committing a “crime” entailed “punishment”.

Keywords: dostoevshchina, literary hero, psychologism, comparative analysis, shukshin studies

Для цитирования: Большунова И. И. Родион Раскольников и Егор Прокудин – путь от «преступления» к «наказанию» (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и киноповести В. М. Шукшина «Калина красная») // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 76–86.

Поступила в редакцию 30.01.2021

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 83.3(2=411.2)53

УДК 882-15Майков

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_87

А. Г. Маслова¹

Вятский государственный университет

usr11021@vyatsu.ru

О. А. Метелева²

Вятский государственный университет

olesyaste@mail.ru

МАСОНСКИЕ МОТИВЫ В ФИЛОСОФСКОЙ ОДЕ В. И. МАЙКОВА «ВОЙНА»

В статье рассматривается отношение к войне В. И. Майкова-масона на примере одноименной оды, которая, являясь продолжением нравственно-философских исканий поэта, отразила основные идейные постулаты масонства: стремление к равенству, братству, свободе. В статье исследуется не только идеал общественной, но и семейной жизни, отражающийся в стремлении всего человечества к «золотому веку». В ходе анализа рассмотрена христианская идеология, которая в России была тесно сопряжена с масонской; исследованы особенности трансформированного поэтом жанра оды. В ходе анализа поэтического текста применялись такие методологические инструменты, как анализ внешних связей художественного текста: историко-культурный, сравнительный. Во время анализа внешних связей использовался контекстуальный анализ, микроанализ, изучение критической литературы о произведении. Показано, как автор трансформировал жанровую специфику торжественной оды, изменил тематическое наполнение и формальный канон оды, использовал прием контраста, противопоставив ужасающему образу кровопролитной войны,

¹ Маслова Анна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия.

² Метелева Олеся Андреевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия.

ассоциирующей с Апокалипсисом, картины «золотого века». В результате исследования удалось конкретизировать некоторые образы-символы оды, рассмотреть нравственно-философские мотивы пацифистской оды, повлиявшие на трансформацию жанра торжественной оды и батальной поэзии. Область применения результатов исследования может быть определена достаточно широко: лингвистический и стилистический анализ поэтического текста, спецкурсы и спецсеминары в высших учебных заведениях и учреждениях среднего образования, посвященные русской поэзии.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, поэты-масоны, батальная ода в классицизме, пацифистская лирика, масонская символика

Введение

Одним из самых популярных жанров 1740–1760-х годов в русской литературе был жанр торжественной оды, но уже к середине 1770-х торжественная ода утрачивает связь с живым литературным процессом, поэтика её во многом «застывает», превращаясь в ряд риторических «общих мест». Однако, если оды «на случаи», связанные с официальными государственными датами празднования рождения, тезоименитства, бракосочетания, восшествия на престол представителей царствующей династии, быстро теряли свою популярность, то, как отмечает А. В. Петров, более долгая жизнь была суждена «одам с военно-патриотической, исторической и историко-философской тематикой» [16]. Это может объясняться необходимостью поддерживать героический дух народа в годы военных испытаний, а также потребностью философского осмысления конкретных исторических событий в ракурсе общечеловеческого и религиозного постижения жизни. На развитие философской оды, связанной со стремлением писателей определить свою позицию по отношению к войнам, которых было немало в XVIII столетии и о которых слагалось множество торжественных од, влияли многочисленные факторы, в том числе и масонские идеи, которые не были оторваны от конкретной исторической эпохи. «Русская мысль сплошь историософична, – считал В. В. Зеньковский, – она постоянно обращается к вопросам о “смысле” истории, конце жизни и т. п. Это исключительное, можно сказать чрезвычайное, внимание к философии истории, конечно, не случайно, оно коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей “русской души”» [7, 13].

Не остался в стороне от философских вопросов, воплощенных в военно-патриотической лирике, и В. И. Майков. В начале своей поэтической деятельности он с восторгом описывал батальные сцены и воспевал силу и мощь русского оружия и флота. Офицер Семеновского полка, поэт ни разу не принимал участия в битвах, но в своих одах ярко и красочно с помощью «витийственных» эпитетов в ломоносовской манере передавал гордость русского народа победами наших войск. Баталистика В. И. Майкова состоит из од, писем, надписей и стихотворений, в которых поэт откликнулся почти на все важные события русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Среди них такие, как «Ода императрице Екатерине Второй на победу, одержанную над турками при Днестре войсками Ее Величества, под предводительством генерала князя Голицына и на взятие Хотина» (1769), «Стихи на отшествие российского флота из Ревеля в Средиземное море» (1769), «Ода победоносному Российскому оружию» (1770), «Ода Ее Величеству Екатерине Второй на взятие Бендер войсками под предводительством генерала графа Панина» (1770), «Ода Ее Величеству на преславную победу над турецким флотом в заливе Лаборно при городе Чесме, одержанную флотом российским, под предводительством генерала графа Алексея Орлова» (1770), «Стихи генерал-майору и кавалеру Александру Васильевичу Суворову» (1773), «Письмо графу Петру Александровичу Румянцеву» (1775), «Ода Ее Величеству на торжество заключения мира между Российскою империей и Оттоманскою Портою» (1775).

Среди заслуг В. И. Майкова следует отметить, что он один из первых начал посвящать стихи российскому флоту. Однако на рубеже 1760–1770-х годов поэт, полемизируя сам с собою, пишет стоящую особняком от всей его батальной поэзии оду «Война», которая была опубликована в 1773 году в журнале «Вечера».

Эта ода, на наш взгляд, появляется под влиянием идей масонства, которым В. И. Майков увлекся именно на рубеже 60–70-х годов XVIII века. Единого мнения относительно точного года, когда В. И. Майков стал масоном, у исследователей нет. Так, по мнению А. В. Западова, В. И. Майков в 1772 году начинает посещать масонскую ложу «Уrania», основанную И. П. Елагиним, и только в 1775 становится ее Великим секретарем [13, 471]; по мнению же А. Н. Пыпина, в 1772 году В. И. Майков уже становится Великим секретарем [18, 126–127], и, следовательно, увлечение масонскими идеями и вступление в масонскую ложу относится к более ранним годам; А. М. Кукулевич, в свою очередь, годом начала масонской деятельности поэта считает 1773-й [11, 201–226.], а Ю. В. Стенник

указывает на 1773–1774 годы [21]. В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона утверждается, что масонство не повлияло на творчество поэта [24], в то время как другие исследователи (А. М. Кукулевич, Ю. В. Стенник, Л. Н. Майков, А. В. Западов и др.) отмечают сильное влияние масонских идей на мировоззрение писателя, отразившееся в его поздней поэзии.

На наш взгляд, правы те исследователи, которые считают, что масонские идеи оказали существенное влияние на поэзию В. И. Майкова и стали основой его нравственно-этической концепции. При этом масонство начинает влиять на мировоззрение поэта уже в 1760-е годы, когда он сближается, с одной стороны, с И. П. Елагиным, увлекавшимся театром и драматургией, с другой – с группой литераторов, собравшихся в Московском университете вокруг М. М. Хераскова, многие из которых, по мнению А. В. Западова, «были членами тайной масонской группы. В их журнале “Полезное увеселение” постоянно звучали мотивы необходимости личного совершенствования каждого человека, бренности всего земного, велась пропаганда образцов добродетели, излагались думы о загробной жизни» [6, 8–9].

Основная часть

Одной из од, в которой В. И. Майков воплотил основные постулаты масонской идеологии, стала ода «Война». А. В. Западов в комментариях к тому «Избранных произведений» В. И. Майкова (1966) отмечает, что ода была написана не позднее 1769 года, а издать ее получилось лишь в 1773 году. Историческим фоном для написания оды послужили польские гражданские восстания гайдамаков и крестьян, в результате которых Россия ввела войска и тем самым прекратила «неправедную брань» в Польше. Своевременности издания оды, в которой «пацифистский элемент слишком перевешивал», помешала начавшаяся русско-турецкая война, а в 1773 году в обществе уже чувствовалась заметная усталость от войны с Турцией, поэтому антивоенная ода В. И. Майкова смогла появиться на свет [13, 469].

Ода «Война», осуждающая насилие, кровопролитие и античеловеческую сущность войны, выбивается из общего ряда классицистических од не только тематически, но и тем, что автор использует не традиционную для оды десятистишную, а восьмистишную строфу. Кроме того, из самого заглавия убрано слово «ода». Ода в поэзии классицизма – высокий жанр, воспевающий то или иное событие или героя, однако в «Войне» радости и торжества нет. К тому же, с одной стороны, в оде автор использует

традиционную для одической поэзии трехчастную структуру, с другой – в первой части не только нет «восторга», но, напротив, в ней присутствуют боль и горечь: «Какой ужасный ветер наваял / Тебя, кровавая война?» [13, 229].

Придерживаясь канонов жанра оды, автор использует высокую лексику и обращается к античному образу, описывая войну:

Раздор тебя меж смертных всеял,
И ты Алектой рождена.
Когда исходишь ты из ада,
Побегнет прочь от всех отрада,
И сквозь сгущенных серой туч
Не светит солнца ясный луч [13, 229].

Образ Алекты неслучаен. Эта богиня мщения, фурия была дочерью Ночи и Мрака. По другой версии, она родилась вместе со своими сестрами из капель крови убитого Урана. Согласно мифам Древней Греции, эти богини живут в царстве Аида и Персефоны. Изначально эриний (фурий) было девять, затем остались Алектэ, Тисифона и Мегера. Фурии выходили из подземного мира для того, чтобы найти и покарать грешника. Никому не удавалось избежать встречи с ними, а Алектэ считается самой неумолимой и непримиримой [15, 548]. Избрав образ богини мщения в качестве матери войны, В. И. Майков подчеркнул, что война ни к кому не проявит жалость и никому не удастся от нее спрятаться.

Обращаясь к персонифицированной Войне, автор оды выдвигает обвинения в её адрес:

Ты жен с мужьями разлучаешь,
Отцов лишаешь их детей,
Любовниц верных огорчаешь,
Друзей отъемлешь у друзей;
Ты всем несносны скорби деешь,
Младенцев сущих не жалеешь,
Ниже прекраснейших девиц;
Ты санов не щадишь, ни лиц [13, 230].

Автор отмечает, что война затрагивает каждого от мала до велика. Нет ни одного человека, кто был бы счастлив: «Везде отчаянье и страх, / Везде рыдание и слезы» [13, 230]. Даже о победителях автор говорит: «Убийца каждый там герой» [13, 230].

Христианство, от которого русское масонство не было оторвано [14, 85], отрицает захватнические войны. Известно, что война

может быть справедливой и несправедливой. К категории справедливых войн относятся те, которые направлены против агрессии и ведутся ради самообороны [23]. Всем христианам известны слова Спасителя о том, что «взявшие меч, мечем погибнут» (Мф. 26: 52). Эта идея обосновывает необходимость справедливой войны, которая должна прекратить кровопролитие и мятежи, а также защитить граждан от врагов, вторгшихся на чужую территорию. Русские масоны, тесно связанные с христианской традицией, порицают захватническую войну, так как она не имеет под собой не только разумных оснований, но и противоречит нравственным принципам христианства, утверждающего, что войны порождены гордыней и противлением воле Божией. Причина войн, как и зла в человеке вообще, объясняется в Библии греховным злоупотреблением богоданной свободой, «ибо из сердца исходят злые помыслы: убийства, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15: 19). Такое же мнение о войне несколькими годами позже высказывал в журнале «Московское ежемесячное издание» и масон Н. И. Новиков, с которым В. И. Майкова связывала дружба [8, 141]. Отношение к войне как злу проявилось и в оде В. И. Майкова «Война», связанной с осуждением насилия и кровопролития в Польше, вызванных гражданскими мятежами и противостоянием России, стремящейся влиять на внутреннюю политику этой страны.

Ода как ораторский жанр [22, 235] имела стройный порядок развертывания сюжета, который был обусловлен законами формальной логики и состоял из тезиса, доказательства и вывода [12]. Поскольку все доказательства делятся на прямые и косвенные [4, 82], то вторая часть оды должна быть соотнесена с тезисом, отразившимся в первой части, или противопоставлена ему. В. И. Майков использует прием контраста и воспекает в противовес войне мирный «спокойный век» [13, 231]:

Там в сладком мире дни и ночи
Препровождает человек;
Земля там в части не делится,
Там вся природа веселится,
Бегут оттоль вражда и гнев,
Там с агнцем почивает лев [13, 231].

А. Г. Фон-Криденер, знакомящий читателей с историей русского масонства, его целями и задачами в своей книге «Кто такие были русские масоны и какие цели они преследовали» пишет: «Будь ревностным проповедником наших учений, – говорили масоны, –

помни, что ты выполняешь высокую социальную задачу. Нужно стирать между людьми различия в расах, сословиях, вероисповеданиях, мнениях, нужно уничтожить фанатизм и суеверие, нужно разрушать вражду наций и этим избавиться от бича – войны. Нужно сделать из всего человеческого рода одну семью» [10, 21–22]. Несмотря на то, что А. Г. Фон-Криденер написал эти строки спустя целое столетие после выхода оды В. И. Майкова, автор книги отражает именно те идеи, которые выразились в «Войне».

Масонская идеология предполагает отсутствие различий людей по национальностям, вероисповеданиям и сословиям. У В. И. Майкова читаем:

В таком-то были совершенстве
Живущи твари на земли,
В свободе, братстве и равёнстве
Счастливу жизнь свою вели [13, 231].

Лозунг «Свобода, равенство, братство» – масонское изобретение [3, 65]. Несмотря на то, что в Европе под этими словами понималась свобода от монархии и власти [2, 101], русские масоны понимали эту фразу как свободу человека от внешних соблазнов и свободное следование Закону Божьему [1, 185]. Равенство рассматривалось как равенство людей между собой во владении теми, в ком преобладает телесное, под братством масоны понимали единство прачеловека, от которого произошли все люди [5, 201–205].

Масонская идеология предполагает единство веры. Есть Бог. Он един для всех, вне зависимости от вероисповедания. Бог, по мнению масонов, носит различные имена в разных верах. Все масоны верили в Высшее существо, среди них не могло быть атеистов. Именно такую всеобщую веру описывает В. И. Майков: «Меж всех была едина вера» [13, 231], а эта вера формирует у всех участников масонских лож единый нравственный закон. Поэт пишет: «Меж всех единый был закон, / И царствовал над всеми он» [13, 231]. Как мы уже писали выше, для масонов, чьи принципы соотносились с лозунгом «свобода, равенство, братство», все вольные каменщики являлись братьями между собой. Рядом, за одним столом, могли сидеть люди разного социального статуса, так как они являлись братьями, каждое мнение было важно, потому что все масоны – единая семья. Для В. И. Майкова тоже важно, чтобы люди стали братьями: «Там жители земного круга / Едина кажется семья» [13, 231].

Автор оды размышляет не только об общечеловеческих нравственных ценностях, но уделяет внимание и семье

как единству супругов: «Верна супругу там супруга» [13, 231], рассматривает проблему дружбы: «Нелицемерны там друзья» [13, 231], говорит о необходимости построения искренних взаимоотношений между людьми:

Там нет ни зависти, ни лести;
Сердца, исполненные чести,
Устами правду говорят;
Все право мыслят и творят [13, 231].

Для В. И. Майкова важны такие понятия, как честь и честность, правдивость, справедливость, благородство. Примечательно, что если в первой части оды автор стремится соблюдать классицистические каноны торжественной оды, то во второй преобладают идиллические мотивы, характерные для пасторальной поэзии. В оде появляется образ пастуха, который безмятежно пасет свое стадо «в тучных лугах», не думая о раздорах:

Земля там в части не делится,
Там вся природа веселится...
...Пастух без робости выходит
Со стадом в тучные луга,
Ни в чем он страха не находит,
Ни в ком не зрит себе врага [13, 231].

Образ пастуха в пасторальной поэзии XVIII века сопряжен с образом правителя, который заботится о своем народе – стаде [19, 13]. Для В. И. Майкова важен «покой» в значении не только отсутствия войны, но и отсутствия в сердцах людей злобы, страха, жажды личной славы. Всеобщая любовь и братство – вот залог наступления «золотого века».

Третья часть оды возвращает нас к ужасам войны. И если для М. В. Ломоносова характерен «взгляд сверху», то В. И. Майков как будто находится среди развалин и мертвых тел:

Лежат растерзанные члены,
Там труп, а там с главой рука,
И сквозь разрушенные стены
Течет кровавая река [13, 232].

Автор оды считает, что неблагодарные люди сами, развязывая войну, лишают себя «Золотого века». И причина этого – жажда славы, которая неизбежно приводит к исчезновению любви и дружбы, к процветанию тирании, к разрухе, к тому, что противоречит природе человека.

В противовес образу райского сада на земле В. И. Майков воссоздает картины Ада, который вызывает у читателей чувство ужаса и ощущение конца света. Автор использует образы земли – «**Земля** злодействами полна» [13, 232], «**Земля** под тяжестью стонет» [13, 232], воды «Течет кровавая **река**» [13, 232], воздуха – «Уже подземна изрыгает / На **воздух** преужасный ад, / Претемный облак к небу всходит» [13, 232], которые объединили пространство, страдающее от убийств и боли, как будто Апокалипсис уже наступил. Спасителем от Ада для православного В. И. Майкова, безусловно, был Бог. Именно к Богу как Создателю обращается поэт:

Не с тем ты, боже, создал свет,
Дабы он был исполнен бед [13, 233].

Для масонского братства было важно ежедневно трудиться над своей душой, чтобы шаг за шагом душа приближалась к идеалу – Учителю, и эта мысль о необходимости нравственного самосовершенствования и возрождения утраченного Бога в своей душе звучит в следующих строках оды:

Ты свят, Ты праведен, незлобен,
Ты щедр, Ты царствуешь вовек,
Тебе, во всем Тебе подобен
Быть должен всякий человек [13, 233].

Для автора оды, масона, важно, чтобы каждый человек ежедневно стремился стать лучше, добрее и справедливее. Поэт не хочет и не может мириться с войной, он просит Бога прекратить «неправедные брани» [13, 233] и сделать себя подданным тому, «кто ближе всех к тебе [Богу] душою», – Екатерине [13, 233]. Обращение В. И. Майкова к Богу и императрице вполне закономерно, так как «в основе... концепций, которые развивались в произведениях русских поэтов XVIII в., лежит <...> представление о том, что судьбы мира и тех, кто его населяет, зависят от неких высших, стоящих над человеком сил. Как правило, это Бог Ветхого и Нового Заветов либо... обожествлённые правители страны» [17, 255]. В традициях поэзии XVIII века в оде «Война» образ императрицы идеализирован. Екатерина Великая предстает как наперсница Бога, и именно ей подвластно восстановление мира на земле и прекращение войны. Для поэта важно было наступление «золотого века», в котором бы утвердились идеалы свободы, равенства и братства.

И. Клейн отмечает, что пацифистские настроения поэта были вызваны усталостью от вялого течения затяжной русско-турецкой

войны и не являлись принципиальной позицией поэта, так как в том же 1773 году поэт написал хвалебную оду на очередную победу русского оружия [9, 199]. Но, на наш взгляд, возможна и другая трактовка. По-видимому, данная ода появилась в результате духовной работы поэта-масона по заданию ложи. Известно, что к каждому заседанию братья должны были представить отчет о том, как они трудились над обработкой «камня-души». Так появились многие известные масонские тексты. «Война» не стала исключением и отразила не единоличное мнение автора, а общие для братьев-масонов взгляды, основанные на христианском мировоззрении. С учетом христианской морали становится понятна общая пацифистская направленность оды.

Ода В. И. Майкова «Война» уникальна. Автор трансформировал жанровую специфику торжественной оды, изменил тематическое наполнение и формальный канон оды, использовал прием контраста, противопоставив ужасающему образу кровопролитной войны, ассоциирующейся с Апокалипсисом, картины «золотого века», когда торжествовали идеалы любви, дружбы, всеобщего мира и гармонии. Благодаря ориентации поэта на христианские традиции, близкие русским масонам, дидактическая функция оды не только не исчезла, но и наполнилась дополнительными смыслами, соотнесенными со стремлением масонов нравственно совершенствовать себя и помогать своим братьям, приближать наступление «златого века», который «оказывается не только позади, но и впереди, в посленсторическом будущем, где времени больше не будет, в вечном царстве света и всемирного братства» [20]. Все это позволило оде стать не только одним из лучших произведений поэта, но и ярким образцом антивоенной лирики, открывшей читателям «блестящего» екатерининского века, оглушенным громом победоносной русско-турецкой кампании, мрачную сторону войны, несущей страдания и смерть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аржанухин С. В. Философские взгляды русского масонства: По материалам журнала «Магазин свободнокаменщический». Екатеринбург: УрГУ, 1995. 223 с.
2. Башилов Б. История русского масонства: Московская Русь до проникновения масонов. Москва: Руслло: Община, 1992. Вып. 1, 2. 125 с.
3. Буткевич Т. И. Уроки первой французской революции: (Из переписки друзей). Харьков: тип. Губ. правл., 1907. 180 с.

4. Гильмутдинова Н. А. Логика и теория аргументации: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2006. 111 с.
5. Дорский А. Ю. Ценности публичной сферы: масоны и революция // Общество. Среда. Развитие («TERRA HUMANA»). 2010. № 4. С. 201–205.
6. Западов А. В. Творчество В. И. Майкова // Майков В. И. Избранные произведения. Москва; Ленинград: Советский писатель, 1966. С. 5–52.
7. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. I. Ч. 1. Ленинград: Изд-во «Эго», 1991. Т. I: Ч. I. 222 с.
8. История русской литературы. Т. 4: Литература XVIII века. Ч. 2. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 572 с.
9. Клейн И. Торжествующая Россия: Военная лирика XVIII века [Электронный ресурс] // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 1. С. 174–210. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torzhestvuyuschaya-rossiya-voennaya-lirika-xviii-veka> (дата обращения 10.01.2021).
10. Криденер А. Г. Кто такие были русские масоны и какие цели они преследовали / доктора медицины, барона А. Г. Фон-Криденера. Москва: Общественная польза, 1912. 31 с.
11. Кукулевич А. М. Майков // История русской литературы: В 10 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. С. 201–206.
12. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века [Электронный ресурс]. Учебник для вузов. Москва: Высш. шк.: Изд. центр «Академия», 2003. 415 с. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/lomon.html> (дата обращения 10.01.2021).
13. Майков В. И. Избранные произведения. Москва; Ленинград: Советский писатель, 1966. 509 с.
14. Маслова А. Г. Поэтика времени и пространства в русской поэзии 1760–1780-х годов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 212 с.
15. Мифологический словарь / сост. И. Н. Лосева и др. Ростов-на-Дону: Феникс. 1997. 576 с.
16. Петров А. В. От торжественной оды к историософской поэме (историзация одической топики в «Ермаке» И. И. Дмитриева) [Электронный ресурс] // Вопросы филологии. 2005. № 1. С. 58–67. URL: <https://masu.academia.edu/%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9%D0%BF%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2> (дата обращения 10.01.2021).

17. Петров А. В. Поэты и История: Очерки русской художественной историософии: XVIII век. Магнитогорск: МаГУ, 2010. 268 с.
18. Пыпин А. Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. Петроград: Огни, 1916. VIII, 571с.
19. Саськова Т. В. Пастораль в русской литературе XVIII –первой трети XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. н. Москва, 2000. 42 с.
20. Сахаров В. И. Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2000. № 6. С. 149–164. URL: <https://voplit.ru/article/mif-o-zolotom-veke-v-russkoj-masonskoj-literature-xviii-stoletiya/> (дата обращения 10.01.2021).
21. Стенник Ю. В. Майков Василий Иванович [Электронный ресурс] // Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А. М. Панченко. Вып. 2. (К-П). Санкт-Петербург. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=1004> (дата обращения 10.01.2021).
22. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. С. 227–252.
23. Черныш А. Я., Суровцев А. И. Война [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/1925275 (дата обращения: 10.01.2021).
24. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон. URL: <http://rulex.ru/01130035.htm> (дата обращения: 10.01.2021).

REFERENCES

1. Arzhanuhin S. V. Filosofskie vzglyady` russkogo masonstva: Po materialam zhurnala «Magazin svobodnokamenshchicheskij» [Philosophical views of Russian Freemasonry: Based on the materials of the magazine "Free-Stone Shop"]. Ekaterinburg: UrGU, 1995. 223 p.
2. Bashilov B. Istoriya russkogo masonstva: Moskovskaya Rus` do proniknoveniya masonov [History of Russian Freemasonry: Moscow Rus before the Masonic Invasion]. Moscow: Ruslo: Obshhina, 1992. Vy`p. 1, 2. 125 p.
3. Butkevich T. I. Uroki pervoj francuzskoj revolyucii: (Iz perepiski druzej) [Lessons of the first French Revolution: (From the correspondence of friends)]. Har`kov: tip. Gub. pravl., 1907. 180 p.
4. Gil`mutdinova N. A. Logika i teoriya argumentacii: uchebnoe posobie [Logic and theory of argumentation: a textbook]. Ul`yanovsk: UIGTU, 2006. 111 p.

5. Dorskij A. Yu. Cennosti publichnoj sfery: masony` I revolyuciya [The Values of the Public Sphere: Freemasons and the Revolution] // Obshchestvo. Sreda. Razvitie [Society. Environment. Development] («TERRA HUMANA»). 2010. № 4. Pp. 201–205.
6. Zapadov A. V. Tvorchestvo V. I. Majkova [Creativity of V. I. Maikov] // Majkov V. I. Izbranny`e proizvedeniya [Selected works]. Moscow; Leningrad: Sovetskij pisatel`, 1966. Pp. 5–52.
7. Zen`kovskij V.V. Istoriya russkoj filosofii [History of Russian Philosophy]. Leningrad: Izd-vo «E`go», 1991. T. 1: Ch. 1. 222 p.
8. Istoriya russkoj literatury` [History of Russian Literature]. Vol. 4: Literatura XVIII veka. Ch. 2. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1947. 572 p.
9. Klejn I. Torzhestvuyushhaya Rossiya: Voennaya lirika XVIII veka [Triumphphant Russia: Military lyrics of the XVIII century] // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 1. Pp. 174–210. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torzhestvuyuschaya-rossiya-voennaya-lirika-xviii-veka> (accessed: 10.01.2021).
10. Kridener A. G. Kto takoe by`li russkie masony` i kakie celi oni presledovali [Who were the Russian Freemasons and what goals did they pursue] / doktora mediciny`, barona A. G. Fon-Kridenera. Moscow: Obshhestvennaya pol`za [Public use], 1912. 31 p.
11. Kukulevich A. M. Majkov // Istoriya russkoj literatury`: V 10 t. [History of Russian Literature: In 10 volumes] Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941–1956. T. IV: Literatura XVIII veka. Ch. 2. 1947. Pp. 201–206.
12. Lebedeva O. B. Istoriya russkoj literatury` XVIII veka [History of Russian Literature of the XVIII century] [E`lektronny`j resurs]. Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Vy`ssh. shk.: Izd. centr «Akademiya», 2003. 415 p. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/lomon.html> (accessed: 10.01.2021).
13. Majkov V. I. Izbranny`e proizvedeniya [Selected works]. Moscow; Leningrad: Sovetskij pisatel`, 1966. 509 p.
14. Maslova A. G. Poe`tika vremeni i prostranstva v russkoj poe`zii 1760-1780-x godov [Poetics of Time and Space in Russian Poetry of the 1760s-1780s]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. 212 p.
15. Mifologicheskij slovar` [Mythological dictionary] / sost. I. N. Loseva i dr. Rostov-na-Donu: Feniks. 1997. 576 p.
16. Petrov A. V. Ot torzhestvennoj ody` k istoriosofskoj poe`me (istorizaciya odicheskoy topiki v «Ermake» I. I. Dmitrieva) [From solemn ode to historiosophic poem (historisation of odic topoi in “Ermak” by I. I. Dmitriev)] [E`lektronny`j resurs] // Voprosy` filologii. 2005. № 1. Pp. 58–67. URL: <https://masu.academia.edu/%D0%B0%D0%BB%>

D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9%D0%BF%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2 (accessed: 10.01.2021).

17. Petrov A. V. Poe`ty` i Istoriya: Ocherki russkoj xudozhestvennoj istoriosofii: XVIII vek [Poets and Story: Essays on the Russian artistic philosophy of history: the eighteenth century]. Magnitogorsk: MaGU, 2010. 268 p.

18. Py`pin A. N. Russkoe masonstvo: XVIII i pervaya chetvert` XIX veka [Russian Freemasonry: XVIII and the first quarter of the XIX century]. Petrograd: Ogni [Lights], 1916. VIII. 571 p.

19. Sas`kova T. V. Pastoral` v russkoj literature XVIII –pervoj treti XIX veka [Pastoral in Russian Literature of the XVIII-First Third of the XIX Century] : avtoref. dis. ... d-ra filol. n. Moscow, 2000. 42 p.

20. Saxarov V. I. Mif o zolotom veke v russkoj masonskoj literature XVIII stoletiya [The Myth of the Golden Age in Russian Masonic Literature of the XVIII Century] // Voprosy` literatury` [Questions of literature]. 2000. № 6. Pp. 149–164. URL: <https://voplit.ru/article/mif-o-zolotom-veke-v-russkoj-masonskoj-literature-xviii-stoletiya/> (accessed: 10.01.2021).

21. Stennik Yu. V. Majkov Vasilij Ivanovich // Slovar` russkix pisatelej XVIII veka [Dictionary of Russian writers of the XVIII century] / Otv. red. A. M. Panchenko. Vy`pusk 2. (K-P). Saint-Petersburg. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=1004> (accessed: 10.01.2021).

22. Ty`nyanov Yu. N. Oda kak oratorskij zhanr [Ode as an oratorical genre] // Ty`nyanov Yu. N. Poe`tika. Istoriya literatury`. Kino. [Poetics. History of literature. Movie]. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 227–252.

23. Cherny`sh A. Ya., Surovcev A. I. Vojna [War] // Bol`shaya rossijskaya e`nciklopediya [Great Russian encyclopedia]. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/1925275 (accessed: 10.01.2021).

24. E`nciklopedicheskij slovar` [Encyclopedic Dictionary]. SPb.: Brokgauz-Efron. URL: <http://rulex.ru/01130035.htm> (accessed: 10.01.2021).

V. I. MAIKOV`S PHILOSOPHICAL ODE «WAR»:
MASONIC MOTIVES

Anna G. Maslova

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University, Kirov, Russia
Olesya A. Meteleva

Postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University, Kirov, Russia

Abstract

The article deals with the attitude to the war of V. I. Maikov-Mason on the example of the eponymous ode, which, being a continuation of the moral and poet's philosophical quest, reflected the main ideological postulates of Freemasonry: the desire for equality, fraternity, freedom. The article examines not only the ideal of social, but also family life, which is reflected in the longing of all mankind for a "golden age". In the course of the analysis, the Christian ideology, which in Russia was closely associated with the Masonic one, is considered; the features of the ode genre transformed by the poet are investigated. In the course of the analysis of the poetic text, such methodological tools as the analysis of external relations of the literary text were used: historical-cultural, comparative. During the analysis of external relations, contextual analysis, microanalysis, and the study of critical literature about the work were used. As a result, some images-symbols of the ode are specified, the moral and philosophical motives of the pacifist ode, which influenced the transformation of the genre of solemn ode and battle poetry, are considered. The research results can be widely used: for linguistic and stylistic analysis of the poetic text; special courses and seminars in higher educational institutions and secondary education institutions dedicated to Russian poetry as well.

Keywords: Russian poetry of the XVIII century, Masonic poets, battle ode in classicism, pacifist lyrics, Masonic symbolism

Для цитирования: Маслова А. Г., Метлева О. А. Масонские мотивы в философской оде В. И. Майкова «Война» // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 87–101.

Поступила в редакцию 15.01.2021

РАЗДЕЛ IV. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 82.02, 81'282

ББК 83.3

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_102

Евгений Ефимовский¹
фрилансер, г. Хелм
Eugenius-19@meta.ua

ПРОБЛЕМА ПАНСЛАВИЗМА В ПУБЛИЦИСТИКЕ СЛАВЯНОФИЛОВ

Данная статья носит пропедевтический характер: автор приводит своеобразный компендиум идей, сформировавшихся в публицистике славянофилов с целью дальнейшего анализа их гражданской поэзии (в частности «политических стихотворений» Ф. Тютчева), запланированного в его будущих публикациях.

В статье изложены основные идеи славянофильства, раскрыт исторический контекст, в котором родилось и функционировало течение. Теоретическую основу славянофильской мысли составляли размышления и публикации православного духовенства и немецких философов, таких как Шеллинг, Кант, Гегель и Шопенгауэр. Представлены основные принципы славянофильства: религиозный характер, любовь к русскому народу и антикрепостнический характер; кратко рассмотрены основные доктрины славянофильства, представленные И. Киреевским, А. Хомяковым и К. Аксаковым. Рассмотрена связь идеологии славянофилов с параллельно возникшим движением панславизма.

Панславизм в России вырос из доктрины славянофилов (антитеза России и Европы); его основные активисты (в том числе М. Погодин, Н. Данилевский) требовали, в соответствии с триединой формулой «Православие, самодержавие, народность», придать романовской Империи народный характер, подчинить её внутреннюю политику развитию русских государственных начал в их понимании,

¹ Ефимовский Евгений, доктор богословия, фрилансер, г. Хелм, Польша.

а иностранную – панславизму. Данилевский («Россия и Европа») рекомендовал полную изоляцию от Западной Европы как необходимый противовес ее влиянию на славянский регион и создание Великого Всеславянского союза с Царьградом (Константинополем) под властью России.

В связи с обострением российско-турецких отношений (включая Крымскую войну) расплывчатые концепции приобрели политический характер (лозунги «священной войны» против западных союзников Турции); после Крымской войны панславизм стал официальным и организованным движением (собственные газеты и панславянские общества), поддерживаемым российским правительством. Панславизм достиг апогея во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, затем он ослаб; ненадолго возродился в форме неославизма, под лозунгом сотрудничества славянских народов против Германии. В финале кратко повествуется о дальнейших судьбах панславизма и его национальных вариантах.

Ключевые слова: история идей, общественные движения, славянофильство, польский вопрос, апология Православия, панславизм, мифологема особого пути, историософия империи, неоязычество

Введение

Расположение России между Востоком и Западом считается общепринятым. Ряд историков и политологов полагает, что до сих пор «происходит процесс поиска и выработки культурной идентификации страны, который обусловлен прежде всего столкновением и взаимодействием разных цивилизационных традиций» [12, 301]. В XIX веке начался большой спор на тему культурной принадлежности страны. При Императоре Николае I сформировалось несколько общественно-философских течений. Самыми значимыми являются две группировки: славянофилы и западники, которые представляли разные версии истории и идеи развития Империи.

Россия неохотно и с подозрением отзывалась на новые идеи, касающиеся политической системы государства и формы общественного уклада. В ней не было никакого желания изменить строй, а задача царя состояла в том, чтобы в государстве была стабильность и долговечность существующего порядка.

Различные авторы [5; 18; 30] уверяют нас, что одним из самых значимых течений XIX века является славянофильство, так сильно повлиявшее на русский менталитет, что до сих пор мы можем

проследить его воздействие на политику Российской Федерации, которая неохотно относится к новым концепциям, предпочитая обращаться к проверенным идеям. Такой идеей, по мнению различных политологов, является сегодня славянофильство, которое вместе с евразийством составляют нынешнюю доктрину внутренней и внешней политики Российской Федерации в третьем тысячелетии.

Славянофилы не представляли собой прямую оппозицию власти. Они мечтали о допетровской Руси с сильной позицией Царя и большим значением Православия, подчеркивали необходимость обратить внимание на народность, которая является неотъемлемой частью самосознания нации. Эта группа выступала против европеизации страны и трансформации русской национально-религиозной идентичности. С этим направлением мысли связаны были также писатели, поэты и публицисты, в творчестве которых нашли отражение взгляды славянофилов, в частности Ф. Тютчев [13]. Они выполняли важную функцию – передавали основы новой идеологической системы более широкой аудитории.

В российской истории можно заметить сильную связь политики и литературы. В последние годы эта связь снова оказывается в фокусе исследовательского внимания. Сегодня власть также требует подтверждения правоты своих действий от литературы. Тютчев для русских является авторитетом, призывающим к возвращению к корням и уверенным в особом пути России, а это как раз совпадает с текущей политикой страны. Общественная и философская мысль России XIX века является широкой сферой для научного исследования. При этом необходимо подчеркнуть, что одним из важнейших течений этого времени считается славянофильство. Чтобы получить некоторое предварительное понимание этого явления, надо рассмотреть его генезис.

Философская мысль славянофилов сформировалась на основе национальной традиции Древней и средневековой Руси. Огромную роль при возникновении славянофильства сыграла богословская концепция псковского старца Филофея – «Москва – Третий Рим», созданная в постордынской Руси, проникнутая духом национальной исключительности, ещё XV в.: «Первый Рим пал из-за ереси, второй Рим – Константинополь – в результате предательства истинной веры, третий Рим – это Москва, а четвертого не будет». Эта мысль связана с идеей о великом предназначении России, которая позже находит отражение в славянофильской концепции.

Многие исследователи полагают, что идеология славянофилов родилась в XIX веке. Но возникла она, как мы считаем, не на пустом месте. Корни её – в той эпохе, которую Анна Ахматова назвала «всех Иванов злобы», то есть в XIV–XV столетиях. Но только методологической базой славянофилов послужили труды восточных мыслителей церкви и немецкая философия, прежде всего Шеллинг, Кант, Гегель и Шопенгауэр [19].

Многие идеологи первой половины XIX века обучались в Германии и слушали лекции вышеупомянутых мыслителей, поэтому они были хорошо знакомы с немецкой философией, которую потом использовали при создании своей собственной концепции.

Славянофильская школа изначально связана с творчеством таких русских писателей, как И. Киреевский, А. Хомяков или К. Аксаков. В окончательном виде идея оформилась в 1836 году сразу после публикации первого «Философического письма» Петра Чаадаева в журнале «Телескоп». Таким образом, славянофильство зарождается как оппозиция к возникающему в то же время западничеству. Текст письма, как известно, представлял собою резкую критику политической ситуации, угнетения и цензуры в николаевской России. Процесс рождения славянофильской идеи происходил в николаевской России на основе известной «триединой формулы» графа Уварова. Триада «православие, самодержавие, народность» стала государственной идеологией преуспевающей тогда Империи.

Сторонний наблюдатель может сказать, что эти идеи похожи друг на друга, поэтому власть должна хорошо относиться к славянофилам, но это оказывается ошибочным предположением. Хотя эта школа провозглашала священный и неоспоримый примат царской власти, император подозрительно смотрел на неё. Призыв к возвращению к народности напоминал Николаю I о событиях, которые произошли в декабре 1825 года. Он боялся также подчеркивания его частично немецкого происхождения, это мнение подтверждают слова М. Бакунина, который считал, что царь не в состоянии понять требований русского народа из-за своего нерусского происхождения. Николай I иерархически понимал триаду Уварова, он считал, что самодержавие имеет преимущество над православием и народностью, которые были ему подчинены.

Таким образом, славянофильство вступило на опасный путь рассуждений, пытаясь обосновать власть императора, опасно сближаясь с критикой и даже ересью.

Как можно было ожидать, другие положения группы также показались ему подозрительными: он не принимал критику

петербургского периода, как не принимал и прославление Московской Руси, рассматривая их как неодобрение современной России.

Итак, императору не импонировало их увлечение допетровской Русью, и по одной из версий о происхождении выражения, именно ему приписывается выражение «квасной патриотизм», экспромтом сказанный августейшими устами после прочтения одного из славянофильских журналов.

Славянофилы считали, что истоки власти на Руси связаны с созданием нации. Это явилось отрицанием священной роли царя и относилось к теории общественного договора. Безусловно верно, что группа приняла триединую формулу Уварова, но верно и то, что она вступила на опасный путь ее анализа. Здесь нам необходимо сказать несколько отдельных слов относительно самого названия, то есть термина *славянофильство*, который, как ни странно, первоначально был только прозвищем, данным активистами оппозиции – западниками. Его цель состояла в том, чтобы высмеять славянский партикуляризм. Но с течением времени из-за всё расширявшейся возможности позитивной интерпретации, название было принято средой.

Сегодня доминирующим и общепринятым стало использование слова «*славянофильство*» в исторически узком смысле, как название конкретной группы мыслителей, чьи взгляды, сформированные в конце тридцатых годов XIX века, оказались глубоко продуманным философским и историческим опровержением русского западничества.

По мнению философа-эмигранта Н. А. Бердяева, «славянофильство – первая попытка <...> самосознания, первая самостоятельная <...> идеология» [2, 6]. По его словам, славянофилы были группой людей, думающих о том, что такое Россия, в чем её сущность, её призвание и место в мире.

Один из основателей «московской партии» славянофилов, очень неуютно чувствовавших себя в Северной Пальмире, под ироничным взглядом на них императора Николая I, А. С. Хомяков говорил, что её основные общественно-политические воззрения далеки от консерватизма из-за его односторонности, а также от революционности из-за её аморальной и запальчивой уверенности в себе. Мысль славянофилов характеризуется религиозной тематикой. Они утверждали, что религиозный опыт – это суть духовной жизни русского народа. Они имели в виду «восточное православие, претворенное в русской душе» [2, 4]. Однако славянофилы не говорили о византийском православии, но, следуя романтическому культу народности, возведали об особом национальном типе веры.

Русское православие, по словам Бердяева, характеризовали «своеобразный органический демократизм, и жажда соборности, преобладание единства любви над единством авторитета, нелюбовь к государственности, к формализму, к внешним гарантиям, преобладание внутренней свободы над внешним оформлением, патриархальное народничество и т. п.» [2, 4].

Самым важным термином, использованным славянофилами, была «*соборность*». Ввел это понятие один из главных представителей направления – А. С. Хомяков. Он определял *соборность* как духовное сообщество народа, а также целостность Церкви, которая контрастирует с индивидуализмом протестантов и единством католиков. Хомяков писал: «Церковь называется единою, святою, соборною (кафолическою и Вселенскою) и апостольскою; потому что она едина и свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности; потому что ею святятся всё человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или одна страна; потому что сущность её состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех её членов, по всей земле признающих её; потому, наконец, что в Писании и учении апостольском содержится вся полнота её веры, её упований и ее любви» [16, 13].

Основой русского народа, по мнению славянофилов, является верность «единственной правильной вере» – Православию. Россия была избрана, чтобы хранить наследие всех Вселенских Соборов. Вера, принесенная на Русь из Византии, её чистейшего источника, должна быть защищена от загрязнения, будто бы поступающего с Запада, потому что только она может передать сверхъестественную истину своим верующим. Россия должна готовиться к тому, что западный мир, стоящий на грани распада, будет вынужден искать убежища в православии, хранимом русским народом.

Представители славянофильства считали, что русский народ – это *spiritus movens* истории. Они характеризовали его как абстрактное множество особенностей, самыми важными из которых были православие и общественность. По мнению славянофилов, для Руси с самого начала было характерно взаимное доверие между правителем и его подданными (эпоху Грозного видимо, они «благочестиво» забыли). Взаимная любовь и доверие стали выше всяких гарантий и систем. Славянофилы считали, что до сих пор эти признаки являются чертами российского государства.

Славянофилы верили в народ и представляли его как гарантию величия Империи. Однако они выражали свое резкое осуждение крепостного права в России. По мнению Хомякова, высказанному

им в кружке еще в 1839 г., «крепостное право – это наглос нарушение всех прав <...>. Никто из нас, – писал он, – не может вспомнить без горя о том, что закон согласился принять на себя ответственность за мерзость рабства, введенного уже обычаем» [10, 179]. Призыв к отмене крепостного права был одним из важнейших постулатов славянофилов.

Пафос общественно-социальных взглядов славянофилов заключался в защите ценностей, лежащих в основе России до Петра I, а также в осуждении предательства этих идеалов страной, переориентировавшейся на западное миропонимание. «Славянофилы идеализировали допетровскую Русь и мечтали о возврате на ее путь» [4]. Консервативно-реакционная позиция славянофилов была вызвана поведением аристократии, которая переняла европейский образ жизни, забывая о своих корнях. Консервативные круги стали оппозицией по отношению к некритическому подражанию западному стилю жизни. Свою задачу славянофилы видели в сопротивлении секуляризации страны, в заботе о восстановлении сплоченности веры, а также в достижении единства народа и Церкви.

Для формирования славянофильской философии решающее значение имели взгляды И. В. Киреевского и А. С. Хомякова. Именно они заложили наиболее важные теоретические основы этого направления. Здесь мы должны сказать несколько слов относительно их концепций. Мирозозрение И. Киреевского начинает формироваться еще в детстве. Повлиял на него контакт с Василием Жуковском, а также интерес отчима Киреевского к немецкой философии. После получения образования он вступил в литературно-философский кружок «Общество любомудрия» и продолжил изучать работы немецких мастеров философии. С конца 20-х годов XIX века И. Киреевский занимался литературной критикой, а в 1832 году начал выпускать журнал «Европеец». На его страницах публиковались В. Жуковский, Е. Баратынский, Н. Языков, А. Хомяков и сам Киреевский. Однако третий номер журнала не был выпущен. Решение о закрытии принял Император Николай I, поводом для запрещения журнала послужила статья «Девятнадцатый век», написанная издателем «Европейца». Автора обвинили в разжигании желания демократизации государства. Ликвидация журнала получила широкое освещение в литературной среде, вызвала возмущение и протест. Однако это не привело к какому-либо эффекту, Киреевскому было запрещено в дальнейшем публиковаться.

В статье «Девятнадцатый век» Киреевский представляет процесс развития европейского мира. Его анализ показывает,

что Россия отличается от Западной Европы отсутствием влияния Древнего мира. Последствием этого является то, что вера в России могла быть ещё чище и светлее. Тем временем в Европе Просвещение является не фрагментом, а продолжением интеллектуальной жизни человечества. В статье ставится также вопрос о будущем России и пути её развития: выбрать ли свою собственную дорогу или идти по европейскому пути. В этой статье можно увидеть явно прозападную ориентацию Киреевского, который поддерживает реформы Петра I выступает против тех, кто хочет вернуть Россию в старину [7, 133].

Эволюция взглядов Киреевского была вызвана религиозностью его жены и контактами с православным духовенством. Результатом размышлений публициста стала статья «В ответ А. С. Хомякову», написанная в 1839 году в связи со статьей «О старом и новом» Хомякова. Оба текста стали своего рода первыми программами славянофильства.

Киреевский в своей работе опять ставит вопрос о будущем России, однако через несколько лет он рассуждает об этом вопросе уже иначе. Отсутствие влияния античности теперь не кажется ему минусом, он видит в этом преимущество. Благодаря античному миру неотъемлемой частью Запада (в том числе также католичества и протестантизма) стал рационализм, который является «торжеством формального разума человека над всем, что внутри и вне его находится...» [7, 152]. В отличие от Европы, в России существует философия христианства, которая одна может дать надлежащую основу для всех наук. Киреевский в своей статье «В ответ А. С. Хомякову» представляет другой взгляд на реформы Петра I. Он не указывает уже на царя как на благодетеля страны, но как на разрушителя того, что русское, чтобы всё это заменить на европейское. Идеологическая программа славянофилов не предполагала воскрешения старых форм русской действительности, по их мнению, это могло бы только навредить родине. Целью было сохранить то, что осталось, в надежде на то, что «Россия когда-то вернется к духу, который освещает ее Церковь» [7, 153]. Центром философских интересов Киреевского была решенная ещё в схоластике (особенно в традиции святого Фомы Аквинского) проблема соотношения разума и веры. В статье, написанной в 1839 году, автор критикует рационализм, который, по его мнению, имеет свои истоки в классическом и языческом мире.

Он обвиняет богословие томизма и римскую католическую традицию в целом якобы в привнесении деструктивного элемента

рационализма в христианское богословие, следствием чего было подчинение себе Римского католицизма, что якобы привело к зарождению протестантизма. Киреевский считал, что до сих пор в западной философии доминирует рационалистическое мышление, которое якобы несовместимо с учением веры. Но при этом Киреевский не отделяет веру от разума. По его мнению, противопоставление этих двух элементов является ошибочным. Он вводит понятие «верующее мышление»; в одной из статей он писал: «...восстанавливается существенная личность человека в ее первозданной неделимости главный характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум, и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство, и таким образом» [8, 335].

Киреевский считает, что гармоничное сознание верующего разума соответствует основным принципам древнерусской цивилизации, которая принимала свое происхождение от учения византийских отцов Церкви. Автор решительно противопоставляет т. н. Святую Русь и Запад. Он идеализировал Древнюю Русь, но был далек от разговоров о превосходстве русского разума. Его целью было выделить чистые христианские принципы, лежащие в основе жизни русского народа

Основоположником славянофильства является также А. С. Хомяков – философ, богослов, социолог, экономист, врач и одновременно поэт и художник. Он родился в Москве в знатной семье, а его мать растила сына в духе верности православной вере и национальным традициям. Хомяков получил хорошее образование и сразу после окончания Московского университета начал военную службу. Вскоре он подал в отставку и уехал за границу, чтобы заниматься художественной деятельностью: живописью и литературой. В 1828–1829 годах Хомяков участвовал в русско-турецкой войне, после окончания которой вышел в отставку. Поэт занялся хозяйством и провел спокойную жизнь в своем имении. Хомяков до конца жизни был увлечен немецкой философией, особенно Шеллингом. Это могло вызвать его склонность к диалектике, которую заметил и подчеркивал Герцен в «Былом и думах».

С юности Хомяков увлекался историей России. К этой теме относились его поэма «Вадим», драмы «Ермак» и «Дмитрий Самозванец». Однако в отличие от Киреевского, он не идеализировал

Русь. Он порицал «илотизм крестьян до Петра» и современную «мерзость рабства законного», тяжелую «для нас во всех смыслах, вещественном и нравственном», по его мнению, современная ему Россия «нас и радует, и теснит; об ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже с своими» [15, 461]. По мнению Хомякова, «лучшие инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться» [15, 462]. По его словам, основой Российского государства были «единство веры и жизнь церковная»: «Без влияния, без живительной силы христианства не восстала бы земля русская» [15, 462]. Автор считал, что западная церковь «обратилась к рационализму, утратила чистоту, заключила в себе ядовитое начало будущего падения, но овладела грубым человечеством, развила его силы вещественные и умственные и создала мир прекрасный, соблазнительный, но обреченный на гибель, мир католицизма и реформаторства» [15, 463].

Хомяков писал также: «Западным людям приходится все прежнее отстранять, как дурное, и все хорошее в себе создавать; нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее» [15, 463]. Хомяков выступает против рационализма, соответствующего образу мышления западного мира. Как и Киреевский, он не противопоставляет веру разуму. Она сама должна быть разумной, потому что вера – это «внутреннее знание». Хомяков вводит в русскую религиозную философию понятие «соборность». Оно «выражает идею собрания, не понятие «соборность обязательно соединенного в каком-либо месте, но существующего потенциально без внешнего соединения. Это единство во множестве» [14, 242].

Соборность в философской концепции Хомякова имеет религиозный смысл, который выявляется в Православии. Истинная Церковь (в понимании Хомякова только Православная) составляется из «христианского единства», и «христианской свободы», а «единство её есть не иное что, как согласие личных свобод», потому что «никто один не спасается. Спасаящийся же спасается в Церкви как член ее и в единстве со всеми другими ее членами» [14, 19]. Черты соборности автор видит также в жизни русского народа: общине и артели или объединении рабочих по профессиям.

По мнению славянофилов, западная коррупция, начиная с Петровских времен, проникает в славянские земли, подвергая опасности сами основы их идентичности. Наибольшая устойчивость

к токсинам с Запада проявляется в России – стране, где славянская культура достигла своего пика. Россия как самая могущественная из славянских стран, согласно их воззрениям, также должна взять на себя лидерство в борьбе за сохранение собственной обособленности. Правильным выбором будет объединение всего славянского мира в единую империю под властью России. Вернувшись к своим корням и избавившись от западного влияния, все славяне сольются в один народ, подчиненный одному центру политической власти.

Славянофильство было политической и социальной философией, направленной на защиту от западного релятивистского индивидуализма, против либерализма и атомистического восприятия реальности, божественного порядка трансцендентного происхождения, реализованного в древних институтах и органических сообществах, скрепляемых литургией, ритуалами и священными символами

Хомяков полагал, что соборность якобы противостоит индивидуализму Запада и в будущем позволит построить справедливое государство. Он не отрицал достижений Запада, но верил в необходимость особого пути развития России, которая уже отличается «собственной духовностью». Заметим, что набор концептов за прошедшие почти 200 лет мало поменялся в политическом дискурсе России. Основатель славянофильства считал, что стране приходится учиться у западных государств, но нельзя им подражать. Концепция имела религиозный смысл, который выявляется в православии, а также общественный, выражающийся в жизни русского народа. Хотя, с точки зрения современной социальной (как религиозной, так и светской) философии, доктрины о соборности не выдерживают критики, это очередной глубокий порез о бритву Оккама, сопровождающийся изрядным истечением методологической крови. Более того в настоящее время она трансформировалась в апологию коммуналки, ущербного советского коллективизма и принижения человеческого и христианского достоинства личности. Хомяков, надо отдать ему должное, не идеализировал Россию, но верил в её великое призвание.

В данном контексте рассмотрим актуальную для всех русских славянофилов проблему панславизма. Термин панславизм, впервые был употреблен в Чехии писателем Яном Геркелем (J. Herkel) в 1826 году для обозначения идеи культурного и языкового единства славянских народов, впоследствии приобрел неоднозначное значение. Идеи объединения славян, свободных и равных, в (кон)федерацию

наций, ярко проявились в различных славянских странах с демократическими и либеральными взглядами.

В период становления государственности, то есть в середине XIX века, все большее значение приобретали мысли об общем происхождении. В сознании того времени понятие «нация» ассоциировалось с одним общим ядром и являлось опорой создания новой политической единицы – государства. Сильнейшим центром панславизма в то время была Чехия, которая в начале XIX века хотела объединить славянские народы под одним флагом. Таким образом, должна была быть создана федерация, состоящая из различных славянских групп, – своего рода Славянский союз [11].

В основе лежали ссылки на общие культурные традиции и единство языка. В то время был создан Всеславянский флаг, сочетающий в себе цвета всех славянских флагов, в результате чего он синий, белый и красный. В 1848 году на Всеславянском съезде в Праге был утвержден всеславянский гимн «Эй, славяне», который позже (1939–1945) стал государственным гимном Словакии. Идея панславизма была очень близка России, которая в XIX веке строила свою мощь, помогая меньшим славянским народам, у которых не было своей государственности. Панславизм очень часто выступал как антитеза пангерманизму.

Демократические ветви Великой польской эмиграции выдвинули программу федерации славянских народов [3], но без участия в ней России, этим отличалась польская версия от русской. Обе нации взаимно исключали друг друга из потенциального всеславянского союза. Эту идею развил послевоенный эмиграционный лагерь («Независимость»); в 1860-е гг. Я. Токаржевич («Коммуна») высказывался за объединение славянских народов, в том числе России.

Панславизм в России вырос из доктрины славянофилов (антитеза России и Европы); его основные активисты (в том числе М. Погодин, Н. Данилевский) требовали, в соответствии с триединой формулой «Православие, самодержавие, народность», придать романовской Империи народный характер, подчинить её внутреннюю политику развитию русских государственных начал в их понимании, а иностранную – к панславизму. Данилевский («Россия и Европа») рекомендовал полную изоляцию от Западной Европы как необходимый противовес ее влиянию на славянский регион и создание Великого Всеславянского союза с Царьградом (Константинополем) под властью России.

В связи с обострением российско-турецких отношений (включая Крымскую войну) расплывчатые концепции приобрели политический характер (лозунги «священной войны» против западных союзников Турции); после Крымской войны панславизм стал официальным и организованным движением (собственные газеты и панславянские общества), поддерживаемым российским правительством. Панславизм достиг апогея во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, затем он ослаб; ненадолго возродился в форме неославизма, под лозунгом сотрудничества славянских народов против Германии [1].

Термины «славянофильство» и «панславизм» часто используются как синонимы – и это ошибка. Панславизм возник в результате крушения русского реакционизма, которым было славянофильство, путем его вульгаризации, поверхностного обесценивания содержащихся в нем мыслей. Простым образом он противопоставил славянский мир, с одной стороны, морально и культурно здоровый, а с другой – прогнивший мир Запада, погружающийся во все более глубокий упадок.

Таким образом, панславизм в его русской версии был лишь внешней идеологической формулой русского экспансионизма, выросшего из общенационального унижения после Крымской войны. Кстати, в нем с самого начала было явное антипольское начало. Русские панслависты относились к полякам как к пятой колонне среди славян – как к предателям, продающим Риму веру: они отвернулись от славянской культуры в пользу западных нравов и от истинного (восточного) христианства в пользу «папства». Начало январского восстания 1963 года послужило для них идеальным подтверждением обвинений в адрес Польши и побудило их выдвинуть более или менее изощренные оправдания решения Петербургом польского вопроса [21].

Панславизм в современной Польше проявляется прежде всего в форме неоязыческих движений, которые пытаются возродить старые верования, ритуалы и культуру первых славян. Судя по письменным и этнографическим источникам, в настоящее время в Польше развиваются славянофильство и панславизм, часто в противовес христианской идеологии, навязанной другой культурой. Нынешние «нео-славяне» настаивают на коренном происхождении славян. Они считают правильной автохтонную концепцию происхождения славян в Польше, в отличие от аллохтонной концепции, согласно которой славяне пришли на территорию современной Польши с юго-востока. «Нео-славянские» движения отсылают к тому, как панславизм выглядел в романтизме, а романтизм искал то, что было народным –

как в одежде, так и в письменных и устных традициях. Костюмы, которые группы реконструкции используют в настоящее время, основаны на этнографических записях XVIII–XIX веков. Верования, к которым относятся эти группы, представляют собой смесь различных малодостоверных исторических легенд и народных знаний.

Некоторые польские правые круги любят часто использовать термин «славянский». Как правило, это те же группы, которым нравится употреблять прилагательное «национальный». Нет ничего плохого в том, чтобы ссылаться на славянский язык. Напротив, это понятный и здоровый рефлекс в эпоху, когда значительная часть наших соотечественников некритично и с неоправданным комплексом неполноценности взирает на Запад, а формирующие общественное мнение круги и институты настойчиво пропагандируют космополитизм и т. н. мультикультурализм. В не такой уж старой истории, в том числе в Польше, славянские тенденции выкристаллизовались в неоязыческую идею. И это происходит открыто; если идея обожествления (сакрализации в псевдохристианском духе) национального начала у славянофилов (публицистов и поэтов) носила, по верному наблюдению одного из исследователей, скорее имплицитный характер [9], то у современных польских правых она явно эксплицируется.

Примечательно, что, несмотря на все различия, отделяющие его от России, Советский Союз также пытался использовать панславизм в своих целях. Этому служил аппарат пропаганды в виде так называемого Всеславянского комитета, созданного после Второй мировой войны. Как и любая политическая доктрина, панславизм имел свои сильные и слабые стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдин В. А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общ. ред. А. А. Ширинянца. Москва: Аквилон, 2018. 376 с.
2. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. Москва: Путь, 1912. 250 с.
3. Григорьева А. А. Польский вопрос в теориях российских и польских панславистов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 1. С. 249–253.
4. Жигунова Г. В. Общественный идеал России в философских воззрениях славянофилов. URL: [Электронный ресурс]: <http://www.dissercat.com/content/obshchestvennyi-ideal-rossii-v-filosofskikh-vozzreniyakh-slavyanofilov#ixzz4es2xwx2B> (дата обращения: 12.01.2021).

5 Захаров Э. Б. Ф. И. Тютчев и Ю. Ф. Самарин: жизненные и творческие взаимосвязи: автореф. дис.: канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2000. 24 с.

6. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. Санкт-Петербург: Общ-во памяти игуменни Таисии, 2006. 112 с

7. Киреевский И. В. Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. Москва: Искусство, 1979. 439 с.

8. Киреевский И. В. О верующем разуме // Киреевский И. В., Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. Москва: А. И. Кошелев, 1861. С. 335–339.

9. Никольский Е.В. Сакрализация национального начала в творчестве русских поэтов консервативного направления // Libri Magistri. 2019. № 1 (7). С. 33–61.

10. Уланов В. Я. Славянофилы // Великая реформа: 1861 – 19 февраля. 1911: Сб. ст.: А. И. Яковлева, В. И. Семевского, В. Я. Уланова, В. Е. Чехихина-Ветринского. Москва: Образование, 1911. 192 с.

11. Французова О. А. Панславизм и идеи славянской интеграции в представлениях чешских радикалов I пол. XIX века // Общество и цивилизация: Тенденции и перспективы развития в XXI веке / сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (29 января 2015 г. Воронеж). Воронеж, 2015. Т. 1. С. 11–17.

12. Хачатурян В. М. Истоки и рождение евразийской идеи // Искусство и цивилизационная идентичность / [отв. ред. Н. А. Хренов]. Москва: Наука, 2007. 603 с.

13. Хевролина В. М. Внешнеполитические сюжеты в поэзии Ф. И. Тютчева // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 216–225.

14. Хомяков А.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва: Московский философский фонд: Медиум, 1994. 476 с.

15. Хомяков А.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва: Московский философский фонд: Медиум, 1994. 589 с.

16. Хомяков А. С. Церковь одна. Берлин 1867.

17. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений // Хомяков А. С. Письма. Т. 8. Москва: Унив. тип., 1900. 420 с.

18. Холодный В. И. А. С. Хомяков и современность: зарождение и перспективы соборной феноменологии. Москва: Акад. проект, 2004. 526 с.

19. Чистякова Т. Л. Влияние немецкой философии на формирование концепции личности славянофилов в начале XIX века: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Мурманск, 2002. 22 с.

20. Шапошников Л. Е. А. С. Хомяков: человек и мыслитель / Л. Е. Шапошников; М-во образования Рос. Федерации, Нижегород. гос. пед. ун-т. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2004. 178 с.

21. Eberhardt P. Rosyjski panslawizm jako idea geopolityczna, [электронный ресурс]. URL: <http://geopolityka.net/rosyjski-panslawizm-jako-idea-geopolityczna> (дата обращения: 16.01.2021).

REFERENCES

1. Boldin V. A. Panslavistskie politicheskie koncepcii: genezis i jevoljucija [Pan-Slavic Political Concepts: Genesis and Evolution] / Pod obshh. red. A. A. Shirinjanca. Moscow: Akvilon, 2018. 376 p.

2. Berdjaev N. A. Aleksej Stepanovich Homjakov [Aleksej Stepanovich Homjakov]. Moscow: Put', 1912. 250 p.

3. Grigor'eva A. A. Pol'skij vopros v teorijah rossijskih i pol'skih panslavistov [The Polish Question in the Theories of Russian and Polish Panslavists] // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta [Proceedings of Irkutsk State Technical University]. 2011. № 1. P. 249–253.

4. Zhigunova G. V. Obshhestvennyj ideal Rossii v filosofskih vozzrenijah slavjanofilov [The social ideal of Russia in the philosophical views of the Slavophiles]. URL: [Jelektronnyj resurs] :<http://www.dissercat.com/content/obshchestvennyi-ideal-rossii-v-filosofskikhvozzreniyakh-slavyanofilov#ixzz4es2xwx2B> (data obrashhenija: 12.01.2021).

5. Zaharov Je. B. F. I. Tjutchev i Ju. F. Samarin: zhiznennye i tvorcheskie vzaimosvjazi [Samarin: Life and Creative Interrelationships]: avtoref. dis.: kand. filol. nauk: 10.01.01. Moscow, 2000. 24 p.

6. Kireevskij I. V. O haraktere prosveshhenija Evropy i o ego otnoshenii k prosveshheniju Rossii [On the nature of enlightenment in Europe and its relation to the enlightenment of Russia]. Sankt-Peterburg: Ob-vo pamjati igumenii Taisii, 2006. 112 p.

7. Kireevskij I. V. Kritika i jestetika [Criticism and Aesthetics] / Sost., vstup. stat'ja i primech. Ju. V. Manna. Moscow: Iskusstvo, 1979. 439 p.

8. Kireevskij I. V. O verujushhem razume [On the Believing Mind] // Kireevskij I. V., Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]: v 2 t. T. 2. Mosow: A. I. Koshelev, 1861. P. 335–339.

9. Nikol'skij E.V. Sakralizacija nacional'nogo nachala v tvorčestve russkih pojetov konservativnogo napravlenija [The Evolution of the Artistic Canon in Hagiography of the Martyrs (on the Example of the Life of New Martyr Alexander Nikolsky)] // Libri Magistri. 2019. № 1 (7). P. 33–61.

10. Ulanov V. Ja. Slavjanofily // Velikaja reforma: 1861 – 19 fevralja. 1911: Sb. st.: A. I. Jakovleva, V. I. Semevskogo, V. Ja. Ulanova, V. E. Cheshihina-Vetrinskogo. Moscow: Obrazovanie, 1911. 192 p.

11. Francuzova O. A. Panslavizm i idei slavjanskoj integracii v predstavlenijah cheshskih radikalov 1 pol. XIX veka // Obshhestvo i civilizacija: Tendencii i perspektivy razvitiya v XXI veke / sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (29 janvarja 2015 g. Voronezh). Voronezh, 2015. T. 1. P. 11–17.

12. Hachaturjan V. M. Istoki i rozhdenie evrazijskoj idei [The Origins and Birth of the Eurasian Idea] // Iskusstvo i civilizacionnaja identichnost' / [otv. red. N. A. Hrenov]. Moscow: Nauka, 2007. 603 p.

13. Hevrolina V. M. Vneshnepoliticheskie szuzhety v poezzii F. I. Tjutcheva [Foreign policy themes in the poetry of F. I. Tyutchev] // Novaja i novejschaja istorija [New and Contemporary History]. 2004. № 3. P. 216–225.

14. Homjakov A.S. Sochinenija [Works]: v 2 t. T. 2. Moscow: Moskovskij filosofskij fond: Medium, 1994. 476 p.

15. Homjakov A.S. Sochinenija [Works]: v 2 t. T. 1. Moscow: Moskovskij filosofskij fond: Medium, 1994. 589 p.

16. Homjakov A. S. Cerkov' odna [Church Alone]. Berlin 1867.

17. Homjakov A. S. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works] // Homjakov A. S. Pis'ma. T. 8. Moscow: Univ. tip., 1900. 420 p.

18. Holodnyj V. I. A. S. Homjakov i sovremennost': zarozhdenie i perspektivy sobornoj fenomenologii [Khomyakov and Modernity: Origins and Perspectives of Cathedral Phenomenology]. Moscow: Akad. proekt, 2004. 526 p.

19. Chistjakova T. L. Vlijanie nemeckoj filosofii na formirovanie koncepcii lichnosti slavjanofilov v nachale XIX veka [The influence of German philosophy on the formation of the concept of personality by the Slavophiles in the early nineteenth century]: avtoref. diss. kand. filos. nauk: 09.00.03. Murmansk, 2002. 22 p.

20. Shaposhnikov L. E. A. S. Homjakov: chelovek i myslitel' [A. Khomyakov: Man and Thinker] / L. E. Shaposhnikov; M-vo obrazovanija Ros. Federacii, Nizhegor. gos. ped. un-t. N. Novgorod: Izd-vo NGPU, 2004. 178 p.

21. Eberhardt P. Rosyjski panslawizm jako idea geopolityczna [jelektronnyj resurs]. URL: <http://geopolityka.net/rosyjski-panslawizm-jako-idea-geopolityczna> (data obrashhenija: 16.01.2021).

(D.D., Doctor of Divinity), freelancer, Helm, Poland

This article is propaedeutic in nature: the author presents a kind of compendium of ideas formed in the publicism of the Slavophiles with the aim of further analysis of their civil poetry, planned in his future publications.

The article focuses on the main ideas of Slavophilism, reveals the historical context in which the movement was born and functioned. The theoretical basis of Slavophil Thought was the reflections and publications of Orthodox clergy and German philosophers such as Schelling, Kant, Hegel and Schopenhauer. The main principles of Slavophilism are considered: religious character, love for the Russian people and anti-serfdom character; the main doctrines of Slavophilism, presented by I. Kireevsky, A. Khomyakov and K. Aksakov, are briefly considered. The connection between the ideology of the Slavophiles and the parallel movement of pan-Slavism is viewed.

The doctrine of the Slavophiles (the antithesis of Russia and Europe) was the basis for Pan-Slavism in Russia; its main activists (including M. Pogodin, N. Danilevsky) demanded, in accordance with the triune formula "Orthodoxy, autocracy, nationality", to give the Romanov Empire a popular character, to subordinate its internal policy to the development of Russian state principles in their understanding, and foreign policy to pan-Slavism. Danilevsky ("Russia and Europe") recommended the complete isolation from Western Europe as a necessary counterweight to its influence on the Slavic region and the creation of a Great All-Slavic Union with Constantinople (Constantinople) under Russian rule.

Due to the exacerbation of Russian-Turkish relations (including the Crimean War), vague concepts became political (slogans of "holy war" against Turkey's Western allies); after the Crimean War, pan-Slavism became an official and organized movement (its own newspapers and Pan-Slavic societies), supported by the Russian government. Pan-Slavism reached its crescendo during the Russian-Turkish war of 1877–1878, and then it weakened. It revived for a short time in the form of neo-Slavism, under the slogan of cooperation of the Slavic peoples against Germany. At the end, a brief account of the further fate of pan-Slavism and its national variant is given.

Keywords: history of ideas, social movements, Slavophilism, the Polish question, apologia of Orthodoxy, pan-Slavism, mythologeme of the special way, historiosophy of the empire, neo-Paganism

Для цитирования: Ефимовский Е. Проблема панславизма в публицистике славянофилов // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 102–119.

Поступила в редакцию 27.01.2021

РАЗДЕЛ V. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_120

А. В. Петров¹
*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru*

«ДЕРЖАВИНСКИЙ МИФ» И ОБРАЗ БОГИНИ ФОРТУНЫ В БИОГРАФИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛЕ-ФАНТАСМАГОРИИ «В МОСКВЕ НА МАСЛЕННОЙ» П. Г. АНТОКОЛЬСКОГО²

В статье анализируется постромантическая новелла советского писателя П. Г. Антокольского об одном из эпизодов жизни Г. Р. Державина и о создании им оды-сатиры «На Счастье». «Биографический миф» о поэте Антокольский, согласно гипотезе автора статьи, строит, во-первых, на отталкивании от концепции В. Ф. Ходасевича в его книге «Державин»; во-вторых, опираясь на поэтику жанра романтической фантастической новеллы; в-третьих, суммируя свой многолетний опыт художественного и научного постижения Истории, ее законов, а также событий и личностей русского и европейского XVIII века. Своего рода символом этой эпохи становится в произведении богиня счастья латинской мифологии – Фортуна. В фантастическом сюжете новеллы она «соблазняет» Державина, явившись ему в облике прелестной цыганки, совершает с ним путешествие по миру и приводит в революционный Париж 1789 г., в дом французского драматурга Бомарше, где Державин вступает в конфронтацию с Емельяном Пугачевым. Три этих знаковых для XVIII столетия личности оказываются объединены, в концепции Антокольского, любовью к ним Фортуны. Они – авантюристы и плебеи,

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

«малые люди», благодаря Случаю и собственному характеру добившиеся предельно возможных вершин в своей жизни. В ходе анализа был также реконструирован «метатекст Фортуны» – наиболее показательные высказывания находящегося под судом Державина и его корреспондентов в переписке «московского» периода (ноябрь 1788 – июнь 1789 г.) о счастье и несчастье; о «пременах» в человеческих судьбах, об участии в этом Высших и земных сил; о карточной игре и о деньгах.

Ключевые слова: П. Г. Антокольский, Г. Р. Державин, ода «На Счастье», Фортуна, биографический миф, В. Ф. Ходасевич, жанр новеллы, фантастика

Введение

Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978) – известный советский поэт, переводчик, литературный критик – в последнее десятилетие своей жизни обратился к художественной прозе [17, 96]. В 1971 г. издательством «Советский писатель» был издан сборник/цикл его новелл и рассказов «Сказки времени»; в следующем году они вошли в 3-й том 4-томного собрания его сочинений. Героями их стали реально-исторические личности, жившие в России и Европе в XV–XIX вв., а также персонажи античной мифологии. В центре внимания Антокольского – судьбы и характеры писателей: Державина, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Шекспира, Бомарше, Вийона. А еще – герои, созданные этими писателями. И те и другие могут свободно встречаться друг с другом и с самим автором в художественном времени и пространстве. Постмодернизм в 1971 году у советского писателя (ср.: [32])? Не знаю, но повод для размышлений есть.

Вот как сам Антокольский в концовке «Сказок времени» объяснил их название и свои писательские установки. «Время» он рассматривает как «главного героя», как «систему отчета» в сюжете произведений, себе же как автору присваивает право «утверждать свою власть над Временем» и свободно «перемещаться в нем» [4, 169]. Вторую половину упоминавшегося 3-го тома составили литературно-критические очерки и статьи о тех же самых писателях (Пушкине, Лермонтове, Гоголе и др.), которые стали героями «Сказок Времени»¹. Они и перекликаются друг с другом, подчеркивает Антокольский,

¹ Скорее всего, именно с заглавной буквы, следуя логике Антокольского, следует писать слово «Время» в названии сборника. В тексте 3-го тома это название везде набрано прописными буквами – «СКАЗКИ ВРЕМЕНИ», и потому определить авторское написание невозможно.

и спорят. Для себя самого он четко противопоставляет «науку» и «сказки» (= художественная литература): «Литературоведение – наука. Сказки противоположны науке. В них невозбранно действует, владычествует, хозяйничает воображение и вымысел. Фантастика утверждает свои законы. <...>» [4, 169]. Себя как автора «Сказок Времени» Антокольский противопоставляет представителям «научной фантастики», и само это выражение представляется ему «нелепым». Из всего этого можно сделать вывод, что даже в произведениях, внешне похожих на так называемые «романизированные биографии» (а к таковым и примыкают «Сказки Времени»), главное для него – «воображение и вымысел» [4, 169].

Постановка задач. Гипотезы

Могу предположить, что Антокольский в «Сказках Времени» предлагает альтернативу некой жанровой традиции, а именно «научной биографии писателя» и/или «беллетризованной биографии писателя» (ср.: [32]). О герое интересующей меня новеллы «В Москве на масленой» – Гавриле Романовиче Державине – за сто лет изучения его биографии к началу 1970-х гг. было написано немало научных и научно-популярных книг: «Жизнь Державина» (1880) Я. К. Грота, «Державинъ» (1931) В. Ф. Ходасевича, «Державин» (1958) (серия «ЖЗЛ») А. В. Западова, «Гаврила Романович Державин» (1965) В. А. Западова, «Державин» (1967) И. З. Сермана и др. Все они основывались прежде всего на автобиографических «Записках» (1812) самого Державина [11], а работы XX в. – и на исследовании Я. К. Грота.

Следует упомянуть также о другой, наверное, более близкой Антокольскому традиции, собственно художественной, – о незаконченном романе Ю. О. Домбровского «Державин» (1937–1939). В нём повествуется о событиях 1773–1774 гг., об участии в них Державина и о только еще пробуждающемся у него интересе к поэзии. Определенные параллели между новеллой и романом, безусловно, есть, но требуют они отдельного кропотливого изучения. Связаны эти параллели, в частности, с тем, что на языке современного литературоведения описывается термином «биографический миф».

Укажу на то, что принципиально отличает «державинский миф», создаваемый Антокольским, и от «мифов» научных, и от того варианта «мифа» художественного, который выстраивался Домбровским. Определить это оригинальное, «антокольское», можно двумя словами самого писателя – «фантастика» и «сказка». Предлагаемая им версия биографии Державина, хотя и опирается на некоторые общеизвестные факты, взятые из «Записок» или у Я. К. Грота, крайне далека

от научности и документальности. Но не случайно Антокольский говорил, что герои «Сказок Времени» и его литературно-критических работ – одни и те же и что между ними есть «переклички». К тем околонучным или близким к таковым задачам, которые писатель ставит и решает в своих «сказках» (возможно, неявно и неосознанно для самого себя), и относится построение им «биографического мифа» – о поэте и «худородном дворянине» XVIII столетия Г. Р. Державине. Этот «миф» составляет весьма фантазмагорическое содержание новеллы «В Москве на масленой» [4, 26–41]. Как кажется, внимание исследователей она, как и весь цикл «сказок», не привлекала.

Основная часть ***Сюжет и композиция новеллы***

Название произведения – усеченный вариант автокомментария Державина к его оде-сатире «На Счастье»¹ (1789). «Писано на масленой, когда и сам автор был под хмельком» – этими словами новелла завершается [4, 41]. Находящиеся в «сильной» композиционной позиции – в концовке, они требуют комментария. Но сначала необходимо уяснить общие особенности сюжета и композиции новеллы.

Это именно новелла, а не рассказ, причем явно с романтическим прошлым, отсылающим, в частности, к Н. В. Гоголю (ср.: [8; 14]). Она невелика, динамична, двоemiрна, фантастична, с неожиданной развязкой. В новелле три части; они не нумерованы, а выделены увеличенным межабзацным интервалом и сменой темы и хронотопа. Повествование идет от 3-го лица, но с сохранением образа мышления героя, т. е. тяготеет к сказовому типу. Весь сюжет новеллы, по-видимому, полностью вымышлен, т. к. не находит опоры в достоверных биографических источниках, доступных Антокольскому, например, в «Записках» Державина и в его переписке «московского» периода (см.: [30, V, 727–762]).

Первая часть – вводная; автор представляет своего героя:

- его «нрав» (ключевой характеристикой являются известные строчки – самоопределение державинского автобиографического «я» из стихотворения «К самому себе»: «горяч и в правде черт!»);

¹ «На Счастье» – это «гибрид» оды и сатиры, или «забавная ода» (Л. В. Пумпянский). Начало этому жанру у Державина было положено «Фелицей». Я буду использовать оба жанровых обозначения как взаимозаменяемые, т. е. вполне условно. Сама державинская ода не является в данной статье предметом анализа и привлекается лишь для иллюстрации некоторых моих тезисов.

- ситуацию, в которой тот оказался зимой 1788–1789 гг. (отстранение от должности губернатора в Тамбове, вынужденное пребывание в Москве, равнодушие к его судьбе власть имущих);

- державинское понимание роли поэзии («поэзия российская <...> есть государственное дело», «я не токмо поэт, но и солдат» [4, 28–29]).

Характеристика Державина дается на конкретном социально-политическом и литературном фоне. Этим фоном является внезапная опала бывшего тамбовского губернатора, «великая смута во Французском королевстве» и досадливо-восхищенные размышления «бедного дворянина» и «малого человека» Державина о «подлом лакее, который переупрямил, переиграл в любовном соперничестве своего господина», – о Фигаро из пьесы Бомарше. Здесь, к концу первой части, впервые и появляется имя языческой богини – «возлюбленной Фортуны» – главной героини второй части новеллы: «Уж она-то была почитаема Державиным особо! Не тайл он своего пристрастия к Фортуне, верил ей гораздо более, нежели православным святым и угодникам. Что греха таить, был он язычником <...> короче, язычник был полный, как, впрочем, иные многие в том просвещенном веке» [4, 29]. В характеристике этой, как мне представляется, Антокольскому важно было подчеркнуть именно равнодушие Державина к христианской вере. Почему – об этом ниже.

Вторая часть – фантастическая и даже фантазмагорическая, по замыслу напоминающая, например, «Призраков» И. С. Тургенева, а мотивом полёта вместе с демоническим существом – повести Гоголя. Во время масленицы Державин «как с цепи сорвался»: целую неделю предавался «кутежу с разными людьми», но несло его «сквозь это шумство», «приключения, низости и смрад» «невредимо», и «высокое парение духа не изменяло ему» [4, 31]. Сосуществование «низкого» и «высокого» – главные составляющие поэтического стиля Державина – было выражением его биографического «я», как бы говорит здесь автор. Гуляние на Новинском поле, пишет далее Антокольский, и было «настоящим его царством, особым, отрезанным намертво от губернаторств, коллегий, судилищ, опал и возвышений, вельможных искательств и ласкательств. Невсамделишняя, балаганная, карусельная, качельная держава Державина <...>» [4, 32]. Здесь-то в конце концов он и встретил «цыганочку» Фортуну и «последовал за нею, как мальчик». Начинается их фантастическое «странствие по свету», составившее потом сюжет оды «На Счастье»: видят они и Босфор, и Султанскую Порту, и Средиземное море, и Темзу, и «фабранные усищи берлинского короля Фрица» и оказываются наконец в революционном Париже. Фортуна ведет Державина в дом Бомарше; там два писателя

беседуют о проблемах классовых отношений, о творчестве, о судьбе и счастье. Затем к ним присоединяются «двое господ»: «петербургский давний враг» Державина – некий граф О. и, сначала не узнанный, но быстро опознанный, классовый его враг, да еще и мертвый, – Емельян Пугачев. Стали они играть в карты, и в результате взаимного шулерства и разгоревшегося конфликта граф О., которого Державин начал душить, растворился в воздухе, а с Пугачевым у поэта состоялся очень напряженный разговор, замешенный на классовой ненависти. Себе и врагу Пугачев обещает бессмертие, «вырастают они оба чуть ли не до облаков», и слышит Державин, «что летит над ихними головами богиня Фортуна, вертятся дивные колеса ее колымаги» [4, 39].

Третья часть – развязка и концовка начинается с того, что Державин ночью возвращается с Новинского на Пятницкую и начинает писать оду «На Счастье». Перед ним въяве предстает её содержание, строки и целые строфы. Он засыпает, просыпается на следующий день в два часа пополудни, идет к столу с исписанными ночью листочками и, «полный рвения и чувства своего предназначения», крупно выводит на заглавном листе будущей оды: «Писано на масленой, когда и сам автор был под хмельком» [4, 41].

Название новеллы. Художественное время

Сам Державин в своих «Объяснениях» подчеркивал игровой, выдуманный характер этого автокомментария – «что якобы писана на маслянице для забавы» (цит. по: [9, 576]), оставляя читателя в сомнении, действительно ли ода была сочинена на масленицу 1789 года и что ничего, кроме «забавы», в ней нет. Таким мистифицированием поэту, по-видимому, нужно было «поддержать» сам необычный для того времени жанр «забавной оды» с его идеями «премены», случайности счастья и т. п. Через несколько лет, в связи с теми же политическими событиями, потрясшими Европу, Державин сумеет отойти от одической многословности и выразит мысль о «судеб игрушках» в четырех строках историософской сатирической эпитафии «На смерть собачки Милушки...» (1793) (см.: [24, 7]).

Для Антокольского время, когда происходят вымышленные им события, важно как минимум по двум причинам. Первая – та же, что у Державина, политическая, с аллюзией на саму оду «На Счастье» (см. выделенное курсивом): «Наступил 1789 год. Слухи о французских чрезвычайных обстоятельствах учащались и росли. Дело там было нешуточное. *Весь мир ходуном ходил, как полосатый шут.*¹ <...>

¹ Курсив здесь и далее в цитатах из новеллы Антокольского и из других произведений – мой.

Однако и Наказ <Екатерины II. – А. П.>, и слухи разные являли глазам трезвых людей туман, недоверность, сказку» [4, 30].

Антокольский, как отмечают исследователи его творчества, на протяжении всей своей жизни отличался обостренным «чувством Истории»; ему, свидетелю нескольких революций и войн, в высшей степени свойственны были историзм мышления и тяготение к изображению переломных, катастрофических событий и выдающихся исторических личностей [15; 25]. И потому даже столь частный и отнюдь не красящий Державина поступок (не находящий к тому же документальных подтверждений) – то, что поэт «загулял» на масленицу, ставится в новелле в контекст событий всемирного масштаба.

Вторая причина – особый характер масленичной недели как некоего сакрального, точнее, бесовского времени, приписываемый ей в народном сознании: «Тут-то и наступила масленая неделя, сама по себе сказочная и недоверная» [4, 30]. Уже этнографы XIX века считали русскую масленицу наследницей и преемницей римских сатурналий и западноевропейских карнавалов [29, II, 115–116, 125], и следовательно, языческим праздником, который Церкви лишь немного удалось вписать в календарь праздников христианских. Масленица, в частности, предшествует Великому Посту. Как писал один из иностранцев о русской масленице, «в то самое время, когда бы всякой с сердечным раскаянием должен был готовиться к созерцанию страданий Христовых, в то время сии заблудшие люди предают свою душу дьяволу. Во всю Масляницу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, разврат, игра и убийство, так что ужасно слышать о том всякому христианину. <...>» (цит. по: [29, II, 118]).

В державинской оде этой теме посвящена, например, 7-я строфа («В те дни, когда везде в разгулье...»); сатурналии/карнавал явно описаны в ее концовке: «Науки, музы, боги – пьяны, / Все скачут, пляшут и поют» [9, 139]). В «Объяснениях» Державин ссылается на время «масляницы, когда всякие терпимы бывают народные забавы; то под сим предлогом изображаются разные народные проказы, роскошные пиршества, игры и проч.» (цит. по: [9, 576]). В новелле Антокольского образ масленицы предстает в ярких картинах и несообразностях. Посредством «фантастики и вымысла» писатель создает образ времени – главного героя всего своего цикла «сказок». Оно начинает терять свои привычные очертания – то сжимается, то забегает вперед, то исчезает совсем, обретая в конце концов облик сказочно-мифологического божества (ср.: [12]).

Так, Державин выезжает из Тамбова в Москву в ноябре 1788 г. и прибывает туда в рождественский пост. Сначала время ничем не заполнено: «Ползли пустые недели, наступил и Новый год» [4, 27]. Державин подолгу проводит время в приемных у сановников, иногда его допускают к их столу, но единственный, кто проявляет интерес к опальному губернатору-поэту, это другой поэт («изрядный»), директор Московского университета Михайла Матвеевич Херасков. «А время между тем шло и шло, – отмечает автор и в сказовой манере добавляет: – Ох уж *это необгонимое, неведомой протяженности божество, небось оно языческое, равно как и другая богиня*, сударыня Фортуна на двухколесной своей одноколке» [4, 29]. И далее идет цитируемая уже характеристика Державина-«язычника». После наступления нового 1789 года в сюжете новеллы как-то сразу, без паузы (в тексте – через 12 строк) наступает масленая неделя, «сказочная и недостоверная», хотя до ее начала в реальном времени пройти должно было минимум полтора месяца, тем более что Антокольский указывает, что события происходят в марте¹. Когда же Державин с субботы, т. е. в день поминовения усопших, «загулял» и встретил в «злосчастный вечер на Каменном мосту» своего старинного приятеля с пугачевских времен поручика Реброва, «тут и показала себя несообразная природа масленой» [4, 31]. В «грязном трактире», где приятели заказали водку, блины и закуску, «запел отставной поручик песню, *которую еще предстояло сочинить Державину чрез пятнадцать лет*» [4, 31]. Поют они «Заздравного орла», застольную песню, которую Державин напишет в 1791 году, а опубликует действительно через 15 лет в «Анакреонтических песнях» (1804).

Итак, названием новеллы Антокольский, по моему мнению, подчеркивает недостоверность, с точки зрения ученого биографа и литературоведа, описываемых им событий, или, другими словами, свое право на художественный вымысел. И здесь, гипотетически, он заочно спорит с создателем другого «державинского мифа», и тоже поэтом, – В. Ф. Ходасевичем.

Антокольский и Ходасевич: к постановке проблемы

Моя гипотеза о том, что объектом скрытой полемики Антокольского был именно писатель-эмигрант, а не, например, его

¹ Из письма свойственника Державина, А. А. Жохова, от 17 февраля мы узнаем, что масленица в 1789 г. пришлась на середину этого месяца: «Как ныне масляница, то разрезают с приближенными всюду, ищут блинов и везде насыщаются брюхом и дланями» [30, V, 750].

современники и земляки-петербуржцы А. В. Западов, или В. А. Западов, или И. З. Серман, основывается на следующих наблюдениях.

Свою книгу «Державинъ» Ходасевич предварил небольшим вступлением, в котором отразил представления о труде биографа, прямо противоположные тем, что изложит через 40 лет в «Сказках Времени» Антокольский. Ср.: «<...> *Биограф – не романист. Ему дано изъяснять и освещать, но отнюдь не выдумывать*. Изображая жизнь Державина и его творчество (поскольку оно связано с жизнью), мы во всем, что касается событий и обстановки, остаемся в точности верны сведениям, почерпнутым и у Грота, и из многих иных источников. Мы, однако, не делаем сносок, так как иначе пришлось бы их делать едва ли не к каждой строке. <...> Диалог, порою вводимый в повествование, всегда воспроизводит слова, произнесенные в действительности, и в том самом виде, как они были записаны Державиным или его современником» [31, 121]. Строго говоря, описанный Ходасевичем «биографический метод» был разработан ещё до революции Д. С. Мережковским в его историософских трилогиях, публицистике и литературной критике (см.: [10; 18]) и блистательно развит им в эмиграции; этим же методом будут пользоваться упомянутые выше ленинградские ученые, но первенство в державиноведении принадлежит именно Ходасевичу.

Однако вопреки «научным» установкам самого Ходасевича его биографика устойчиво и законно рассматривается литературоведами в работах *по истории литературы* русского Зарубежья. Надо заметить, что современные исследователи книги «Державинъ» склонны считать ее «художественной биографией» [33, 6], т. е. гибридом, рожденным на стыке научного и художественного дискурсов. Последний являет себя, например, в «реконструкции» Ходасевичем «романа престарелого поэта и молодой красавицы» (Н. А. Колтовской) на основе его «собственного биографического прочтения анакреонтических стихотворений Державина» [33, 26]. В. А. Черкасов пишет также о «системе персонажей» [33, 26] книги Ходасевича, об использовании им всевозможных «кодов» («грибоедовского», «донкихотовского» и др.) при построении образа Державина, т. е. о частичной фикциональности этого произведения.

Более определенно об этом говорит М. А. Горелова: «Приобретая черты литературных персонажей, фигура Державина укрупняется, вырастает не просто в цельную, но загадочную, масштабную личность, явление русской культуры» [7, 18]. Исследовательница обнаруживает в «биографической книге» Ходасевича «исповедальную линию»,

целый «сюжет Поэта», «построенный по законам агиографического жанра» [7, 7, 19–20].

Наконец, В. И. Шубинский, автор недавней биографии Ходасевича в серии «ЖЗЛ», относит книгу «Державинъ» к «невывымышленной прозе, non-fiction» [34, 448]; показательно его предположение о том, что подсознательно, и в плане стилистическом, и видя в Державине «дожившего до старости» Петрушу Гринева, Ходасевич ориентировался на «Капитанскую дочку» [34, 449, 451].

Разумеется, Антокольский не изучал творчество Ходасевича в этом ракурсе, но он легко мог почувствовать, что писал «Державина» и прочие историко- и мемуарно-биографические труды о русских писателях другой русский писатель, точнее даже, поэт. И своего «Державина», т. е. новеллу о поэте, Антокольский будет создавать именно как поэт, не ограничивая себя квазинаучными рамками «литературной биографии» и справедливо полагая, что многим читателям интереснее будет читать именно *выдуманные* разговоры Державина с Пугачевым или Фортунной, нежели очередной пересказ всем известных биографических источников. Доказательство этого тезиса я оставляю для другой статьи, сейчас же перейду к следующей параллели между произведениями двух современников.

Последняя «часть» новеллы построена по схеме, отсылающей к тому эпизоду в книге Ходасевича, где он описывает, вполне художественно перелагая «Объяснения» Державина, как тот сочинял оду «Бог» (см.: [9, 553])¹. По моей гипотезе, Антокольский полемически отталкивается от этого эпизода, а биографический миф Державина, созданный Ходасевичем, служит одним из источников его, Антокольского, «державинского мифа». То, что я назвал «схемой», связано с хронотопом, темой и персонажным составом эпизодов.

Так, в обоих случаях появляется жена Державина, Катерина Яковлевна; но для того чтобы написать метафизическую оду «Бог», поэт, сердце которого «хотело уединения», убегает от неё под выдуманным предлогом [31, 227; 9, 553], а для написания философско-политической сатиры «На Счастье» он окунается в самую гущу народной жизни, вернувшись же ночью домой, на Пятницкое подворье, сначала набрасывает оду начерно, а закончив, «тихонько раздевается» и «ложится около жены» [4, 41]. Судя по державинским «Запискам» и переписке, всё время его пребывания в Москве Катерины Яковлевны рядом с ним не было; она находилась в селе Зубриловке, болела в ноябре и декабре 1788 г., а в конце февраля 1789 г.

¹ Параллель к этому эпизоду есть и в романе Ю. О. Домбровского.

приехала в Петербург. Итак, явный вымысел этот Антокольского не смущает, ему именно надо было соединить быт и поэзию, уравнять «низкое» и «высокое».

«Оба» Державина пишут ночью, а заканчивают утром, и оба автора описывают процесс творческого вдохновения общего для них героя и невероятное счастье, испытываемое им. Только Державин Ходасевича охвачен «упоением величайшей гордостью и сладчайшим смирением <...> невыразимым счастьем пребывания в Боге», плачет «от благодарности и любви к Богу» [31, 229]; тогда как Державин Антокольского хочет «вложить в свои строфы <...> заряд неисчерпанной веселости, которую вдохнула в него милая цыганка», «усмехается», когда «пошло наконец» под его пером «настоящее, державинское». Герой новеллы понимает, что утром «с блаженной легкостью допишет остальное», «бегло и весело» пройдет «насчет самого себя», попросит Фортуны: «погладь и потрепи!» [4, 40]; в книге Ходасевича описано экстатическое состояние одического поэта – «парение», «изумление», «упоение», забирающее все силы.

Что интересно, Я. К. Грот, на которого с таким пиететом ссылается в преамбуле к «Державину» Ходасевич, отмечает, что поэта в тех обстоятельствах «естественно влекло к духовной поэзии», но «самым замечательным произведением Державина за время его пребывания в Москве» считает оду «На Счастье». Державинский талант, пишет он, явился в ней «опять во всем блеске самобытной силы»; именно здесь содержатся «самые удачные, когда-либо написанные Державиным» строфы [30, VIII, 576–577]. Но если Я. К. Грот заслуженно уделяет этой оде целую страницу своего исследования, то Ходасевич не говорит о ней ни слова¹ – потому, как мне представляется, что ни содержание ее, ни слог, ни пафос не вписываются в тот житийный, «монументальный» (В. И. Шубинский) облик Державина-пророка, который он стремится создать в своей книге. Могу предположить, что против этой сакрализации и христианизации образа поэта, в частности, и выступил Антокольский в своем произведении о Державине. Последний у него легко, «как мальчик», поддается, подобно гоголевскому Хоме Бруту, чарам демонического персонажа в женском обличье (ср.: [8; 13; 14]).

Именно образ богини Фортуны я считаю центральным (наряду с образом Державина) в новелле Антокольского. Он и составляет ядро создаваемого писателем «державинского мифа». Анализ первого во многом и будет анализом второго.

¹ Ода же эта примечательна одним тем, что комментарии к ней, данные Державиным, являются самыми обширными в его «Объяснениях».

И у Ходасевича, и у Антокольского были веские основания для выстраивания каждым своего «биографического мифа»: монументально-эпического, профетического – в первом случае; социально-бытового, сказочного – во втором. Остановлюсь на «версии» Антокольского; в основании его «державинского мифа» лежит целостный исторический контекст, в котором весьма условно можно выделить сферы биографическую, культурную и литературную.

**«Метатекст Фортуны» в переписке Державина.
«Беатус брат мой...»**

Данный контекст обнаруживается, в частности, в переписке Державина «московского» периода: с ноября 1788 г. по июнь 1789-го. Корпус этих писем, опубликованных Я. К. Гротом в 5-м томе сочинений Державина, составляет 47 единиц (№№ 627–673) [30, V, 717–761]. Своей задачей я ставил реконструировать «метатекст Фортуны» – найти наиболее показательные высказывания отрешенного от должности Державина и его корреспондентов, где содержатся размышления о несчастье, обрушившемся на него, о «пременах» в человеческих судьбах; пожелания ему счастья и удачи; суждения об участии в этом Высших и вполне земных сил, а также упоминания о карточной игре и о денежных делах и долгах. Самые значимые и знаковые слова и фразы в цитатах будут выделены курсивом. И в новелле Антокольского, и в оде «На Счастье», и в «объяснениях» на нее им легко находятся параллели и соответствия – образы, мотивы, сцены, примеры.

Итак, 30 октября 1788 г. хороший знакомый Державина О. П. Козодавлев – писатель, просветитель, академик – высказывает глубокое сожаление по поводу «дурного положения» нынешних державинских «дел», пеняет ему, что тот не во всем следовал «должному благоразумию», и высказывает надежду, что *«Бог, видя ваше сердце, исторгнет вас конечно из бездны беспокойствий»*. Примечательна также ремарка о жене Державина: «О Катерине Яковлевне я сожалею от всей души и предчувствовал, что она *занеможет от своей чувствительности и воображения*» [30, V, 717].

7 ноября Державин в письме к приятелю А. И. Васильеву объясняет свое долгое молчание «небезызвестными хлопотами»; в связи с поведением некоего г. Осипова говорит, что тот «*везде ищет занимать денег большими количествами*»; обсуждает поведение своего шурина, который якобы, «*выиграв у него в карты более ста рублей*, не захотел продолжать игры» [30, V, 718].

4 декабря придворный банкир барон Р. Сутерланд напоминает Державину о том, что «30-го минувшего октября минул срок вашему

векселю в 2 000 р.», и предупреждает, что если к новому году *«деньги с интересами»* не будут ему переведены, то он «за неплатежем» опротестует державинский вексель [30, V, 718]. 8 января 1789 г. барон, получив от Державина 23 декабря только 1 000 руб. «без процентов», выражает свое неудовольствие, просит «немедленно мне все деньги и с процентами на срок переслать», в противном случае угрожает вексель «протестовать» [30, V, 731].

11 декабря Державин в длинном письме жалуется бывшему своему сослуживцу А. И. Терскому на то, что из-за тамбовского генерал-губернатора и сенатских решений все узнали о его *«несчастии»*¹, и это оттолкнуло от него «самых близких людей» и некогда преданных подчиненных. Себя Державин явно, а быть может невольно, изображает страстотерпцем: «я <...> как чрезвычайно угнетенный человек <...>. Теперь же так: когда меня в Петербург для объезжения не отпускают, то *власть моего Бога*. Я помню Его слова, которые мимо нейдут: “Претерпевый до конца, той спасен будет”» [30, V, 720]; «<...> до того *загнан и презрен*, что весь город до последнего офицера приглашается в дом генерал-губернатора на *обеда, на маскарады и на балы*, бываемые при случае выборов; но я и Катерина Яковлевна ни в какое публичное собрание не призываемся <...> вот какая творит *чудеса*. <...> Иногда не безужно *иметь и врагов*, чтобы лучше не сбиваться с пути законов» [30, V, 724]. Ту же тему Державин продолжает в просительном письме к князю Потемкину от 14 января 1789 г., где называет себя *«вечно несчастливым»* и находящимся в *«бездне злключения»* [30, V, 732].

А. И. Терской в кратком ответном письме от 18 декабря дружески советует Державину «все забыть» и терпеть, «сколько можно». Затем поздравляет его «с наступающим праздником и новым годом» и желает, «чтоб старое в старом так, как ныне, и осталось, а новый *с удовольствием* начав окончить» [30, V, 727].

Политические события в стране идут своим чередом, и в тот же день, 18 декабря 1788 г., М. Титов, моршанский знакомый Державина, поздравляет его со взятием русскими войсками под командованием князя Г. А. Потемкина-Таврического города Очакова. Многим, говорит он, посланы туда *«монаршаго благоволения милости»* [30, V, 725].

18 декабря Державин получает и третье письмо – от одного из ближайших своих друзей – Н. А. Львова. Тот тоже уведомляет его о взятии турецкой крепости, советует «на Очаков-то» написать что-

¹ «Несчастьем» называют положение Державина в январе 1789 г. его корреспонденты Д. Свистунов и М. Савинский.

нибудь «без имени» и желает Катерине Яковлевне и Державину «при новом годе *лучшаго счастья*».

Beatus ille qui procul negotiis ... Horat» [30, V, 727].

Процитированное Львовым начало II Эпода Горация – не случайная цитата; по сути, это одна из «кодовых» максим эпохи и, в более узком смысле, часть поэтического узуса XVIII столетия. Историю этой формулы («Блажен, кто...») подробно исследовала Т. Е. Абрамзон; ученый справедливо считает ее знаком «дискурса счастья» – поисков европейскими просветителями «земного счастья» и способов его достижения [1, 370]. На тот момент сам Державин использовал данную формулу как минимум два раза – в «Невесте» (1778) и «Видении Мурзы» (1884). В оде «На счастье» он не без иронии русифицирует ее в 21-й строфе: «Беатус брат мой...» – и прокомментирует в «Объяснениях». В 1790-е гг., после успешного разрешения тамбовского казуса, число стихотворений с «беатусом» у него возрастает в несколько раз – в основном поэт включает его в комплиментарные стихи, адресованные вельможам «в случае» и друзьям. В поисках собственного «идиллического счастья» (Т. Е. Абрамзон) в эти годы Державин обходится без этой формулы (ср.: [22]), а в программной оде «На Счастье» его представления о Фортуне, несмотря на присутствие «беатуса», – отнюдь не горацианские (см.: [2, 7–8; 3]).

Примечательный пример употребления формулы «блажен, кто...» находим в письме (от 10 мая 1789 г.) еще одного друга Державина, тоже поэта, – В. В. Капниста. Сохранив горацианские корни, она обнаружила у него и второй, древнейший источник своего происхождения – Псалтирь (см.: [1, 370–371]): «<...> Вы знаете, любезнейший друг, что скорби, наносимыя нам миром, суть тщета, равно как и удовольствия и прелести. Скорбы (sic) же, Богом посылаемыя на нас, благи нам по многому по слову: *блажен, его же аще накажеш, Господи!* В сих мыслях, любезнейший друг, принимайте (sic) судьбу вашу и не преклоняйтесь на роптание противу воли Всевишняго лишним скорбением. <...>» [30, V, 758]. Через несколько лет Капнист напишет свою оду «На счастье» (см.: [28]).

В «московской» переписке обнаруживаем также пример бытового горацианства. В письме от 22 января 1789 г. упоминавшийся А. И. Терской, сожалея, что предыдущее письмо его огорчило Державина, вопрошает: «но что делать?» и здесь же отвечает: «мы сотворены на то, что преходя поприще жизни нашей, должно встречаться нам *хорошее и худое*; надо все сносить *с терпением*; *довольно счастливы мы тем, когда совесть нас не тревожит*,

а питание надежды покоит; так и слава Богу <...>» [30, V, 738]. Выделенные курсивом слова – типичные «общие места» горацианства, которые легко можно обнаружить в стихах Державина, например в 4-й строфе оды «На Новый год» («Мое желание: предаться» etc.).

В цитиrowавшихся письмах Терского (от 18 декабря) и Львова обнаруживает себя еще один источник представлений Державина и его современников о счастье – праздник новолетия с его «мифологией» (см.: [19; 20; 21]). Терской, напомню, формулирует это представление в расхожей фразе *«чтоб старое в старом так, как ныне, и осталось, а новый с удовольствием начав окончить»*; Львов в своих благопожеланиях более краток – «при новом годе *лучшаго счастья*». Восемь лет назад в той самой энически-горацианской оде «На Новый год» (1781) Державин уже декларировал свои взгляды на счастье (см.: [19, 136–137]). Новые жизненные обстоятельства державинскую «идиллию» существенно скорректировали.

Далее, 21 декабря Львов извещает друга о внезапном ухудшении его дел в Сенате, удивляясь тому, *«каким странным оборотом* в два дни дела такой вид взяли» [30, V, 728]. И в этот же день от петербургского вице-губернатора П. И. Новосильцова Державин получает письмо, начало которого является своего рода прозаическим конспектом основных идей будущей оды «На Счастье»: *«М. г. мой, Г. Р. Непостоянство счастья, играющего нашу участь, изменяя в надежде, которую имели мы из продолжения по данному об вас от Сената докладу, наконец, к сердечному соболезнованию моему, определяет вам явиться в 6-й департамент для отчету в принесенных жалобах от генерала губернатора <...>. Я не в состоянии изъяснить безмерного оскорбления, которое причиняет сия неожиданная превратность мне и другим, вас любящим. Но что делать, когда все в свете подвержено переменам и когда истина почасту представляется в ложном виде?»* [30, V, 728].

Поистине достойным самой Фортуны с ее «оборотами счастья» [16, 24] завершением «московского» периода в судьбе Державина является письмо его свойственника Н. Свечина. Написано оно в Тамбове 24 июня 1789 г., когда поэт был уже оправдан. С этим «радостным случаем» семья Свечина и поздравляет Державина и Катерину Яковлевну. Причем радость эта была тем «несравненное», насколько «велика была печаль», ибо в начале июня «пронесшийся слух <...> о кончине вашей столь нас поразил, что не можем изъяснить онаго» [30, V, 761].

Не удивительно, в общем, что Антокольский поставил именно богиню Фортуну в центр своей новеллы о злоключениях и приключениях столь часто поминавшего ее поэта.

***Образ Фортуны/Счастья как ядро «державинского мифа»
в новелле Антокольского***

Фортуна, или Счастье, – привычный в эмблематике XVIII – начала XIX в. образ (см. об этом: [2; 3; 5; 27]). Изображалась в виде женщины, «иногда стоящую на шаре или колесе, иногда сидящую на колесе, иногда с открытыми, иногда с завязанными очами, с крыльями у обеих ног и с покрывалом, от ветра развеваемым; иногда держащую в руку руль или кормило, ибо язычники верили, что счастье всем управляет. Иногда правую рукою опирается на колесо, означающее ее непостоянство, а в левой держит рог изобилия, поелику слепо рассыпает свои богатства. Иногда возле нее стоит конь, коего она держит за узду, или крылатый купидон, а над главою ее солнце и полумесяц» [35, 34–35]. В другом разделе цитируемого знаменитого словаря Максимовича-Амбодика Фортуна, «Богиня счастья и случаев», описывается как «лысая, с завязанными очами и крыльями у ног, из коих одна стоит на коловратном колесе, а другая на воздухе» [35, 42]. Колесо же «почитается знаком фортуны, счастья, случая. <...> У ног фортуны изображенное означает ее непостоянство» [35, 56].

У Антокольского подчеркнуты языческое происхождение богини и главное ее качество – непостоянство; задействованы важнейшие её атрибуты – рог изобилия и колесо; последнее преобразуется писателем в «двухколесную одноколку» – средство передвижения Фортуны. Используется автором и устойчивая связь Счастья с Любовью (ср.: «крылатый купидон» и многочисленные эмблемы на эту тему в словаре Максимовича-Амбодика).

Проследжу все появления этого персонажа в новелле – «сюжет встречи Державина с Фортуной» и прокомментирую идеологическое его наполнение у Антокольского.

Впервые Фортуна появляется в начале мытарств Державина в декабре 1788 г. в непосредственной связи с темой и образом времени: «А время между тем шло и шло. Ох уж это необгонимое, неведомой протяженности божество, небось оно языческое, равно как и другая богиня, сударыня Фортуна на двухколесной своей одноколке <...> [4, 29]. Как уже отмечалось, Антокольский прямо называет здесь Державина «язычником», мотивируя это и татарским его происхождением, и чтением язычника Горация, и знакомством

с азартом и шулерствами карточной игры, и даже некими «не совсем благопристойными проделками».

Появившиеся затем политический и литературный контексты – «смуга» во Франции и рассказ очевидца о «представлении в Версале комедии господина Бомарше “Безумный день, или Женитьба Фигаро”» вновь обращают к образу Фортуны. Державин чувствует трепет и восхищение: «Было отчего задуматься крепко – не то в досаде на себя, не то и в надежде. Вот она, возлюбленная Фортуна в настоящем своем виде! *Вот какие приключения бывают с такими, как он сам, малыми людьми на жизненном поприще. Только не оплошай, держись, Державин, выше голову, Гаврила Романыч! Фортуна еще скажет тебе заветное свое слово!*» [4, 29–30].

Итак, Державин соотносит свою жизнь, свое возможное возвышение с революционными событиями в европейском обществе и с неожиданными «оборотами счастья» в судьбах современников и литературных героев, он верит в свою удачу и в самого себя. Мечты свои поэт поверяет жене, а счастье мыслит вполне в духе времени и своего сословия – как владение многими тысячами рабов и успех при дворе: «Душенька, – говорил он, – мы с тобою не токмо счастье найдем, не токмо еще новые тысячи душ рабов заведем, но и ко двору нашей благодетельницы Фелицы званы будем наравне с великой знатью, наравне со всей этой питерской сволочью, тудить ее растуды!» [4, 30]. Здесь также проявляет себя презрение и зависть Державина по отношению к новой знати и фаворитам.

Загуляв с поручиком Ребровым и запев «Заздравного орла», герой встречается с первым испытанием и проверкой. На его призыв к «женским красотам» появляется ложная Фортуна – «девка сильно во хмелю», которая «в доказательство того, что женски прелести ей присущи, повернулась задом и закричала непристойные слова». Ребров стукнул девку костью, а Державин прогнал словами-заклинанием: «Выйди вон, непотребная!» [4, 31]. «Непотребный» – это не только ‘неприличный’, но и ‘такой, в котором нет никакой надобности’. Самозванка «исчезает». Этот мотив – *исчезновения* – будет сопутствовать в новелле всем представителям иного мира, служить как бы их опознавательным знаком.

Проходит Державин и следующее испытание – остается «невредимым» во время недели кутежа «с разными людьми, нечаянных встреч, приключений, низости и смрада», сохраняет «высокое парение духа»: «Погрязая в разгуле по горло, пребывал в бодром духе, только глаза его разгорались пуще и пуще, только грудь распирало от вдыхания легкого мартовского морозца» [4, 31].

И вот он, «с великим опозданием», попадает наконец на свое «заколдованное место», на свою «Сорочинскую ярмарку» – Новинское поле, *«настоящее его царство, особое, отрезанное намертво от губернаторств, коллегий, судилищ, опал и возвышений, вельможных искательств и ласкательств. Невсамделишная, балаганная, карусельная, качельная держава Державина за тридцать земель от Москвы, а ежели и в Москве, то повеликодержавнее самого Санкт-Петербурга»* [4, 32]. Итак, Державин оказывается в некоем необычном, волшебном, сказочном месте. Теперь ему нужно найти «проводника» в иномирье и заключить «сделку» с ним (типологическую параллель можно найти, например, в «Ночи перед Рождеством» Гоголя).

То, что место действительно то самое, «заколдованное», подтверждает *фигура* «хозяйки» этого места – «богиня места». Скорее всего, это Масленица, но Державину видится Фортуна с ее атрибутом – «золотым рогом изобилия»: «Перво-наперво кинулась ему в глаза огромнейшая, в три сажени ростом, ярко малеванная на холсте фигура богини Фортуны, *сыплющей из золотого рога изобилия счастье своим смертным избранныкам*. И само явление этой фигуры было для Гаврилы Романыча как бы *предвестием близкой удачи*» [4, 32].

Подобно гоголевскому Вакуле, пришедшему к пузатому Пацюку, герой Антокольского хочет узнать свою судьбу; но, как и у романтических героев и героинь Жуковского, Пушкина или Марлинского, это гадание «на любовь». Знаком Державину служит вывеска: «Девушка Жеанна Рефюжье подданная французского короля Людовика дворянка предсказывает будущее». За «вход» в «иной мир» он платит серебряный рубль; и хотя предсказание гадалки показалось поэту «диким», но почти всё оно сбылось: «Асмодей злопыхает на пути вашем знатном. Через козни его познакомитесь нынче вы с *красавицей червонной*, отсюда дорога в далекие земли на запад. Вернетесь или нет оттелева, оного знать не могу, однако, по чести сказать, и сдохнуть недолго вам» [4, 32].

Асмодей в библейской мифологии считался главой демонов, с ним связывались гнев, похоть и разрушение браков [6, 111; 26, 254]. И гнев, и похоть в этот день Державина не отпускают. Ему сразу, например, захотелось «шандарахнуть зловредную старушку за дикое предсказание», но чудеса уже начались: он «<...> рукой двинуть не в силах. Вгляделся, а у предсказательницы головка-то кошачья, черная с белыми усищами, мяучит она «мяу-мяу» и *сгнула* в прорве времен» [4, 33].

А затем и сама Фортуна явилась перед ним, идущим «среди рвани скоморошьей», и оскорбительно спросила: «Куда прешь, самозванный князь, сирота казанский, не разбираешь дороги?» Стерпел

Державин такое обращение, а Фортуна стала сыпать «на него из рога своего золотого всякую дрянь, рваные клочки бумажные. Развернул один клочок, а на нем написано вкось и криво: “Жди меня, я рядом”». Обернулся Гаврила Романыч – а перед ним «цыганочка, собою миловидна до чрезвычайности, – сложена краше всякой богини, несмотря на зимнее время, в одной пестрой широкой юбке с воланами, в тонкой рубашке, сквозь которую просвечивают смуглые, острые девичьи груди <...>». На его вопрос «кто ты, красотка?» «пролепетала» она «прелестно»: «Я Фортуна твоя» [4, 33]. И далее разворачивается сцена соблазнения героя женской прелестью и красотой, напоминающая и гоголевского «Вия», и многие другие подобные сцены в литературе романтизма (ср.: [8; 13; 14]). Державин теряет волю и следует по приказу цыганки за ней, «как мальчик».

Проверив его еще раз на бесстрашие и верность, цыганка из некоего неземного пространства шагнула прямо на ночную парижскую улицу и привела Державина к дому Бомарше. Это было последнее испытание поэта, во время которого, по словам девицы Рефюжье, ему и «сдохнуть недолго» было. После этого Фортуна оставит поэта, напомнив о себе в его разговоре с Бомарше о счастье («Счастье, – отвечал русский поэт, – далеко, за семью замками. Мне до счастья как до звезды небесной») и в монологе французского драматурга о своей жизни («Не следует тревожиться о счастье! Скажу вам про себя, – я неудачник, да, неудачник трижды и семижды. И, видно, обречен до самой смерти быть таковым! Фортуна! Жребий! Рок! <...> Нет, сударь, невозможно перечислить мои невзгоды, взлеты и провалы! <...>») [4, 36–37]. В определенном смысле Бомарше выполняет функцию сказочного «дарителя», только дарит он не волшебную вещь, а уверенность в его, Державина, предназначении.

Последовавший затем страшный разговор «вашего благородия» и его антагониста-мертвеца, главного представителя инобытия – «раба», самозванного Петра III (Пугачева) – закончился «ничьей» – их противостоянием в Вечности: «<...> выросли они оба чуть ли не до облаков и как будто стоят друг против друга, отлитые в бронзе. А вокруг тьма и стужа такая, какой на земле никогда и не бывает». Над ними, как бы соединив в Истории судьбы авантюриста и поэта, двух классовых врагов, летит «богиня Фортуна, вертятся дивные колеса ее колымаги» [4, 39].

Последний раз увидел Державин Фортуну, вернувшись на Пятницкую и выведя на листе «крупным уставным почерком заглавные буквы:

НА СЧАСТИЕ

За ледяным окном на мгновение почудилось ему личико цыганки Фортуны. Блеснула она другу белыми зубами и *расплылась* в мартовской ночи. *Исчезла* цыганочка навсегда» [4, 39].

И далее поэт Державин «заключает в строфы» ту «пеструю и богатую» картину, тот «заряд неисчерпанной веселости», полученный от «милой цыганки», которые «крепко засели в его голове». Закончить оду он намеревается тем, что «обратится к *богине мирского счастья-благополучия*, к цыганочке Фортуне. Замолвит он ей словечко о неустроенной своей участи. Скажет ей: погладь и потрепли, коли он вправду так любезен ей, как могло казаться на масленой» [4, 40].

Заключение

Судя по всему, Антокольский выразил в новелле общее свое представление о XVIII веке (ср.: Время как герой цикла «сказок»¹), причем на примере не только одного эпизода из жизни Державина, но и знаковых для этого столетия мифологических и литературных персонажей, а также судеб реально-исторических личностей, ставших символами эпохи (ср.: [23]). По воле автора постромантической новеллы Фортуна сводит в одном пространстве трех людей, живших в одном историческом времени: Державина, Пугачева и Бомарше. Взлеты и падения, удачи и неудачи и в конце концов известность и слава, «отлитая в бронзе», – вот что объединяет здесь поэта-«солдата», казака, ставшего императором, и сделавшего поразительную карьеру французского разночинца. Все они – авантюристы и плебей, благодаря Случаю и собственному характеру добившиеся предельно возможных вершин в изначально не расположенной к ним жизни.

Создавая «биографический миф» о Державине, Антокольский совершенно не упоминает о каком-то его «даре», «Божественной избранности» и прочих «романтических» вещах, ставших основой «державинского мифа» у Ходасевича, например. И если у того в книге о Державине присутствовал автобиографический элемент, связанный всё с тем же «путём святости» Поэта, то возможный автобиографизм новеллы Антокольского можно усмотреть как раз в авантюристичности «малого человека», выжившего и достигшего успеха в годы, когда это мало кому удавалось. Возможно, выбор сюжета был продиктован еще и известным и давним увлечением писателя эпохой Французской революции [17, 95].

¹ XVIII столетию посвящена и первая новелла из «Сказок Времени» – «Тетрадь в красном сафьяне». В стихотворениях и поэмах Антокольского исторические личности из этого века довольно частотны.

Фортуна же оказалась удобным образом-медиатором, который дал «поэту-романтику» [17, 95], склонному к эпическим обобщениям, пофантазировать, художественно поиграть с прозаической формой, её возможностями. Развлекательный характер сюжета отнюдь не стоит сбрасывать со счетов, и здесь потенциал жанра, прежде всего в романтическом его изводе, оказался неожиданно востребован советским писателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон Т. Е. «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII–XIX вв.: из истории формулы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 368–377.
2. Абрамзон Т. Е. О «забавной» Фортуне в русской поэзии XVIII века // Юмор и сатира в координатах XXI века. Сб. науч. ст. по мат-лам I Междунар. научно-практ. конф. Варна: Центр за научни изследвания и информация «Парадигма», 2015. С. 5–9.
3. Абрамзон Т. Е. Фортуна-чертовка и другие богини счастья в поэзии Н. Львова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2 (48). С. 199–203.
4. Антокольский П. Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Москва: Худож. лит., 1972. 536 с.
5. Ахмедова С. А. Образ счастья в стихотворениях «на случай» И. М. Долгорукова («На именины» княжны В. П. Волконской) // Студент и наука (гуманитарный цикл) - 2019. Материалы междунар. студенч. научно-практич. конф. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2019. С. 597–600.
6. Большой библейский словарь / под ред. Уолтера Элуэлла и Филипа Камфорты; [пер.: Рыбакова О. А.]. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2005. 1503 с.
7. Горелова М. А. Творчество В. Ф. Ходасевича в культурной парадигме Серебряного века: «Державинский текст»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 24 с.
8. Гуреева С. Е. Своеобразие женских образов из сборника Н. В. Гоголя «Вечера На Хуторе Близ Диканьки» // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. Сб. материалов VI междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2020. С. 114–121.
9. Державин Г. Р. Сочинения / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Г. Н. Ионина. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. 712 с.

10. Драма Д. С. Мережковского «Павел I»: контексты, интертексты, метатексты: коллективная монография / под ред. А.В. Петрова. Магнитогорск: ООО «ВГ Катран», 2017. 182 с.

11. Записки Гавриила Романовича Державина. 1743–1812 / с лит. и ист. примеч. П. И. Бартенева. М.: В Типографии Александра Семена, 1860. 502 с.

12. Кирменева Г. Р. Специфика изображения пространства и времени в сказке А. Погорельского «Черная Курица, или подземные жители» // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. Сб. материалов V междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2019. С. 192–198.

13. Ковпан В. Е. Образ роковой женщины в творчестве Григория Лепса // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. Сб. материалов VI междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2020. С. 298–303.

14. Латкина О. А. Образ ведьмы в произведениях Н. В. Гоголя // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. Сб. материалов VI междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2020. С. 163–166.

15. Левин Л. Чувство пути // Антокольский П. Г. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Сов. писатель, 1982. С. 5–48.

16. Объяснения на сочинения Державина. Санкт-Петербург: В типографии Александра Смирдина, 1834. 253 с.

17. Павловский А. И. Антокольский Павел Григорьевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 1. А–Ж. С. 94–96.

18. Петров А. В. Историческая традиция русской литературы XIX века и драма Д. С. Мережковского «Павел I» (проблема власти): дисс. ... канд. филол. наук. Москва: МПГУ, 1999. 257 с.

19. Петров А. В. Новогодняя поэзия в России: от Тредиаковского до Бенедиктова: Монография. Магнитогорск: МаГУ, 2009. 267 с.

20. Петров А. В. Одическая топика и тема «нового счастья» в оде М. В. Ломоносова «На новый 1762 год» // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 76–92.

21. Петров А. В. «Письмо к супругу в новый 1780 год» Г. Р. Державина и «Письмо Татьяны к Онегину» А. С. Пушкина // Г. Р. Державин и диалектика культур: материалы Международной научной конференции, Казань 11–13 декабря 2014 г. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. С. 105–108.

22. Петров А. В. Поэтика эпиталямических циклов Г. Р. Державина 1790-х годов // *Libri Magistri*. 2015. Вып. 1. С. 25–41.

23. Петров А. В. «Увы, я всего только старый Державин!»: миф о XVIII веке в книге стихов «Блистательный Санкт-Петербург» Н. Я. Агнивцева // Поэтика Г. Р. Державина и литературные диалоги: коллектив. моногр. / под ред. А. Н. Пашкурова, А. Ф. Галимуллиной. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 114–120.

24. Петров А. В. Художественная историософия Г. Р. Державина // *Вестник МаГУ*. 2010. Вып. 12. С. 3–11.

25. Петров А. В., Ганиева М. Н. Два «Павла» // *Libri Magistri*. 2020. № 2 (12). С. 124–136.

26. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том 1. Санкт-Петербург: Изд-во П. П. Сойкина, 1912. 1120 стб.

27. Рудакова С. В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

28. Самолдина С. Р. Концепция счастья в лирике В. В. Капниста // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. 2014. Т. 20. № 5. С. 124–127.

29. <Снегирев И.> Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1–2. Москва: В Университетской Типографии, 1837–1838.

30. Сочинения Державина / с объясн. прим. [и предисл.] Я. Грота. Т. 1–9. СПб.: Имп. Акад. наук, 1864–1883.

31. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3: Проза. Державин. О Пушкине. Москва: Согласие, 1997. 592 с.

32. Цуркан В. В. Г. Адамович о художниках серебряного века // *Libri Magistri*. 2015. № 2. С. 110–114.

33. Черкасов В. А. Историко-биографическое творчество В. Ф. Ходасевича (концепция личности русских писателей XVIII–XIX веков): автореф. дисс. ... докт. филол. на ук. Москва, 2009. 42 с.

34. Шубинский В. И. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий. Москва: Молодая гвардия, 2012. 523 с.

35. Эмблемы и символы / вступ. ст. и коммент. А. Е. Махова. Москва: Интрада, 2000. 368 с.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Blazhen, kto...» v russkoj poezii XVIII–XIX vv.: iz istorii formuly [“Blessed is the one who...” in the Russian poetry of the 18th – the 19th centuries: a history of the poetic formula] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 3 (49). Pp. 368–377.

2. Abramzon T. E. О «zabavnoj» Fortune v russkoj poezii XVIII

veka [About «amusing» Fortuna in the Russian poetry of the 18th century] // Yumor i satira v koordinatah XXI veka [Humour and satire in coordinates of the 21st century]. Sb. nauch. st. po mat-lam I Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Varna: Centr za nauchni izsledvaniya I informaciya «Paradigma», 2015. Pp. 5–9.

3. Abramzon T. E. Fortuna-chertovka i drugie bogini schast'ya v poezii N. L'vova [Fortuna-Besom and other goddesses of happiness in N. L'vov's poetry] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 2 (48). Pp. 199–203.

4. Antokol'sky P. G. Sobr. soch. [Collected works]: V 4 volt. Vol. 3. Moscow: Hudozh. lit., 1972. 536 p.

5. Ahmedova S. A. Obraz schast'ya v stihotvoreniiakh «na sluchaj» I. M. Dolgorukova («Na imyaniny» knyazhny V. P. Volkonskoj) [The image of happiness in occasional poems by I. M. Dolgorukov] // Student i nauka (gumanitarnyj tsykl) – 2019 [Student and Science (humanitarian cycle) - 2019]. Materialy mezhdunar. studentch. nauchno-praktich. konf. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova, 2019. Pp. 597–600.

6. Bol'shoj biblejskij slovar' [Tyndale Bible Dictionary] / pod red. Uoltera Eluella i Filipa Kamforta; [per.: Rybakova O. A.]. St. Petersburg: Bibliya dlya vsekh, 2005. 1503 p.

7. Gorelova M. A. Tvorchestvo V. F. Hodasevicha v kul'turnoj paradigme Serebryanogo veka: «Derzhavinskij tekst» [The work of V. F. Khodasevich in the cultural paradigm of the Silver Age: «Derzhavin's text»]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Samara, 2006. 24 p.

8. Gureeva S. E. Svoeobrazie zhenskikh obrazov iz sbornika N. V. Gogolya «Vechera Na Hutore Bliz Dikan'ki» [The originality of female images from the collection of N. V. Gogol «Evenings On the Farm Near Dikanka»] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature through the eyes of modern youth]. Cifrovaya epoha. Sb. materialov VI mezhdunar. molodezh. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU im. G. I. Nosova, 2020. Pp. 114–121.

9. Derzhavin G. R. Sochineniya [Oeuvre] / Vstup. st., sost., podg. teksta i primech. G. N. Ionina. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2002. 712 p.

10. Drama D. S. Merezhkovskogo «Pavel I»: konteksty, interteksty, metateksty: kollektivnaya monografiya [Drama by D. S. Merezhkovsky «Paul I»: contexts, intertexts, metatexts: collective monograph] / pod red. A. V. Petrova. Magnitogorsk: OOO «VG Katran», 2017. 182 p.

11. Zapiski Gavrila Romanovicha Derzhavina [Notes by Gavrila Romanovich Derzhavin]. 1743–1812 / s lit. i ist. primech. P. I. Barteneva. Moscow: V Tipografii Aleksandra Semena, 1860. 502 p.

12. Kirmeneva G. R. Specifika izobrazheniya prostranstva i vremeni v skazke A. Pogorel'skogo «Chernaya Kurica, ili podzemnye zhiteli» [The specifics of the image of space and time in the tale of A. Pogorelsky «Black Chicken, or underground residents»] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature through the eyes of modern youth]. Cifrovaya epoha. Sb. materialov V mezhdunar. molodezh. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU im. G. I. Nosova, 2019. Pp. 192–198.

13. Kovpan V. E. Obraz rokovej zhenshchiny v tvorchestve Grigoriya Lepsa [The image of a fatal woman in the work of Grigory Leps] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature through the eyes of modern youth]. Cifrovaya epoha. Sb. materialov VI mezhdunar. molodezh. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU im. G. I. Nosova, 2020. Pp. 298–303.

14. Latkina O. A. Obraz ved'my v proizvedeniyah N. V. Gogolya [The image of a witch in the works of N. V. Gogol] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature through the eyes of modern youth]. Cifrovaya epoha. Sb. materialov VI mezhdunar. molodezh. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU im. G. I. Nosova, 2020. Pp. 163–166.

15. Levin L. Chuvstvo puti [Feeling the Way] // Antokol'sky P. G. Stihotvoreniya i poemy. Leningrad: Sov. pisatel', 1982. Pp. 5–48.

16. Ob'yasneniya na sochineniya Derzhavina [Explanations for Derzhavin's works]. St. Petersburg: V tipografii Aleksandra Smirdina, 1834. 253 p.

17. Pavlovsky A. I. Antokol'sky Pavel Grigor'evich // Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: biobibl. slovar': v 3 t. / pod red. N. N. Skatova. Moscow: OLMA-PRESS Invest, 2005. T. 1. A–ZH. Pp. 94–96.

18. Petrov A. V. Istoricheskaya tradiciya russkoj literatury XIX veka i drama D. S. Merezhkovskogo «Pavel I» (problema vlasti) [The historical tradition of Russian literature of the 19th century and the drama of D. S. Merezhkovsky «Paul I» (the problem of power)]: diss. ... kand. filol. nauk. Moscow: MPGU, 1999. 257 p.

19. Petrov A. V. Novogodnyaya poeziya v Rossii: ot Trediakovskogo do Benediktova [New Year's poetry in Russia: from Trediakovsky to Benediktov]: Monografiya. Magnitogorsk: MaGU, 2009. 267 p.

20. Petrov A. V. Odicheskaya topika i tema «novogo schast'ya» v ode M. V. Lomonosova «Na novyj 1762 god» [Odic topoi and theme of “New Happiness” in the ode of M. V. Lomonosov “For new 1762”] // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). Pp. 76–92.

21. Petrov A. V. «Pis'mo k suprugu v novyj 1780 god» G. R. Derzhavina i «Pis'mo Tat'yany k Oneginu» A. S. Pushkina [«Letter

to a husband in the New year 1780» by G. R. Derzhavin and «Tatyana's Letter to Onegin» by A. S. Pushkin] // G. R. Derzhavin i dialektika kul'tur [G. R. Derzhavin and dialectics of cultures]: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Kazan' 11–13 dekabrya 2014 g. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2014. Pp. 105–108.

22. Petrov A. V. Poetika epitalamicheskikh ciklov G. R. Derzhavina 1790-h godov [Poetics of the epithalamic cycles of G. R. Derzhavin in the 1790s] // Libri Magistri. 2015. Vyp. 1. Pp. 25–41.

23. Petrov A. V. «Uvy, ya vsego tol'ko staryj Derzhavin!»: mif o XVIII veke v knige stihov «Blistatel'nyj Sankt-Peterburg» N. Ya. Agniveva [«Alas, I am only old Derzhavin!»: the myth about the 18th century in the book of verses «Brilliant St. Petersburg» of N. Ya. Agnivev] // Poetika G. R. Derzhavina i literaturnye dialogi: kollektiv. monogr. [G. R. Derzhavin's poetics and literary dialogues: collective monograph] / pod red. A. N. Pashkurova, A. F. Galimullinoy. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2017. Pp. 114–120.

24. Petrov A. V. Hudozhestvennaya istoriosofiya G. R. Derzhavina [Artistic historiosophy of G. R. Derzhavin] // Vestnik MaGU [MSU Bulletin]. 2010. Vyp. 12. Pp. 3–11.

25. Petrov A. V., Ganieva M. N. Dva «Pavla» [The two «Pavels»] // Libri Magistri. 2020. № 2 (12). Pp. 124–136.

26. Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij enciklopedicheskij slovar' [Full Orthodox theological encyclopedic dictionary]. Tom 1. St. Petersburg: Izd-vo P. P. Sojkina, 1912. 1120 p.

27. Rudakova S. V., Regeci I. K voprosu izucheniya fenomena schast'ya [On studying the phenomenon of Happiness] // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 49–75.

28. Samoldina S. R. Konceptiya schast'ya v lirike V. V. Kapnisty [The concept of happiness in the lyrics of V. V. Kapnist] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2014. T. 20. № 5. Pp. 124–127.

29. <Snegirev I.> Ruskie prstonarodnye prazdniki i suevernye obryady [Russian common holidays and superstitious rites]. Vyp. 1–2. Moscow: V Universitetskoj Tipografii, 1837–1838.

30. Sochineniya Derzhavina [Works of Derzhavin] / s o'yasn. prim. [i predisl.] Ya. Grot. T. 1–9. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk, 1864–1883.

31. Hodasevich V. F. Sobranie sochinenij [Collected works]: V 4 vol. Vol. 3: Proza. Derzhavin. O Pushkine. Moscow: Soglasie, 1997. 592 p.

32. Tsurkan V. V. G. Adamovich o hudozhnikah serebryanogo veka [G. Adamovich on Silver Age Artists] // Libri Magistri. 2015. № 2.

Pp. 110–114.

33. Cherkasov V. A. Istoriko-biograficheskoe tvorchestvo V. F. Hodasevicha (konceptciya lichnosti russkikh pisatelej XVIII–XIX vekov) [Historical and biographical work of V. F. Khodasevich (concept of personality of Russian writers of the XVIII–XIX centuries)]: avtoref. diss. ... dokt. filol. na uk. Moscow, 2009. 42 p.

34. Shubinsky V. I. Vladislav Hodasevich: Chayushchij I govoryashchij [Vladislav Khodasevich: longing for and speaking]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2012. 523 p.

35. Emblemy i simvol'y [Emblems and symbols] / vstup. st. i komment. A. E. Mahova. Moscow: Intrada, 2000. 368 p.

BIOGRAPHICAL PHANTASMAGORIC NOVELLA
«IN MOSCOW ON MASLENITSA» BY P. G. ANTOKOLSKY:
«MYTH ABOUT DERZHAVIN» AND THE IMAGE
OF FORTUNE GODDESS

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, Professor,
Department of Linguistics and Literary,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article analyzes the post-romantic novella by the Soviet writer P. G. Antokolsky about one of the episodes in G. R. Derzhavin's life and the creation of his ode-satire «Na Schastie». According to the author's hypothesis, Antokolsky forms the «biographical myth» about the poet using: firstly, V. F. Khodasevich's concept in his book «Derzhavin»; secondly, the poetics of romantic fantastic novella genre; thirdly, his many years of experience in artistic and scientific comprehension of History, its laws, as well as events and personalities of the Russian and European XVIII century. A kind of symbol of this era becomes the Goddess of Happiness of Latin mythology – Fortune. In the fantastic plot of the novella, she «seduces» Derzhavin, appearing in the guise of a charming gypsy, takes him to a journey around the world and to the revolutionary Paris of 1789, to the house of the French playwright Beaumarchais as well, where Derzhavin confronts Emelian Pugachev. These three iconic personalities of the 18 century are united, in the concept of Antokolsky, by the love of Fortune for them. They are adventurers and plebeians, «small people» who, thanks to Chance and their own character, have achieved the possible heights in their lives. During the analysis the «metatext of Fortune» is reconstructed– the most

Derzhavin's and his correspondents revealing statements in correspondence of the «Moscow period» (November 1788 – June 1789) about happiness and misfortune; changes in human lives; the participation of Higher and earthly power; about the card game and money.

Keywords: P. G. Antokolsky, G. R. Derzhavin, ode «Na Schastie», Fortune, biographical myth, V. F. Khodasevich, novella, fantastic fiction

Для цитирования: Петров А. В. «Державинский миф» и образ богини Фортуны в биографической новелле-фантазмагории «В Москве на Масленой» П. Г. Антокольского // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 120–147.

Поступила в редакцию 25.01.2021

С. В. Рудакова

ББК 83.3(2)

УДК 82.94

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_148

С. В. Рудакова¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
rudakovamsu@mail.ru*

«КРЫЛАТЫЙ СЧАСТЬЯ МИГ...»: ФЕНОМЕН СЧАСТЬЯ В ЛИРИКЕ К. Н. БАТЮШКОВА²

В центре внимания статьи – анализ поэтического мира К. Н. Батюшкова, выявление своеобразия представлений о счастье этого поэта. Используя мотивный, герменевтический, статистический анализ (проанализирована лексема счастье из лирики этого русского поэта-романтика на основе данных из поэтического корпуса русского языка), выявлены особенности понимания счастья в лирике Батюшкова, рассмотрена динамика изменений представлений о счастье этого поэта. Акцентируется внимание на важнейшей особенности поэтического мира Батюшкова – двойственности. И проявляется она не только в том, что он поэт, сформированный одновременно под влиянием и эпохи XVIII века, с ее строгими правилами, и Александровского времени, с его духом вольности. Двойственность Батюшкова проявляется и в парадоксальном соединении в его творчестве гедонистического, эпикурейского, жизнерадостного отношения к жизни, сближающего его, например, с французским элегиком Э. Парни, с трагическим отношением к миру, связанным с пониманием кратковременности жизни, мимолетности счастья. Сделан статистический анализ частотного употребления лексемы счастье/счастье в лирике А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, Е. А. Боратынского и К. Н. Батюшкова. Это позволило увидеть, что слово счастье, не будучи представленным среди 20 активно используемых Батюшковым слов, тем не менее в частотном плане использования оказывается максимально представленным именно

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

в его поэзии по сравнению с творчеством названных современников автора. Выявлено влияние легкой поэзии на формирование художественного мира Батюшкова, показана связь этого поэта с просветительским отношением к жизни и счастью. Рассмотрено влияние на Батюшкова эвдемонических (берущих начало в античной философии) представлений о счастье, показано, что очень часто это явление оказывается соотносимо с аксиологическими категориями, прежде всего с понятием совесть.

Ключевые слова: К. Н. Батюшкова, поиски счастья, легкая поэзия, гедонизм, эпикуреизм, эвдемонизм, мечта, страдание, «Блажен, кто...»

Вступление

Константин Николаевич Батюшков – один из тех поэтов, кто наряду с В. А. Жуковским стоял у истоков русского романтизма. В сознании современников он, в первую очередь, воспринимался как продолжатель традиций «легкой поэзии» [12], как предводитель анакреонтической лирики [20]. Его, как в последующем другого романтика Е. А. Боратынского, часто сопоставляли с французским элегиком Эваристом Парни [19], называя «русским Парни» или, как это делал П. А. Вяземский, «Парни Николаевичем». Обусловлено это не только тем, что Батюшков переводил много произведений из творчества французского поэта, но и тем, что отличающиеся особой тематикой, легкостью звучания, наполненные жизненной энергии стихотворения Парни оказывались в какой-то момент времени во многом созвучными творениям русского автора.

Вообще личность и творчество Батюшкова – явление во многом противоречивое в истории русской культуры. Для многих читателей Батюшков прежде всего связан с культом гедонистических удовольствий, определяется это тем фактом, что целый ряд своих стихотворений русский романтик посвятил воспеванию земных удовольствий. Именно в таком ракурсе воспринимал Батюшкова юный А. С. Пушкин: «Философ резвый и пиит, / Парнасский счастливый ленивец, / Харит изнеженный любимец...» [16, I, 72]. Однако эстетическая позиция Батюшкова много сложнее обычного гедонизма.

Стоит взять во внимание то, что поэт принимал участие в нескольких военных кампаниях, в том числе в заграничном походе на Наполеона 1813–1814 гг., увидел непарадную сторону войны, не раз смотрел смерти в лицо. В творчестве этого автора можно обнаружить немало страниц, посвященных драматичным моментам истории, вызывающим совсем нерадостные мысли. Именно Батюшкову

принадлежат глубоко трагические размышления о событиях французской революции и последующих катастрофических изменениях, произошедших в обществе, мысли эти звучат даже в наше время обнаженно остро и актуально. Так, в 1811 году он писал Н. И. Гнедичу: «И вот передо мной лежит на столе третий том *Esprit de l'histoire, par Ferrand* [Дух истории Феррана (франц.)], который доказывает, что люди режут друг друга затем, чтоб основывать государства, а государства сами собою разрушаются от времени, и люди опять должны себя резать и будут резать, и из народного правления всегда родится монархическое, и монархий нет вечных, и республики несчастнее монархий, и везде зло, а наука политики есть наука утешительная, поучительная, назидательная... и еще бог знает что такое! Я закрываю книгу. Пусть читают сии кровавые экстракты те, у которых нет ни сердца, ни души» [3, 136].

Все это заставило Г. А. Гуковского в характеристике своеобразия художественного мира Батюшкова выйти на такое обобщение: «Батюшков – поэт еще более трагический, чем Жуковский. Это – поэт безнадежности. Он не может бежать от мира призраков и лжи в мир замкнутой души, ибо не верит в душу человеческую, как она есть; душа человека для него – такая же запятнанная, загубленная, как и мир, окружающий ее» [11, 165.].

Жизнь К. Н. Батюшков по какой-то жестокой прихоти судьбы будто бы раскололась на 2 части. С первым периодом связана история влетов, открытий, находок и ошибок, время славы, когда, оказавшись на русском литературном Олимпе, поэт заставил образованное русское общество говорить о своих произведениях, обсуждать свое творчество. Но время и возможности, ему отпущенные, не позволили достичь совершенства, максимума в творческой эволюции. И современники, и сам Батюшков осознавали, что он был скорее лишь в середине своего славного поэтического пути. С этим ощущением Батюшков, уже предчувствуя наступление болезни, поделился в разговоре со своим ближайшим другом в 1821 году, сравнивая собственное творчество с красивым сосудом, который так и не был доставлен по месту назначения: «Что писать мне и говорить о стихах моих? Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было!» [8, 481]. А. С. Пушкин в 1825 году споре о Батюшкове с А. Бестужевым и К. Ф. Рылевым встал на защиту поэта, заявив: «...уважим в нем несчастья и не созревшие надежды» [16, XIII, 134].

Второй период Батюшкова связан с мрачным безумием. В возрасте тридцати четырех лет, на пике своего духовного развития, поэт оказался пораженным неизлечимой психической болезнью. Он пробыл на свете ещё ровно столько же в сумеречном состоянии, пережив своих современников, будучи оплаканным ими заживо. Будто жестоко играя с ним, судьба давала Батюшкову возможность осознать, кто он и что с ним произошло. В редкие минуты таких просветлений он во всей полноте ощущал трагедию своего настоящего и обречённость будущего. Сохранились высказывания поэта периодов его временных возвращений к осознанному бытию; так, его врач, Антон Дитрих, зафиксировал в своих записях произнесённые вслух мысли Батюшкова о собственной жизни: «Это сказка о сказке одной сказки». Казалось, что эти моменты просветления давались поэту, чтобы он констатировал собственную гибель: «Меня уже нет на свете» (страшное прозрение Батюшкова, поражённого страшным недугом).

Своеобразным подведением итогов земной истории Батюшкова стало произведение, написанное им ещё в Италии в 1821 году, когда уже началась активная борьба с болезнью, но при этом ещё оставалась смутная надежда на то, что он сумеет с недугом справиться. Именно тогда поэт написал стихотворение, которое спустя 34 года, проведенные им в состоянии безумия, он воспроизведет на грифельной стене рядом со своей постелью. Речь идет о произведении «Изречение Мельхиседека» («Ты знаешь, что изрек...»). Это произведение, сопоставимое по содержанию с пушкинским стихотворением «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», можно рассматривать как сообразное завещание поэта, выразившего в этом тексте всю глубину отчаяния и беспросветного пессимизма, которые лишили Батюшкова прежней эпикурейской радости и возможности наслаждаться жизнью и гедонистическими удовольствиями. В этом стихотворении в концентрированной форме проявились эстетические и художественные особенности позднего творчества. Неслучайно, говоря об этом произведении, Д. Д. Благой дал ему определение «как поистине могильной плиты» в творчестве поэта. [6, 734].

Среди важных характеристик поэтического мира Батюшкова, которые обращают на себя внимание, – его двойственность, что определяется в том числе эстетической позицией поэта, сформированной, с одной стороны, под влиянием XVIII века, эпохи строгих правил, а с другой стороны, под воздействием нового александровского времени, отличающегося духом свободомыслия. Двойственность Батюшкова и в другом. В его лирике обнаруживаются легкость, беспечность, эпикуреизм, его лирический герой способен

ценить человеческое земное счастье, он обращен душою и мыслью к Фортуне, готов наслаждаться жизнью. Не случайно в поэзии Батюшкова одно из слов, активно им используемых, – это *счастье*, хотя, как отмечают Н. Л. Васильев и Д. Н. Жаткин, среди 20 «наиболее активных полнозначных слов в поэзии» [8, 17] этого автора данное слово не используется. Но при этом поэзию Батюшкова отличает трагичность, которая с годами лишь усиливается, приводя поэта к размышлению не столько о счастье, сколько о несчастье человека как жизненном уделе. Так, А. Ю. Сергеева-Кляпис, отмечает двойственность творчества Батюшкова и называет его «певцом радости» – «поэтом безнадежности» [21].

Если проанализировать частотную активность использования лексемы «счастье» у знаковых поэтов первой трети XIX века, то обнаружим, что наиболее востребованным оно оказывается именно у Батюшкова (см. таб. 1.)

Для поэтического корпуса К. Н. Батюшкова найдено: 172 документа, 34 879 словоупотреблений, а поиск лексемы «счастье» в поэтическом корпусе Батюшкова даёт 30 документов и 48 словоформ, лексемы «счастье» соответственно – 18 документов и 21 словоформу.

Для поэтического корпуса А. С. Пушкина найдено: 927 документов, 195 572 словоупотребления, а поиск лексемы «счастье» в поэтическом корпусе Пушкина даёт 62 документа и 86 словоформ, лексемы «счастье» соответственно – 23 документа и 26 словоформ.

Для поэтического корпуса В. А. Жуковского найдено: 701 документов, 347 067 словоупотреблений, а поиск лексемы «счастье» в поэтическом корпусе Жуковского даёт 121 документ и 201 словоформу, лексемы «счастье» соответственно – 60 документов и 80 словоформ.

Для поэтического корпуса А. А. Дельвига найдено: 205 документов, 28 428 словоупотреблений, а поиск лексемы «счастье» в поэтическом корпусе Батюшкова даёт 24 документов и 33 словоформы, лексемы «счастье» соответственно – 10 документов и 14 словоформ.

Для поэтического корпуса Е. А. Боратынского найдено: 247 документов, 39 641 словоупотреблений, а поиск лексемы «счастье» в поэтическом корпусе Батюшкова даёт 42 документа и 57 словоформ, лексемы «счастье» соответственно – 15 документов и 17 словоформ.

Табл. 1: количество словоупотреблений (КСУ), частота – абсолютная частотность употребления существительных в словоформах (по данным поэтического корпуса русского языка ¹ (ПКРЯ)), сокращение ОЧ_10Т означает: средняя относительная частотность (ОЧ) лексемы, приходящаяся на 10 тысяч (10Т) словоупотреблений поэтического текста (см. подробнее о характере таких подсчетов [14, 48])².

Поэт	Пушкин	Жуковский	Дельвиг	Боратынский	Батюшков
счастье + счастье (частота)	86+ 26= 112	201+80= 281	33+14= 47	57+17=74	48+21= 69
КСУ в ПКРЯ	195572	347067	28428	39641	34879
ОЧ_10Т счастье	5,73	8,09	16,53	18,66	19,78

К. Н. Батюшков – один из тех русских поэтов, кто задумывается над вопросом, что есть человеческое счастье, как можно его обрести, в чем оно заключается, можно ли его удержать.

Можно утверждать, что именно Батюшков ввел в русскую поэзию образ лирического героя, являющего собою персонификацию представлений автора о жизни и её важнейших явлениях. И среди значимых особенностей лирического героя ранней лирики Батюшкова – эпикурейство, олицетворившее в понимании поэта важнейшие ценности жизни. Тусклому, лишенному радостных красок существованию Батюшков противопоставил свою мечту о другой жизни, в центре её – личность совершенная, яркая и прекрасная, открытая миру, ценящая радость и веселье. В отличие от В. А. Жуковского, чья романтическая мечта о гармоничной идеальной жизни окутана таинственностью и облечена в мелодичные напевы, Батюшков представлял свою мечту в грациозных, изящных, пластических формах, образцом которых было для него искусство эпохи «детства человечества». Именно в античности находил Батюшков образцы идеальных взаимоотношений между человеком и миром.

¹ ПКРЯ – подкорпус национального корпуса русского языка (НКРЯ), появился относительно недавно, в 2006 (см. подробнее [10]).

² Мы выражаем благодарность Я. М. Марголису за сравнение статистических данных по лирике К. Н. Батюшкова, полученных в результате анализа ПКРЯ, с данными, полученными методом сплошной выборки.

Подлинно гармонический человек, представший в поэтическом воображении молодого Батюшкова, был способен бурно проявлять свои эмоции, с радостью предаваться чувственным наслаждениям, не забывая и о духовных. Чем больше удовольствия получал от жизни человек, тем, по мнению поэта, совершеннее и прекраснее он становился, тем очевидней была его связь с миром счастья. Но жестокая и аморальная действительность убивает лучшие побуждения души, не давая возможности наслаждаться красотой природы, искусством, духовностью человека, независимо от его положения в обществе, связей, богатства, занимаемых чинов.

Уже в ранний период творчества Батюшкова, если вчитаться в поэтические строки его произведений, изучить его эпистолярное наследие, обнаруживается, что не все было так радостно. В образе поэта, каким он предстает и в жизни, и в поэзии первого периода, угадываются прототипические черты литературного героя, которые станут для романтиков, а позже и для реалистов самым востребованным литературным типом, речь идет о преждевременно духовно состарившемся человеке, разочарованном, духовно неудовлетворенном жизнью. Приметами подобного героя стали такие черты, как «изношенность души», скука, охота к перемене мест, разочарованность, стремление к уединению даже среди рассеяний света (все то, что мы обнаруживаем в многочисленных характеристиках Батюшкова, как и в автопортретах). По сути дела, этот психологический комплекс составил основу психологического портрета и такого важного для русской литературы типа героя, как лишний человек. То есть Батюшков стал в какой-то степени протечей онегинского типа в русской литературе.

Батюшков, анализируя свое творчество, себя, создает собственный автопортрет, в котором акцентирует внимание на двойственности, проявляемой в различных моментах: «Ему около тридцати лет. Он то здоров, очень здоров, то болен, при смерти болен. Сегодня беспечен, ветрен, как дитя; посмотришь, завтра ударился в мысли, в религию и стал мрачнее инок... Он перенес три войны и на биваках был здоров, в покое – умирал. В походе он никогда не унывал и всегда готов был жертвовать жизнью с чудесною беспечностью, которой сам удивлялся – в мире для него все тягостно, и малейшая обязанность, какого бы рода ни была, есть свинцовое бремя... Он служил в военной службе и в гражданской... Обе службы ему надоели, ибо поистине он не охотник до чинов и крестов. А плакал, когда его обошли чином и не дали креста... Он иногда удивительно красноречив: умеет войти, сказать; иногда туп,

косноязычен, застенчив. Он жил в аде; он был на Олимпе... Он благословен, он проклят каким-то гением... В нем два человека... белый и черный... оба живут в одном теле» [7, 424].

Батюшков, принимая романтический взгляд на мир, понимал, как далека реальность от идеала. Осознавая слабость человека, он в попытке укрыться от несправедливой и жестокой действительности придумал, по его собственным словам, «маленькую философию». В ней он парадоксальным образом соединил скептицизм философов-просветителей, прежде всего Монтеня и Вольтера (см. подробнее [1; 2; 15; 17], с чувствительностью, которую усвоил из легкой поэзии, гедонизмом, воспринятым из культуры и философии античности, с эвдемонизмом, берущим свое начало в работах Сократа и Аристотеля [13], доказывающим, что счастье – это категория прежде всего этическая, и привести к счастью может добродетель и мудростью [13, 156]. Создав особый образ личного счастья, Батюшков вслед за Сократом и Аристотелем, с одной стороны, а с другой – идя по пути сентименталистов, прежде всего Н. М. Карамзина, высказывал надежду, что подлинное наслаждение жизнь и истинное счастье может познать тот, кто далек от блеска и роскоши света, кто не гонится за материальными удовольствиями, а имеет добродетельную душу.

Близость представлений Батюшкова о счастье эвдемонической философии античных мыслителей обнаруживается в его стихотворении 1810 г. «Счастливец», где напрямую оказываются взаимосвязаны состояния счастья и совесть (об этом см. подробнее [18]):

Душ великих сладострастье.
Совесть! зорки й страж сердец!
Без тебя ничтожно *счастье*¹.
Гибель – злато и венец [5, 142]!

«Нечистая совесть спать не дает, а чистая совесть – постоянный праздник и *счастье*» [17, 56].

Представления о ценности личности связываются у Батюшкова не столько с его местом на государственной иерархической лестнице, как это было в классицизме, не с соотносённостью жизненных позиций человека с общепринятыми нормами, как того требовал сентиментализм, а с богатством внутреннего мира личности. «Просвещенная личность одновременно и противостоит господствующим моральным нормам, и воплощает в себе

¹ Курсив здесь и далее в цитатах из стихотворений К. Н. Батюшкова мой.

положительные начала прогресса и процветания». Человек нашёл идеал в самом себе, сделав свой внутренний мир мерой ценности, определяющей его жизнь. Вот почему в мире поэта герой ищет уединения от светской жизни, предпочитает дворцам и палатам «родное гнездо» и шалаш, увеселениям и праздникам – скромную обстановку и домашний очаг.

«Маленькая философия» Батюшкова выражала разочарование в свете, в суетной действительности, но она же предполагала, что личное счастье вполне доступно одинокой личности в мечтах, в уединении от окружающей среды, в погружении в мир высоких духовных и культурных интересов. Чувствительная и гуманная личность, считал поэт, способна создать вдали от пустых эгоистических забот и корыстных расчётов свой прекрасный, наполненный цветами, искусством, любовью, дружбой особый уголок, где она будет восторгаться, наслаждаться духовными радостями и наполняться счастьем.

В ранней лирике Батюшков задумывается и о том, что для разных людей счастье может соотноситься с различными проявлениями бытия. И в ряде стихотворений герой Батюшкова, поэт, оказавшись перед выбором – земное счастье и материальные блага или возможность следовать своему поэтическому призванию, дарующему духовные и эмоциональные удовольствия, делает выбор в пользу последнего:

На жизненном пути ему дарует Гений
Неиссякаемый источник наслаждений
В замену *счастья* и скудных мира благ:
С ним муза тайная живет во всех местах [5, 127]
(«Ты прав, любимец муз! От первых впечатлений...»
(«Послание И. М. Муравьеву-Апостолу», 1814–1815))

Появляется у Батюшкова и ряд стихотворений, в которых представлена концепция счастья людей, погруженных в суетные заботы о материальном довольстве, о светских успехах. Счастье этих людей для поэта и его лирического героя кажется мнимым, пустым:

О ты, который при дворе,
В чаду успехов или *счастья*,
Найти умел в одном добре
Души прямое сладострастье [5, 117]!
(«О ты, который средь обедов...» («Послание
к Тургеневу», 1816));
В богатстве ль *счастье*? В нем призрак, тщетный вид [5, 72]!

(«Напрасно осыпал я жертвенник цветами...»
(«Тибуллова элегия III», 1809)).

Истинное же счастье в ранней лирике Батюшкова соотносится с миром гедонистических удовольствий, связано оно, прежде всего, с миром любви, ассоциируется с возлюбленной:

Счастлив! счастлив, кто цветами
Дни любви украшал,
Пел с беспечными друзьями,
А о *счастии*... мечтал!
Счастлив он, и втрое боле,
Всех вельможей и царей [5, 125]!

(«К Петину», 1810);

Пой, любимец *счастья*,
Пока веселы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны...[5, 120]

(«Прости, балладник мой...» («К Жуковскому», 1812));
И рвал в чужбине *счастья* розы
С красавицей другой [5, 135]

(«Гусар, на саблю опираясь...» («Разлука», 1812–1813));
Всем жертвовать тебе, гордиться лишь тобой,
Блаженством дней твоих и милыми очами,
Признательность твою и *счастье* находить
В речах, в улыбке, в каждом взоре,
Мир, славу, суеты протекшие и горе,
Всё, всё у ног твоих, как тяжкий сон, забыть [5]
(«Я чувствую, мой дар в поэзии погас...» («Элегия», 1815)).

Во многих ранних стихотворениях Батюшкова в характеристике счастья обнаруживается следование романтическим представлениям о счастье, потому счастье оказывается связано не только с наслаждением, но и с мечтой. Уже в своих первых произведениях поэт высказывает мысли относительно кратковременности счастья, но это пока его не пугает, а напротив, заставляет ценить каждое её мгновение, особенно то, что связано с весельем, потому герой Батюшкова выражает страстное желание отдаться мечте и вкушать радость жизни, успеть получить от неё удовольствие:

И так *мечтанием* бываем к *счастью* ближе [5, 204]

(«Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях...»
(«Послание к Н. И. Гнедичу», 1805));

Не долго нам и в *счастьи* жить!
Не долго – но печаль забудем,
Мечтать во сладкой неге будем:
Мечта – прямая *счастья* мать! <...>
Какое *счастье*! Вакх веселый
Густое здесь вино нам льет [5, 461]
(«Подайте мне свирель простую...» («Совет друзьям»,
(1806));

Дни любви украшал,
Пел с беспечными друзьями,
А о *счастьи*... *мечтал*!
Счастлив он, и втрое боле,
Всех вельможей и царей! [5, 125]
(«О любимец бога брани...» («К Петину», 1810)).

Счастье для Батюшкова в ранней лирике соотносится с миром поэтов, способных исполнить свое предназначение и испытывать наслаждение от реализации своего дара, их счастье – в игнорировании внешней суеты и погруженности в мир своей души (потому определяются они как «ленивцы»), в напряженной духовной работе, в удовольствии от использования по максимуму способности мыслить и творить:

Но *счастью певцов*
Удел есть скромна сень, мир, вольность и спокойство.
Души поэтов свойство:
Идя забвения тропой,
Блаженство находить мечтой [5, 475]
(«Мечта», 1802–1803);

Какое *счастье*, милый брат!
Я буду в *мудрости соперник Пифагора*!
Какое *счастье*! десять лет
Я стану есть траву и нем как рыба буду;
Но *красноречья дар*, конечно, не забуду [5, 149]
(«Объехав свет кругом...» («Странствователь и домосед»,
1814–1815)).

Для Батюшкова залогом счастья часто оказываются неспешность, покой, несуетность:

Беспечные *счастливицы*,
Философы – ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!

Придите в час беспечный
Мой домик навестить –
Поспорить и попить! [5, 113]

(«Мои пенаты», 1811).

В своем в чем-то шутилом, в чем-то серьезном «Похвальном слове сну», которое можно рассматривать как апологию лени и беспечности (это своего рода прототипическая основа знаменитой лени Обломова), Батюшков создает аллегорический образ счастливого баловня Фортуны. Он представлен в одном из эпизодов как младенец, мирно спящий на краю колодца (бездны): «Спи же, малютка! пока страсти и люди, ненавистники сна, не лишили тебя способности спать и пока Фортуна поддерживает тебя благодетельною рукою на краю зияющей бездны! [5, 355]. В этой картине ощущается поэтизация покоя, через нее утверждается мысль, что именно таким людям благоволит Фортуна, защищая от жесткого мира; но в контексте описаний угадывается и то, что в поздних произведениях автора станет определяющим: страх перед бездной, ощущение незащищенности перед миром (если судьба прихотливо изменит свое отношение к человеку).

Счастье мыслится Батюшковым и как одна из ипостасей свободы:

Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой [5, 89]
(«Мой друг! я видел море зла...» («К Дашкову», 1813));
Яснеет солнца свет,
Всё славит *счастье* и *свободу* [5, 91]
(«Пленный», 1814)

Покой, как и уединение, рассматриваются лирическим героем Батюшкова в качестве своего рода залога счастья:

Уединение, источник благ и *счастья*!
Места любимые! [5, 138]
(«Могольцу снилися жилища Елисейски...» («Сон могольца: Баснь», 1808).

Однако мечтая и стремясь к счастью, поэт уже в ранней лирике осознает краткость земной жизни человека и мимолетность счастья:

Как *счастье* медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит! [5, 206]
(«Как счастье медленно приходит...» («Элегия», 1804-1805));

Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни *счастье*? [5, 97]
 («Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?»
 («К другу», 1815));
За крылатый *счастья* миг! [5, 123]
 («О любимец бога брани...» («К Петину», 1810));
Ах! не долго веселиться
И не веки в *счастьи* жить! <...>
«Часы крылаты! не летите,
И *счастье* мигом хоть продлите!» [5, 79]
 («Вы, други, вы опять со мною...» («Веселый час», 1809–
 1810)).

В послании «Мои пенаты», обращенном к П. А. Вяземскому и В. А. Жуковскому, автор призывает друзей забыть, хотя бы на миг, о неотвратимости смерти, о беге времени, насладиться поэзией, дружбой, любовью, окунуться в счастье:

Мои друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы [1934, 114].

Тема веселья и счастья в ранней лирике часто оказывается связана с темой смерти. Обусловлено это было многими факторами, но один из них – то, что маленькая философия Батюшкова была сосредоточена на личном счастье, на личных чувствах, в кругу земных забот отдельной личности. Потому рано или поздно должен был возникнуть вопрос о конце земных радостей человека, о смерти, которая должна неминуема настичь наслаждающегося жизнью счастливецца.

Но мысль о смерти в ранней лирике Батюшкова не только не омрачает радость жизни лирическому герою, но заставляет его вдвойне дорожить. Для поэта характерно неверие в загробную жизнь в отличие от Жуковского:

Умру, друзья, и все со мной [5, 462]
 («Совет друзьям», 1806);
Час *блаженнейший*!

Но ах! Мертвые не воскрешают [5, 71]
(«Привидение», 1810).

Само неверие в загробную жизнь по просветительской идеологии ещё более повышало ценность земного существования [1; 2; 15]. Потому близка поэзии Батюшкова интерпретация П. И. Шаликовым философии Эпикура: «Эпикур особенно старался рассеять ужас смерти. Ежели вы счастливы, ежели вы прожили во всяком довольстве, то чего вы ожидаете?! Оставьте жизнь так, как оставляют пир...» Тема смерти и тема наслаждения оказываются нередко у Батюшкова в его произведениях рядом («Ответ Гнедичу», «Привидение», «Мои пенаты» и др.).

Однако уже в эпикурейской лирике Батюшкова сквозь «розы сладострастья» проглядывал тот внутренний трагизм, что станет определяющим в позднем творчестве поэта и который так и не был понят современниками поэта; картины веселья сменяются вдруг сценами, рождающими чувство опустошенности и даже какого-то ужаса:

Сердце наше кладезь мрачной:
Тих, покоен сверху вид.
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит [5, 142]
(«Счастливцев», 1810).

Образ «крокодила», живущего в сердце человеческом, заимствован автором у Шатобриана, однако смысл этого образа им углублен. В контексте стихотворения он символизирует скрытую трагедию человека.

Счастье предстает состоянием скорее неуловимым, воображаемым, чем реальным:

И так мечтанием бываем к *счастью* ближе,
А *счастье* лишь там живет,
Где нас, безумных, нет.
Мы сказки любим все, мы – дети, но большие [5, 204]
(«Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях...» («Послание к Н. И. Гнедичу», 1805)).

Чем старше становится поэт, тем чаще он задумывается о коварной неуловимости счастья, едва прикоснувшись к нему, человек вновь его теряет. Потому в трактовке счастья в лирике Батюшкова все чаще ощущается трагичность, обусловленная осознанием невозможности достичь и удержать счастье:

За *счастьем* мы бежим, но редко достигаем,
Бежим за ним вослед – и в пропасть упадем [5, 193]!
(«Решилась, Хлоя, ты со мною удалиться...» («Послание к Хлое:
Подражание», 1804–1805);

И в любви, и на войне
Время жизни в скуке трачу
(За крылатый *счастья* миг!) [5, 123]
(«К Петину», 1810);

Как снова *счастье* мне коварно изменило
В любви и дружестве... во всем... [5, 452]
(«Я чувствую, мой дар в поэзии погас...» («Элегия»,
1815)).

Заключение

Жизнь поэта, как и его творчество (это касается и образной, и мотивной, и эмоциональной сферы), оказалась между двумя полюсами: с одной стороны, счастье, наслаждение, страсть, с другой – несчастье, разочарование, равнодушие, безразличие. Чем старше становился поэт, тем острее он это осознавал и яростней пытался найти способ преодолеть скуку, вырваться из объятий несчастья и снова обрести возможность быть счастливым, снова научиться вкушать радость и получать от всего происходящего вокруг удовольствие. Но все чаще несчастья, скука воспринимались поэтом как некий удел, как норма обыденной жизни. А потому преодоление их стало ассоциироваться с преодолением самой действительности, подчинившей человека своей воле. Однако подобное ни самому поэту, ни его лирическому герою осуществить не удалось. Счастье, такое осязаемое в начале творческого пути Батюшкова, в финале его поэтической судьбы воспринималось им как неуловимое, ускользающее или же вообще недостижимое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // *Libri Magistri*. 2015. Вып. 1. С. 117–125.
2. Абрамзон Т. Е. «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII–XIX вв.: из истории формулы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 368–377.
3. Батюшков К. Н. Сочинения под ред. Л. Н. Майкова. Т. III. Письма. Санкт-Петербург: П. Н. Батюшков, 1886. 804 с.
4. Батюшков К. Н. Похвальное слово сну: Письмо к редактору «Вестника Европы» // Батюшков К. Н. Сочинения. Москва, Ленинград: Academia, 1934. С. 348–361.

5. Батюшков К. Н. Сочинения. Ред., ст. и комм. Д. Д. Благого. Москва, Ленинград: Academia, 1934. 749 с.
6. Благой Д. Д. Судьба Батюшкова // Батюшков К. Н. Сочинения. Москва, Ленинград: Academia, 1934. С. 7–39.
7. Батюшков К. Н. Чужое – мое сокровище // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / АН СССР; Изд. подгот. И. М. Семенко. Москва: Наука, 1977. (Лит. памятники). С. 410–428.
8. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь поэтического языка К. Н. Батюшкова. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2018. 97 с.
9. Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 8. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. 526 с.
10. Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Поэтический корпус в рамках Национального корпуса русского языка: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009, 71–113.
11. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. Москва: Худож. литература, 1965. 355 с.
12. Кошелев В. А. В предчувствии Пушкина: Батюшков в русской словесности начала XIX века. Псков: ПОИПКРО, 1995. 123 с.
13. Ксенофонт. Сократические сочинения. Москва, Ленинград: Academia, 1935. 419 с.
14. Марголис Я. М. Количественный анализ словарей и транзита русскоязычной поэзии // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 46–75.
15. Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 37–48.
16. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937.
17. Разумкова Н. В. Художественный текст сквозь призму аксиологии (на материале лирики К. Н. Батюшкова) // Русский язык и литература в образовательном пространстве азиатского региона. Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня образования кафедры русского языка и общего языкознания, кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та им. Доржи Банзарова, 2017. С. 55–57.
18. Разумкова Н. В. Этический контекст поэтической картины мира Батюшкова (на примере стихотворения «Счастливец») // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 4. С. 272–278.
19. Рудакова С. В. К. Н. Батюшков и Е. А. Боратынский: «диалоги» с Парни // Libri Magistri. 2015. № 1. С. 50–59.

20. Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Москва: Наука, 1977. С. 433–492.
21. Сергеева-Клятис А. Ю. Русский ампи́р и поэзия Константина Батюшкова = Russian empire style and poetry of Konstantin Batushkov: в 2 ч. Ч. 2. Мjcrdf: Изд-во Моск. культуролог. лица № 1310, 2001. 86 с.
22. Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. Москва: Наука, 1971. 384 с.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. K voprosu o russkom schast'e (pojezija XVIII veka) [To the question of the Russian happiness (eighteenth-century poetry)] // Libri Magistri. 2015. № 1. Pp. 117–125.
2. Abramzon T. E. «Blazhen, kto...» v russkoj pojezii XVIIIIX v.: iz istorii formuly [“Blessed is the one who...” in the Russian poetry of the 18th – the 19th centuries: a history of the poetic formula] // Problemy istorii, filologii, kul'tury kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 3 (49). Pp. 368–377.
3. Batjushkov K. N. Sochinenija [Works] pod red. L. N. Majkova. Vol. III. Pis'ma. Sankt-Peterburg: P. N. Batjushkov, 1886. 804 p.
4. Batjushkov K. N. Pohval'noe slovo snu: Pis'mo k redaktoru «Vestnika Evropy» [Praise for Sleep: A Letter to the Editor of the Herald of Europe] // Batjushkov K. N. Sochinenija [Works]. Moscow, Leningrad: Academia, 1934. Pp. 348–361.
5. Batjushkov K. N. Sochinenija [Works]. Red., st. i komm. D. D. Blagogo. Moscow, Leningrad: Academia, 1934. 749 p.
6. Blagoj D. D. Sud'ba Batjushkova [Batiushkov's Fate] // Batjushkov K. N. Sochinenija [Works]. Moscow, Leningrad: Academia, 1934. Pp. 7–39.
7. Batjushkov K. N. Chuzhoe – moe sokrovishhe [Stranger - my treasure] // Batjushkov K. N. Opyty v stihah i proze [Experiments in verse and prose] / AN SSSR; Izd. podgot. I. M. Semenko. Moscow: Nauka, 1977. (Lit. pamjatniki). Pp. 410–428.
8. Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N. Slovar' pojeticheskogo jazyka K. N. Batjushkova. Moscow: FLINTA: Nauka, 2018. 97 p.
9. Vjazemskij P. A. Poln. sobr. soch. [Complete Works]: v 12 vol. Vol. 8. Sankt-Peterburg: Tip. M. M. Stasjulevicha, 1883. 526 p.
10. Grishina E. A., Korchagin K. M., Plungjan V. A., Sichinava D. V. Pojeticheskij korpus v ramkah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka: obshhaja struktura i perspektivy ispol'zovanija [oetic Corpus within the National Corpus of the Russian Language: General Structure and Prospects of Use] // Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy. Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, 2009. Pp. 71–113.

11. Gukovskij G. A. Pushkin i russkie romantiki [Pushkin and the Russian Romantics]. Moscow: Hudozh. literatura, 1965. 355 p.
12. Koshelev V. A. V predchuvstvii Pushkina: Batjushkov v russoj slovesnosti nachala XIX veka [In Premonition of Pushkin: Batiushkov in Early 19th Century Russian Literature]. Pskov: POIPKRO, 1995. 123 p.
13. Ksenofont. Sokraticheskie sochinenija [Socratic Writings]. Moscow, Leningrad: Academia, 1935. 419 p.
14. Margolis Ja. M. Kolichestvennyj analiz slovarej i tranzita russojazyčnoj poezii [Margolis J. M. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language] // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). Pp. 46–75.
15. Petrov A. V. Fenomenologiya «russskogo schast'ya» v trudah T. E. Abramzon i magnitogorskoj filologičeskoj shkoly po izucheniju russoj poezii XVIII–XIX vekov [Phenomenology of «The Russian Happiness» in works of T. E. Abramzon and the Magnitogorsk philological school on studying of the russian poetry of the 18–19th centuries] // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 37–48.
16. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. [Complete Works]: v 16 vol. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937.
17. Razumkova N. V. Hudozhestvennyj tekst skvoz' prizmu aksiologii (na materiale liriki K. N. Batjushkova) // Russkij jazyk i literatura v obrazovatel'nom prostranstve aziatskogo regiona. Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashhennoj 85-letiju so dnja obrazovanija kafedry russskogo jazyka i obshhego jazykoznaniya, kafedry russoj i zarubezhnoj literatury Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ulan-Udje: Izd-vo Burjat. gos. un-ta im. Dorzhi Banzarova, 2017. Pp. 55–57.
18. Razumkova N. V. Jeticheskij kontekst pojetičeskoj kartiny mira Batjushkova (na primere stihotvorenija «Schastlivec») [Ethical Context of the Batiushkov's Poetic Picture of the World (on the Example of the Lyrical Text "Schastliv'ets")] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Journal]. 2015. T. 1. № 4. Pp. 272–278.
19. Rudakova S. V. K. N. Batjushkov i E. A. Boratynskij: «dialogi» s Parni [Batiushkov and E. Boratynsky: «Dialogues» with Parni] // Libri Magistri. 2015. № 1. Pp. 50–59.
20. Semenko I. M. Batjushkov i ego «Opyty» [Batiushkov and his "Experiments"] // Batjushkov K. N. Opyty v stihah i proze [Experiments in verse and prose]. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 433–492.
21. Sergeeva-Kljatis A. Ju. Russkij ampir i poezija Konstantina Batjushkova = Russian empire style and poetry of Konstantin Batiushkov: v 2 ch. Ch. 2. Moscow: Izd-vo Mosk. kul'turolog. liceja № 1310, 2001. 86 p.
22. Fridman N. V. Poezija Batjushkova [Batiushkov's Poetry]. Moscow: Nauka, 1971. 384 p.

«THE WINGED MOMENT OF HAPPINESS...»: THE PHENOMENON
OF HAPPINESS IN K. N. BATIUSHKOV'S LYRICS

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistics
and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

This article focuses on the analysis of K. N. Batiushkov's poetic world and the identification of the peculiarity of this poet's ideas of happiness. With the help of motive, hermeneutic and statistical analysis (the lexeme happiness from the lyrics of this Russian Romantic poet, represented in the poetic corpus of the Russian language, is analyzed), the significance of Batiushkov's ideas of happiness in his works is revealed, the dynamics of changes in this poet's ideas of happiness is studied. The attention is paid to duality - the most important feature of Batiushkov's poetic world. It is not only in the fact that he is a poet, created simultaneously under the influence of the 18th century era, with its strict rules, and the Alexander era, with its spirit of liberty as well. On the one hand Batiushkov's duality is manifested in a hedonistic, epicurean, cheerful attitude to life, which brings him closer, for example, to the French elegiac E. Parny, on the other hand there is a tragic attitude to life associated with an understanding of the transience of life and fleeting happiness. A statistical analysis of the frequent use of the lexemes happiness in the lyrics of A. S. Pushkin, A.A. Delvig, E. A. Boratynsky and K. N. Batiushkov was carried out. This allowed us to conclude that the word 'happiness', not being represented among the 20 words actively used by Batiushkov, is nevertheless at its maximum in terms of frequency, as compared to the works of the above mentioned contemporaries of the poet. The influence of light poetry on the formation of Batiushkov's artistic world is revealed, the connection of this poet with the enlightened attitude to life and happiness is viewed. The impact of eudemonic (originating from antique philosophy) ideas of happiness on Batiushkov is considered, it is shown that very often this category is correlated with axiological categories, first of all with the notion of conscience.

Keywords: K. N. Batiushkov, the search for happiness, easy poetry, hedonism, epicureanism, eudemonism, dream, suffering, «Blessed is he who...»

Для цитирования: Рудакова С. В. «Крылатый счастья миг...»: феномен счастья в лирике К. Н. Батюшкова // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 148–166.

Поступила в редакцию 10.01.2021

РАЗДЕЛ VI. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

ББК 83.3(2)

УДК 821.161.1

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_167

Е. А. Неверов¹

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова,
georgneveg@gmail.com*

Научный руководитель: В. В. Цуркан²

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова,
veravts2013@yandex.ru*

ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

В статье рассматриваются повествовательные стратегии современной прозы на примере романа Е. Водолазкина «Лавр». Особое внимание уделяется жанровой принадлежности произведения, определенного самим автором как «неисторический роман». Предметом анализа исследования становится выявление специфики жанровых разновидностей повествовательных стратегий романа «Лавр» Е. Водолазкина. «Лавр» рассматривается не просто как историческое произведение, показано, что это роман-жизнь, главный герой которого живет в эпоху Средневековья, насыщенную чудесами и верой в Бога, воплощаясь в святых, юродивых, старцах. Историческая эпоха в произведении представлена очень точно и лишена домыслов и фантазий, при этом автор сознательно уходит от «литературы приёма». Он умело переплетает в тексте

¹ Неверов Егор Андреевич – магистрант 2 года обучения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

старославянский, древнерусский и современный русский язык, не нарушая органичность произведения и облегчая читательскую задачу в восприятии событий романа. Повествование структурировано в рамках исторического и неисторического начал, что является отличительной особенностью произведения. Главный герой – Арсений, Устин, Лавр – воплощает идею любви к женщине, близким людям, к богу, и от этой любви он не отказывается до конца; герой последователен в своих поступках, не отступает от своих решений. Главный закон, которому подчиняется структура романа, – закон подобия. «Лавр» состоит из сцен, которые, не повторяя друг друга, оказываются подобны друг другу. В романе жанры переплетаются, актуализируются, обновляются и представляются автором в новых формах, выявление и исследование которых являются основной задачей представленной работы.

Ключевые слова: роман, «Лавр», современная проза, жанр, повествовательные стратегии

В современной прозе XXI века происходят значительные эволюционные сдвиги, отличающиеся поиском новых жанров, механизмов, стратегий, приемов общения автора с читателем (см. подробнее [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13, 335–340; 14; 15; 16, 88–103]). Произведение литературы становится успешным в результате сплетения социальной психологии, вкусов аудитории, задумки автора и конъюнктуры издателя [13, 236]. При создании произведений писатели стараются найти новые формы общения с читателем и используют в своих произведениях различные повествовательные стратегии.

Согласно определению И. Тюпы, «повествовательные стратегии – это разновидность коммуникативной стратегии, которая представляет собой контроль автора над субъектом, систему повествовательных приемов и не всегда осознаваемый повествователем «план» общения с читателем [9, 87]. С точки зрения использования преобразованных форм повествования и жанрового разнообразия роман Е. Водолазкина «Лавр» является одним из самых значительных произведений современной прозы XXI века.

Самим автором жанр «Лавра» определяется как житие святого в жанре неисторического романа. Будучи специалистом по древнерусской литературе, писатель тщательно воссоздает атмосферу Древней Руси на исходе Средневековья. Роман написан сложно, в нем имеется несколько языковых пластов, причудливо и прихотливо сплетенных друг с другом, – от древнерусского сказа до новорусского канцелярита.

Интересна сама структура романа, который состоит из четырех книг: Книги познания, Книги отречения, Книги пути, Книги покоя. Главы обозначаются древнерусскими буквами, которые имеют числовое значение. По мнению Т. Морозовой, это соединение не случайно, поскольку «соединение слова и числа, рассуждения о власти числа над человеком, в иные эпохи доходящей до убеждения в том, что мир может и должен быть исчислен, и тогда настанет конец света; преодоление заданных законов жизни, и пространства как одного из них, Божья воля и свобода – это то, что занимает и героя романа и его автора» [5].

Предваряет начало повествования предисловие – Прологоменой. В нем главный герой представлен как целостный и единичный персонаж, но при этом не упоминается его имя, используются местоименные формы именования «он», «у него», «о нем» или просто существительное «человек» [3, 178]. Этот авторский прием помогает читателю, с одной стороны, конкретизировать образ главного героя, но, с другой его образ остается абстрактным: «В разное время у него было четыре имени. В этом можно усматривать преимущество, поскольку жизнь человека неоднородна. Порой случается, что её части имеют между собой мало общего. Настолько мало, что может показаться, будто прожиты они разными людьми. В таких случаях нельзя не испытывать удивления, что все эти люди носят одно имя. У него было также два прозвища. Одно из них – Рукинец – отсылало к Рукиной слободке, месту, где он появился на свет. Но большинству этот человек был известен под прозвищем Врач, потому что для современников прежде всего он был врачом. Был, нужно думать, чем-то большим, чем врач, ибо то, что он совершал, выходило за пределы врачебных возможностей» [1].

Одним из авторских приемов в романе становится антитеза современного и средневекового типа мышления. Писатель умело использует современный язык и язык древнерусский, переходя из средневекового сознания в современное и наоборот. Современным языком чаще всего описаны бытовые действия, бранная лексика, например, перебранка блаженных или смерть Устины: «Твердой походкой он идет в дом к иерею Иоанну. Рывком распахивает дверь. За Арсением вшивается шершавый язык стужи. Иерей Иоанн и его семья сидят за столом. Жена иерея готовится подавать на стол» [1].

Древнерусский язык используется для описания агиографических топосов: «Сказание об Индийском царстве», «Александрия» и др., житий Андрея Юродивого, Арсения Великого,

Арсения Новгородского. По мнению Н.В. Трофимовой, именно «древнерусские источники определяют сюжетные ходы, приемы создания образов произведения и составляют прочную историко-культурную основу повествования» [6, 18].

Писатель умело выбирает интонацию повествования, которая делает роман нескучным, несмотря на обилие архаики – звательные падежи, цитаты из Евангелия, летописей и путешествий. В романе нет «стилевой разноголосицы», и, по признанию самого автора, смешение языковых и лексических пластов позволяет освободить сознание от подчиненности поступательного хода времени.

Стратегия вневременности, умело используемая в романе, согласно Н. Г. Махониной и М. М. Сидоровой, является ключевой. Данная стратегия раскрывается при описании жизни главного героя: Арсения – Устина – Амбросия – Лавра. Автор раскрывает путь героя не в линейном историческом времени, а прохождении им главнейших этапов своего существования [4, 176].

Время и пространство в романе абстрактны, не конкретны, условны. Например, главный герой рождается в конкретном месте – Рукиной слободке, но само нахождение данного места не раскрывается. Время рождения – Средневековая Русь, но точная дата рождения не указана. Время смерти героя и место также не указаны «тело его после смерти не имело следов тления. Лежа много дней под открытым небом, оно сохраняло свой прежний вид. А потом исчезло, будто его обладатель устал лежать» [1].

Время в «Лавре» имеет определенные черты, оно одновременно линейно, исторично и спиралевидно. Как отмечает М. В. Бочкин, герой и события соприкасаются с вечностью, протекают вне времени. По ощущениям главного героя, время становится цикличным, подобно кругу вечности, и это можно проследить в разговоре Лавра и старца Иннокентия: «Возлюбив геометрию, движение времени уподоблю спирали. Это повторение, но на каком-то новом более высоком уровне» [1].

Автор соотносит в романе различные временные пласты с календарными и природными циклами, создавая таким образом «единую картину мироздания и одновременности» [4].

Стратегия повтора – это еще один закон, на основе которого строится роман. Многие сцены повторяются и перекликаются друг с другом – сцены принятия родов Арсением у Устины и Лавром у Анастасии. Данная стратегия используется при написании окончаний каждой из книг романа, все четыре заканчиваются смертью героев (Никандр, юродивый Карп, Амброджо Флеккия, Лавр). При этом автор

акцентирует внимание на отсутствие четких границ между миром живых и миром мертвых, главный герой ведет диалоги не только с живыми, но и уже умершими людьми (Христофором, Устиной). Смерть, согласно автору, – это «движение к Богу как окончательному уходу от смерти в вечную жизнь» [1].

В «Лавре» писатель использует различные приемы, которые способствуют передачи идеи произведения. Например, довольно часто встречаются индивидуально-авторские неологизмы, обозначающие смысл, который необходим только в конкретном контексте: «Что в вымени тебе моем?»; аллюзии на художественные тексты («Маленький принц» Экзюпери): «Мы в ответе за тех, кого приручили, говорил, глядя волка, Христофор» [1]; антонимы, которые играют особую стилистическую функцию: «Они представляют нам иллюзию жизни. Нет, также шепотом возразил Арсений. Они опровергают иллюзию смерти» [1]; звукопись, которая описывает действия и выдает напряжение в тексте: «Повсюду раздавались скрип воев, конское ржание, рев волов и ругань охранявших караван стражников» [1].

Таким образом, роман «Лавр» сочетает в себе различные повествовательные стратегии, которые дают читателю возможность открыть в тексте идеи, заложенные автором. В романе жанры переплетаются, актуализируются, обновляются и представляются автором в новых формах, таких как «роман-творение», «роман-модель мира», «текст о мироустройстве».

ЛИТЕРАТУРА

1. Водолазкин Е. Г. Лавр [Электронный ресурс]. Москва: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 448 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183626&p=1> (дата обращения: 12.01.2021).
2. Жулькова К. А. Категория времени в романах Е. Г. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» (обзор) [Электронный ресурс] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-vremeni-v-romanah-e-g-vodolazkina-lavr-i-aviator-obzor> (дата обращения: 10.02.2021).
3. Маглий А. Д. Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр» [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovoe-svoeobrazie-romana-e-vodolazkina-lavr> (дата обращения: 03.02.2021).

4. Махилина Н. Г., Сидорова М. М. Мифологема смерти/рождения в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Филология и культура. 2017. № 2 (48). С. 174–178.
5. Морозова Т. Статья Лавром (рецензия на книгу Евгения Водолазкина «Лавр») [Электронный ресурс] // Знамя. 2013. №4. С. 210–213. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2013/4/evgenij-vodolazkin-lavr.html> (дата обращения: 23.02.2021).
6. Трофимова Н. В. Традиции древнерусской литературы в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Rhema=Рема: Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. филол. Науки. 2016. № 2. С. 7–20.
7. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. Москва: Издательский центр «Академия», 2008. 336 с.
8. Тюпа В. И. Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике. Москва: Языки славян. культуры, 2010. 320 с.
9. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 58 с.
10. Фоменко А. Т. Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии. Москва, 1990. 440 с.
11. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва: Высшая школа, 2002, 438 с.
12. Цуркан В. В. Концепт «книга» в прозе А. Битова // Libri Magistri. 2018. № 5. С. 81–86.
13. Черняк М. А. Филологическая игра как стратегия прозы XXI в. [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filologicheskaya-igra-kak-strategiya-prozy-xxi-v> (дата обращения: 01.12.2020).
14. Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 329с.
15. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX-XX вв. М.: Советский писатель, 1988. 415 с.
16. Эсалнек А. Я. Теория литературы. Москва: Флинта, 2010. 208 с.

REFERENCES

1. Vodolazkin E. G. Lavr [Laurus] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Izd-vo AST: Redakciya Eleny Shubinoj, 2014. 448 p. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183626&p=1> (data obrashcheniya: 12.01.2021).

2. Zhul'kova K. A. Kategoriya vremeni v romanah E. G. Vodolazkina «Lavr» i «Aviator» (obzor) [Category of time in novels EG Vodolazkin "Laurus" and "The Aviator" (review)] [Elektronnyj resurs] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 7, literary criticism: abstract magazine]. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-vremeni-v-romanah-e-g-vodolazkina-lavr-i-aviator-obzor> (data obrashcheniya: 10.02.2021).
3. Maglij A. D. Zhanrovoe svoeobrazie romana E. Vodolazkina «Lavr» [Genre originality of the novel E. Vodolazkin "Laurus"] [Elektronnyj resurs] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Moscow University Philology Bulletin]. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovoe-svoeobrazie-romana-e-vodolazkina-lavr> (data obrashcheniya: 03.02.2021).
4. Mahinina N. G., Sidorova M. M. Mifologema smerti/rozheniya v romane E. Vodolazkina «Lavr» [Mythologem death / birth of the novel E. Vodolazkin "Laurus"] // Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]. 2017. № 2 (48). P. 174–178.
5. Morozova T. Stat' Lavrom (recenziya na knigu Evgeniya Vodolazkina «Lavr») [Become Laurus (book review Eugenia Vodolazkin "Laurus")] [Elektronnyj resurs] // Znamya. 2013. №4. P. 210–213. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2013/4/evgenij-vodolazkin-lavr.html> (data obrashcheniya: 23.02.2021).
6. Trofimova N. V. Tradicii drevnerusskoj literatury v romane E.G. Vodolazkina «Lavr» [Traditions of ancient literature in the novel EG Vodolazkin "Laurus"] // Rhema=Rema: Vestnik MGGU im. M. A. Sholohova. Ser. filol. Nauki [Rhema]. 2016. № 2. P. 7–20.
7. Tjupa V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta [Analysis of the Fiction Text]. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. 336 p.
8. Tjupa, V. I. Diskursivnye formacii: Oчерki po komparativnoj ritorike [Discursive formations: essays on comparative rhetoric]. Moscow: Jazyki slavjan. kul'tury, 2010. 320 p.
9. Tjupa V. I. Narratologija kak analitika povestvovatel'nogo diskursa [Narratology as an analytics of narrative discourse]. Tver': Tver. gos. un-t, 2001. 58 p.
10. Fomenko A. T. Metody statisticheskogo analiza narrativnyh tekstov i prilozhenija k hronologii [Methods of Statistical Analysis of Narrative Texts and Applications to Chronology]. Moscow, 1990. 440 p.

11. Halizev V. E. *Teorija literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Vysshaja shkola, 2002. 438 p.
12. Curkan V. V. *Koncept «kniga» v proze A. Bitova* [The Concept «Book» in A. Bitov's Creative Work] // *Libri Magistri*. 2018. № 5. P. 81–86.
13. Chernjak M. A. *Filologicheskaja igra kak strategija prozy XXI v.* [Philological game as a strategy for the XXI century prose] [Elektronnyj resurs] [Elektronnyj resurs] // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filologicheskaya-igra-kak-strategiya-prozy-xxi-v> (data obrashhenija: 0112.2020).
14. Shmid V. *Narratologija* [Narratology]. Moscow: Jazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 329 p.
15. Jepshtejn M. N. *Paradoksy novizny: O literaturnom razvitii XIX-XX vv.* [Paradoxes of Novelty: On the Literary Development of the Nineteenth and Twentieth Centuries]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1988. 415 p.
16. Jesalnek A. Ja. *Teorija literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Flinta, 2010. 208 p.

**GENRE VARIETIES OF NARRATIVE STRATEGIES:
NOVEL «LAURUS» BY E. VODOLAZKIN**

Egor A. Neverov

Master's student Nosov Magnitogorsk State University
(Magnitogorsk, Russia)

Scientific advisor – V. V. Tsurkan

Assistant Professor, Candidate of Philology, Nosov Magnitogorsk
State University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article examines the narrative strategies of modern prose on the example of the novel by E. Vodolazkin «Laurus». Particular attention is paid to the genre of the work, defined by the author himself as a «non-historical novel».

The novel «Laurus» is not just a historical work, it is a life novel, the main character of which is embodied in saints, holy fools, elders and lives in the era of the Middle Ages, saturated with miracles and faith in God. The historical era in the novel is presented very accurately and devoid of conjectures and fantasies, while the author deliberately avoids the "literature of the device" and skillfully intertwines Old Slavonic, Old Russian and modern Russian in the text, facilitating the reader's task without violating the organic nature of the text. The narrative is structured

within the framework of the historical and non-historical principles, which is a distinctive feature of the work. The main character: Arseny, Ustin, Laurus, embodies the idea of consistency in his actions, the idea of love for a woman, loved ones, for God, and he does not completely abandon this love. The main law according to which the novel is built is the law of similarity. Laurus consists of scenes that do not repeat, but are similar to each other. In the novel, genres are intertwined, actualized, updated and presented by the author in new forms, the study and identification of which is the main task of the presented article.

Keywords: novel, «Laurus», contemporary prose, genre, narrative strategies

Для цитирования: Неверов Е. А. Жанровые разновидности повествовательных стратегий на примере романа Е. Водолазкина «Лавр» // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 167–175.

Поступила в редакцию 31.01.2021

РАЗДЕЛ VII. ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 83.3(2)

УДК 821.161.1: 82-141

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_176

А. В. Пономарев¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
PonomarevAV18@mail.com*

ПАНЕГИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.: ИМПЕРАТОРСКИЙ МИФ

В статье рассматривается панегирическая поэзия второй половины XVIII века. Главным жанром панегирической поэзии XVIII века была торжественная ода. С середины XVIII века не только значительные государственные события (рождение первенцев в императорской семье, военные победы, тезоименитство, годовщина восшествия на престол царствующей особы), но и сами празднования таких событий (иллюминация, фейерверк) становились предметом од и панегириков. Как декламационный жанр ода мыслилась произносимой (хотя чаще она «подносилась») и подчинялась законам ораторского искусства или «ораторского действия». Изучение панегирической поэзии проливает свет не только на культ русских монархов, но также и на политический менталитет их подданных, поскольку является некритической разновидностью политической литературы.

Хвала правителю в середине XVIII века представлена в разнообразных жанрах (лирике, драме, эпосе, торжественном слове и т. п.). Почти все русские авторы XVIII века старались воспеть императоров и их отпрысков. М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин писали оды, посвященные основным событиям жизни императорских особ, к числу таких фактов можно отнести дни рождения, венчание, восшествие на престол и т. п. Современники поэтов, стараясь угодить властителям, также сочиняли панегирические тексты. Оды выражали тот *furor poeticus*, который охватывал лирического субъекта перед

¹ Пономарев Андрей Викторович – аспирант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

лицом августейшего адресата, поэтому Ломоносова называли «российским Пиндаром».

В рамках данного исследования акцент сделан на произведениях словесности, посвященных императорской фамилии, в частности рождению наследника престола, при этом учитывается не только панегирическая традиция, но и материал неофициальной и бытовой словесности, проясняющий живое отношение современников.

Ключевые слова: поэзия, XVIII век, мифоистория, панегирики, ода

Главным жанром панегирической поэзии XVIII века была торжественная ода. С середины XVIII века не только значительные государственные события (военная победа, тезоименитство, годовщина восшествия на престол царствующей особы), но и сами празднования таких событий (иллюминация, фейерверк) становились предметом од и панегириков. Как декламационный жанр ода мыслилась произносимой (хотя чаще она «подносилась») и подчинялась законам ораторского искусства или «ораторского действия» [14, 230]. Не менее существенную роль «витийственное» начало играло в церковном или духовном красноречии: проповедь – речь к народу и перед народом, названия других жанров – речь и слово – говорят сами за себя (различия между ними зависели от объема сочинения и повода, по какому оно произносилось). Как и в оде, источник духовного красноречия заключался во «внутреннем одушевлении человека» [11, 13], слово мыслилось действием в борьбе – против порока или греха за спасение души, а проповедник – «воином срьд мирной брани» [7, 163].

Перед проповедником XVIII века стояли три основных задачи, определенные еще античными риториками: «учить, нравиться, трогать» (духовное красноречие сложилось в Римской империи из философской проповеди или речи). Для того чтобы «учить» надлежало стремиться к психологическому воздействию на слушателя; чтобы «нравиться» – сделать свою речь изящной и выразительной; чтобы «трогать» – самому исполниться «одушевления и увлечения» [11, 17].

Петровские церковные реформы привели к превращению церкви в политический институт. Правительственные начинания получали одобрение на церковной кафедре (показательны слова Анастасия Братановского: «Любовь к Государству есть <...> любовь к Богу») [11, 17]. Поскольку правящая династия была переведена в разряд божественной и включала в себя столько богов/полубогов, сколько было членов царствующего дома, то дни их рождения,

тезоименитства, восшествия на престол, коронации сделались не только гражданскими, но и церковными праздниками, «отмечаемыми торжественным молебном и обычно проповедью <...> Таким образом появляется понятие «высокоторжественных дней», которые “с их пышностью и награждениями складываются в особую систему религиозного почитания царя и царского дома”» [4, 118].

Духовные сочинения, написанные по случаю чествования императора или военной победы, были близки к так называемому парадному красноречию, похвальным и благодарственным словам. Если проповедь произносилась духовным лицом, речь или слово могли принадлежать как церковному, так и светскому автору (однако «похвальное слово» – только светскому).

Отметим, что во второй половине XVIII века складывается новый тип русского духовенства, в семинариях преподается французский язык, появляются проповеди, написанные по-русски. И это тоже несомненно способствовало сближению духовной и светской литературы.

Существуя в единой системе словесности и имея сходную «установку» церковное и светское красноречие и панегирическая поэзия естественно обнаруживали общие черты: определенные элементы композиции, стилистические критерии, украшения, барочную игру словами, символику [14, 231].

В произведениях, принадлежащих светскому и духовному красноречию, – скрыто или явно – непременно содержалось поучение. Придворное проповедничество давало возможность напрямую обращаться к императору, его фаворитам и людям, близким ко двору. Восхваляя царя, сочинитель торжественной оды одновременно стремился и наставлять его в любви к своим подданным, в милосердии и т. п., и поэты, как известно, широко пользовались этой возможностью [3, 219] (плоды их поучений – иное дело).

На протяжении всего XVIII века апологетика была частью «придворного и правительственного этикета». Развитие «словесных искусств» в период правления Екатерины выразилось в увеличении панегирических произведений самого разного художественного достоинства; «привычным слухом внимала» она славословию «как выражению обязательного усердия по долгу службы и присяги». Императрица боготворила своего старшего внука Александра и, напротив, недолюбливала своего сына Павла. Двор и придворные поэты, чтобы сделать ей приятное, расточали похвалы ее внуку, стараясь особо не упоминать в стихах сына. Александр представлялся современникам отсветом сияния Мудрости и Милости на троне –

«самой дивной женщины всех времен» [6, 295]. Когда в царствование Павла I воспевание Екатерины стало неуместным, значительно сократилось и число панегириков Александру Павловичу. По восшествии же на престол в марте 1801 года он вновь стал главным адресатом и героем панегирической литературы.

В честь рождения наследников стихотворцы старались как можно скорее выразить свое почтение императорской фамилии. Так, в честь рождения Павла Петровича М. В. Ломоносовым была написана «Ода на рождение Государя Великого Князя Павла Петровича Сентября 20 1754 года».

Надежда наша совершилась,
И слава в путь свой устремилась.
Спеши, спеши, о муза, вслед
И, лиру согласив с трубою,
Греми, что вышнего рукою
Обрадован российский свет!
На глас себя он наш склоняет,
На жар, что в искренних сердцах:
Петрова первенца лобзает
Елисавета на руках [8].

Рождение Александра, внука Екатерины, так же не осталось в стороне и было ознаменовано «поднятием Императорского Штандарта на Санктпетбургской крепости и пальбою из 201 пушки с обеих крепостей», по всему государству были разосланы «Штафеты и курьеры» [13, 90]. «Есть ли, чем чувствительнее долговременное лишение и недостаток какого-либо блага, чем горячее желание одного и чем нетерпеливее ожидание, тем приятнее получение недостающего, тем радостнее исполнение желаемого и тем утешительнее пришествие ожидаемого быть долженствует: то, что может сравниться с чувствуемым нами <...> удовольствием, веселием и радостью о торжествуемом ныне всевожденнейшем рождении Его Императорского Высочества Благоверного Государя Великого Князя Александра Павловича?» (А. Барсов) [1, 3].

В письме к отцу от 14 декабря 1777 года М. Н. Муравьева четко прослеживается отношение современников к данному событию: «Имею честь поздравить с общею радостью нашего отечества, с рождением сына Александра великому князю <...> В четыре часа [12 декабря] был я уже у Зорича. Видна была радость на лице его <...> он не позабывает бедных и говорит, чтоб народ чувствовал эту радость, должно ему напомнить милостями» [12, 326–327].

Если в вышеприведенных словах Муравьева 12 декабря названо днем «рождения сына Александра великому князю», то в панегириках это событие в первую очередь осмыслялось как появление долгожданного наследника, которого Павел и Мария получили в качестве Божьего дара именно Екатерине:

Се ветвь от корени Петрова, Се Павла и Марии плод,
С возвратом солнца в север, ныне Ниспослан в дар Екатерине.
(В.Майков) [9, 155].

В произведениях по случаю рождения Павла присутствовало обязательное восхваление Елизаветы Петровны, также как и в произведениях, написанных по случаю рождения Александра выражалось восхищение Екатериной II. Это было естественно, поскольку обе являлись на момент рождения наследников царствующими императрицами, и всё «усердие клакеров» направлялось на них [6, 295].

Общим местом также стало обыгрывание имени новорожденных. Например, наречение ребенка представлялось провиденциальным – на память приходили, прежде всего, судьбы героев: Апостола Павла, Александра Невского, покровителя Петербурга, и великого полководца и завоевателя Александра Македонского. Например, в большинстве «александровских» од 1777–1779 годов (В. Петрова, М. Хераскова, В. Майкова, М. Гумилевского, Е. Кострова и др.) одноименные герои противопоставлялись как мир войне, а обстоятельства их жизни и особенности характера в свою очередь сближались или разводились с будущей участью новорожденного.

Се новый Александр родился, И берег Невский
возгордился, Что Россия Минервы Внук Умножит древней славы
звук <...> [15, 128].

Сочинители, включающиеся в торжество по случаю рождения наследника, не могли избежать космогонического мифотворчества, столь свойственного панегирической традиции. При этом если данное ему имя воспринималось как знак мирного царствования будущего монарха.

О ты, цветущая отрада,
О верность чаяний моих,
Тебя родила мне Паллада
Для продолженья дней златых;
О плод божественных крови,

Расти, крепись в ее любви,
Вослед трудов ее взирай,
Как с радостью носить державу,
Хранить свою с моею славу
Ее примерам подражай [8].

Отмечалось в панегириках и благоприятное расположение планет. Так, в одах Майкова и Хераскова судьба новорожденного прочитывалась по знакам зодиака, которые предвещали, «<...> Что счастлив будет человек, Как днесь, во времена и оны» [9, 156].

Еще более значительным представлялось совпадение дня рождения великого князя Александра с солнцеворотом – временем, когда солнце начинает возвращаться в северное полушарие или «оборачивается на весну», а день соответственно удлиняется. Тема эта отразилась в содержании многих панегирических произведений того времени, в том числе знаменитого стихотворения Г.Р. Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1779).

Используя архаическое представление о паре как о солнце, сочинители уподобляли новорожденного новому светилу на небосклоне, на котором к тому времени уже сияли Екатерина, Павел и его жена Мария.

Теперь четвертое светило Тебя, Россия, озарило: Ликуй, щастливая страна! Светлее солнце воссияло; Оно в пути полденном стало, Возвеселилася луна (Херасков) [15, 125].

С первых дней жизни будущих императоров складывалась легенда, традиционно сопровождавшая лиц царствующего дома, в которую как одна из составляющих входило воскрешение Петра Великого в его потомках:

Когда ты на престол достигла,
Петра Великого воздвигла
И жизнь дала ему собой.
Он паки ныне воскресает,
Что в правнуче своем дышает
И род в нем восставляет свой.
Мы долго обоих желали!
Лишались долго обоих!
Но к общей радости прияли,
О небо, от щедрот твоих! [8].

Другой тенденцией, проявившейся с первых панегириков Павлу и Александру, было зачисление их в боги или полубоги. Поскольку

к концу XVIII века наименование членов царствующего дома богами становится своего рода штампом.

Там вокруг облег Дракон ужасный
Места святы, места прекрасны
И к облакам сто глав вознес!
Весь свет чудовища страшится,
Един лишь смело устремиться
Российский может Геркулес.
Един сто острых жал притупит
И множеством низвержет ран,
Един на сто голов наступит,
Восставит вольность многих стран [8].

Часто будущих наследников сравнивали с ангелами, посланниками небес, посредниками между Богом и людьми. Например: «Он ангел лепостью земной!» (М. Гумилевский).

Интересна символика, которая использовалась в панегириках новорожденным младенцам императорской четы. Судить о том можно по описанию торжества, состоявшегося в русском посольстве в одной из европейских стран в декабре 1777 года, в год рождения Александра: «Въезд в Посольский дом представлял торжественные Врата, по древнему вкусу. На вратах сих сооружена была четвероугольная башня, на вершине которой утвержден был Земной Глобус <...> На Глобусе видны были в прозрачном окне двенадцать знаков Зодиака. Над Знаком Декабря месяца, в котором родился Государь Великий Князь Александр Павлович, была прозрачною живописью Юнона Лусина (богиня родов), увенчающая Любовь Супружественную <...> На другой противной стороне Башни, к Посольскому дому, виден был на Картинае такой же величины Ангел Хранитель России. Он держал, над Вензловым Именем Новорожденного Великого Князя, Императорскую Корону, и показывал, оное щитом своим. Жезл Ескулапов, представленный в стороне, изображал желание Российского народа о сохранении здоровья Новорожденного Великого Князя, при том Гении в группе, украшая Вензловое Имя цветами, свидетельствовали общую радость, произведенную его рождением. Внизу была следующая надпись: *Spes Patriae*, то есть: Надежда Отечества <...>» [2].

В России после многочисленных переворотов и заговоров была особенно сильна боязнь нарушения преемственности власти, междоусобия. Рождение Павла, а после и Александра, двух долгожданных наследников – в панегириках, посвященных этим

событиям, осмыслялось как исполнение «сердечных желаний» «страны Российской», «залог» Божьего попечения о ней и народе. Поскольку главным героем хвалебных жанров тогда были царствующие императрицы, появление Павла было единодушно воспринято сочинителями как дар «Небес» Елизавете, а появление Александра, как дар Екатерине, поприще их будущих забот, их продолжение.

Таким образом, большинство поэтов второй половины XVIII века старались воспеть императоров и их отпрысков, создавая культ русских монархов, влияя и формируя политический менталитет подданных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов А. Слово на рождение Его Императорского Высочества... Великого Князя Александра Павловича, говоренное... Генваря 23 дня 1778 года. Москва: Имп. Моск. ун.-т., 1778. 24 с.
2. Выписки из описания празднества по случаю рождения Великого Князя Александра Павловича в Посольском доме. 1777 г. (список XIX в.). ОР РГБ. Ф. 233. К. 13. Ед.хр. Э. 1.1.
3. Державин Г. Р. Сочинения Державина: в 7 т. / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. 2-е акад. изд. (без рис.). Т. 1. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. Наук, 1868–1878.
4. Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. Москва: Наука, 1987. 256 с.
5. Клейн И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohvala-vlastitelyu-panegiricheskaya-poeziya-i-russkiy-absolyutizm> (дата обращения: 17.12.2020).
6. Ключевский В. О. Императрица Екатерина II (1729–1796) // Исторические портреты. Москва: Правда, 1990. 580 с.
7. Костров Е. Собрание сочинений [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/k/kostrow_ermil_iwanowich/ (дата обращения: 12.11.2020).
8. Ломоносов М. В. Ода на рождение Государя Великого Князя Павла Петровича Сентября 20 1754 года [Электронный ресурс] // Оды. Список. URL: <https://rustih.ru/mixail-lomonosov-oda-na-rozhdenie-gosudarya-velikago/> (дата обращения: 23.12.2020).

9. Майков В. «Ода на рождение Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Павловича...» (1777). Москва: Унив. Тип., 1777.
10. Мемуары графини Головиной (1766–1821) // Исторический вестник. 1911. № 10. 412 с.
11. Певницкий В. Ф. Церковное красноречие и его основные законы. Киев: Типография И. И. Горбунова, 1906. 304 с.
12. Письма русских писателей XVIII века. Ленинград: Наука, 1980. 471 с.
13. Санктпетербургский Вестник. Санкт-Петербург. Ч. 1., Январь, 1778.
14. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. С. 227–252.
15. Херасков М. «Ода на всерадостное рождение Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Павловича...» [Электронный ресурс]. URL: <http://heraskov.lit-info.ru/heraskov/stihi/stih-60.htm> (дата обращения: 03.11.2020)

REFERENCES

1. Barsov A. Slovo na rozhdenie Ego Imperatorskogo Vysochestva... Velikogo Knjazja Aleksandra Pavlovicha, govorennoe... Genvarja 23 dnja 1778 goda [Word for the birth of his imperial highness ... The Grand Duke Alexander Pavlovich, a prisoner ... Genwar for 23 days 1778]. Moscow: Imp. Mosk.un.-t., 1778. 24 p.
2. Vypiski iz opisanija prazdnestva po sluchaju rozhdenija Velikogo Knjazja Aleksandra Pavlovicha v Posol'skom dome. 1777 g. (spisok XIX v.) [Extracts from the description of the festival on the occasion of the birth of the Grand Duke Alexander Pavlovich in the Embassy House. 1777 (List of XX century)]. OR RGB. F.233. K. 13. Ed.hr.Je.1.1.
3. Derzhavin G. R. Sochinenija Derzhavina: v 7 vol. [Derzhavin's works: in 7 volumes.] / s objasn. primech. [i predisl.] Ja. Grot. – 2-e akad. izd. (bez ris.). Saint Petersburg.: tip. Imp. Akad. Nauk, 1868–1878.
4. Zhivov V. M., Uspenskij B. A. Car' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii [King and God. Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia] // Jazyki kul'tury i problemy perevodimosti [Cultural languages and problems of translatability]. Moscow: Nauka, 1987. 256 p.
5. Klejn I. Pohvala vlastitelju: Panegiricheskaja poezija i russkij absolutizm [Praise to the Ruler: Panegyric Poetry and Russian Absolutism] // Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies.

2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohvala-vlastitelyu-panegiricheskaya-poeziya-i-russkiy-absolyutizm> (accessed: 17.12.2020).

6. Kljuchevskij V.O. Imperatrica Ekaterina II (1729–1796) [Catherine II (1729–1796)] // *Istoricheskie portrety* [Historical portraits]. Moskva: Pravda, 1990. 580 p.

7. Kostrov E. *Sobranie sochinenij* [] [Elektronnyj resurs] http://az.lib.ru/k/kostrow_ermil_iwanowich/ (accessed: 12.11.2020).

8. Lomonosov M.V. Oda na rozhdenie Gosudarja Velikago Knjazja Pavla Petrovicha Sentjabrja 20 1754 goda [Ode to the birth of the Sovereign Grand Duke Pavel Petrovich September 20, 1754] [Elektronnyj resurs] // *Ody. Spisok* [Odes. List]. URL: <https://rustih.ru/mixail-lomonosov-oda-na-rozhdenie-gosudarya-velikago/> (accessed 23.12.2020).

9. Majkov V. «Oda na rozhdenie Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knjazja Aleksandra Pavlovicha...» (1777) [Ode on the birth of his imperial highness of the Grand Duke Alexander Pavlovich ...] (1777) Moscow: Univ. Tip., 1777.

10. Memuary grafini Golovinoj (1766–1821) [Memories Countess Golovina (1766–1821)] // *Istoricheskij vestnik* [Historic Bulletin]. 1911. № 10. 412 c.

11. Pevnickij V. F. *Cerkovnoe krasnorechie i ego osnovnye zakony* [Church eloquence and its basic laws]. Kiev: Tipografija I. I. Gorbunova, 1906. 304 p.

12. *Pis'ma russkih pisatelej XVIII veka* [Letters of Russian writers of the XVIII century]. Leningrad: Nauka, 1980. 471 p.

13. *Sanktpeterburgskij Vestnik* [Saint-Petersburg Bulletin]. Saint Petersburg. Ch.1., Janvar', 1778.

14. Tynjanov Ju. N. Oda kak oratorskij zhanr [Oda as the oratorical genre] // *Istorija literatury. Kino* [Literary history. Cinema]. Moscow: Nauka, 1977. P. 227–252.

15. Heraskov M. «Oda na vseradostnoe rozhdenie Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knjazja Aleksandra Pavlovicha...» [Oda for the whole birth of his imperial Highness of the Grand Duke Alexander Pavlovich ...] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://heraskov.lit-info.ru/heraskov/stihi/stih-60.htm> (accessed: 03.11.2020)

THE XVIII CENTURY: IMPERIAL MYTH

Andrey V. Ponomarev

Postgraduate student Nosov Magnitogorsk State University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article considers the panegyric poetry of the second half of the XVIII century. The main genome of the panegyric poetry of the XVIII century was a solemn ode. From the middle of the XVIII century, not only significant state events (the birth of the firstborn in the imperial family, military victories, name days, the anniversary of the accession to the throne of the reigning person), but also the celebrations of such events (illumination, fireworks) became the subject of odes and panegyrics. As the declamation genre of the ode was thought to be pronounced (although more often it was "presented") and followed the rules of oratory or "oratory action". The study of panegyric poetry sheds light not only to the cult of Russian monarchs, but also on the political mentality of their subjects, since it is a non-critical variety of political literature.

As a part of this study, the emphasis was made on the works of literature dedicated to the imperial family, in particular the birth of the heir to the throne, while taking into account not only the panegyric tradition, but also the material of the informal and everyday literature, clarifying the living attitude of contemporaries.

Keywords: poetry, XVIII century, mythoistore, panegyrics, ode

Для цитирования: Пономарев А. В. Панегирическая поэзия второй половины XVIII в.: императорский миф // Libri Magistri. 2021. №1 (15). С. 176–186.

Поступила в редакцию 12.01.2021

ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в очередных выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

1) Восток и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры.

2) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы.

3) Поэтика литературы.

4) Философия литературы.

5) Филология и междисциплинарные связи. Филология и IT-технологии.

6) Интермедиальность: тексты культуры.

7) Метатекстуальность: история и типология.

8) Семиотика: мир как текст.

9) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития.

10) Аксиологические модели.

11) Современная литература в историко-культурном контексте.

12) Литература и другие формы общественного сознания: проблема диалога.

13) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы.

14) История и теория жанров: диалектика формы и содержания.

15) Лингвокультурология и страноведение.

16) Перевод и переводоведение.

17) Методика преподавания филологических дисциплин.

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание 2 номера 2021 (шестнадцатого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в июне 2021 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 336-08/2017).

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом *Фамилия_заявка*, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.
3. Предполагаемый раздел номера.
4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.
6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется; почтовый адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора MicrosoftWord 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – **Фамилия_статья** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности не менее 70%.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор MicrosoftWord для Windows. Шрифт – **Times New Roman**, размер – **10**. Абзац – **1 см**, междустрочный интервал – **1**. Выравнивание по ширине. Все поля

документа по **2 см.** Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полуужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия автора** (полуужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – **статус автора и сведения о нем** (*научная степень, звание, должность, полное название организации каждого автора, адрес электронной почты всех авторов, почтовый адрес места работы* (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полуужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (**без слова Аннотация**) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – TimesNewRoman, размер – 10). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образец.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: М. – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т. п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация** – все на английском языке. На английском языке указать место работы.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция (1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» (« »), внутренние – «лапки» (“ ”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте [elibrary](https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809) https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809 и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta->

gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html;

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу rudakovamasu@mail.ru

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3(2=411.2)

УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹,

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
rudakovamasu@mail.ru*

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Баратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
4. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury` [“Lomonosov Text” of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p.
2. Baraty`nskij E. A. Polnoesobraniestixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. teksta i primech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskij pisatel`, 1989. 464 p.
3. Rudakova S. V. Filosofiyaschast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural`skogo federal`nogouniversiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`e nauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114.
4. Ry`lova O. N. Russkaya antichnost` v otechestvennoj literature: k problemekul`turnogodialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`j resurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (accessed 10.01.2020).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY:

«DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions, Dialogue, Epicureanism

+16

LIBRI MAGISTRI

2021. 1 (15)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Научный рецензируемый журнал

Сдано в набор 07.03.2021. Подписано в печать 12.03.2021.

Дата выхода 19.03.2021.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1

Плоская печать. Усл. печ. л. 12,1. Тираж 400 экз. Заказ 2111.

Издательство ООО «ВГ КАТРАН»

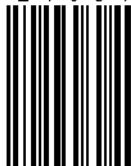
455000, Магнитогорск, ул. 50-летия Магнитки, 39–53.

I S S N 2 5 8 7 - 6 9 4 5

9 772587 694002

2 1 0 0 1

>